

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 6(66) 2020

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: новые идеи, глубокие и не очень	4
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Бондаренко В.М. Новая научная парадигма как основа решения проблем социально-экономического развития России и глобального мира	12
---	----

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Лебедев К.Н. Является ли цифровизация ключевым фактором социально-экономического развития?	19
Реус С.П. Влияние цифровой экономики на экономический рост России	29

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Диденко Д.В. Взаимосвязи процессов формирования человеческого капитала и экономического роста: новые свидетельства на заре индустриализации российских регионов	40
Акимова О.Е., Волков С.К., Хрысева А.А. Концепция «умный город»: эволюция, элементы и форма реализации	55

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сапир Е.В., Карачев И.А. Теоретические вопросы анализа специальных экономических зон в контексте взаимодействия государства и бизнеса	64
Минчичова В.С. Роль России в развитии инструментов поддержки экспорта в ЕАЭС	75

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Берберов А.Б. Технологическая безработица: проблема конфликта экономических интересов	88
Артеменко Д.А., Василенко Л.А. Ключевые проблемы налогового администрирования предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации	96

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Субетто А.И. Открытое письмо доктору экономических наук, доценту, профессору кафедры экономической теории и региональной экономики Ивановского государственного университета Алле Борисовне Берендеевой.	101
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Памяти Алексея Юрьевича Архипова.	108
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: К НОВЫМ ИДЕЯМ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: В статье представлен редакторский обзор материалов пятого (шестьдесят пятого) номера, которым мы продолжаем десятый, юбилейный, год выпуска нашего издания. В обзоре показано, что материалы номера, выдвигают новые идеи, которые вносят определенный вклад в наше общее дело разработки и развития концепции теоретической экономики. В обзоре определено, какой именно этот вклад. Показано, что в разной степени он характеризует и известных читателям, и новых авторов. Особое внимание уделено актуальным проблемам теоретической экономики, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации и цифровой экономики, обсуждавшимся на международной конференции в ЯГТУ, посвященной 75-летию юбилею университета, современным проблемам мировой экономики.

Ключевые слова: теоретическая экономика; цифровая экономика; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики; творчество молодых исследователей; научная жизнь.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: NEW IDEAS, DEEP AND NOT VERY

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article presents an editorial review of the materials of the fifth (sixty-fifth) issue, with which we continue the tenth, anniversary, year of release of our publication. The review shows that the materials of the issue put forward new ideas that make a certain contribution to our common business of developing and developing the concept of theoretical economy. The review determines which particular contribution. It is shown that, to varying degrees, it characterizes both well-known readers and new authors. Particular attention is paid to urgent problems of theoretical economy, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization and the digital economy, discussed at an international conference at YSTU, dedicated to the 75th anniversary of the university, and contemporary problems of the world economy.

Keywords: theoretical economy; digital economy; new industrialization; modern problems of the global economy; creativity of young researchers; scientific life.

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, шестой (шестьдесят шестой), номер нашего сетевого издания, которым мы продолжаем десятый, юбилейный, год нашего общения с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера, которые, хотя и на разном уровне глубины, представляют новые идеи,

вносящие свой вклад в дело развития выдвинутой нами концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликована в данном номере работа под названием «Новая научная парадигма как основа решения проблем социально-экономического развития России и глобального мира». Её автор – Бондаренко Валентина Михайловна, член редколлегии нашего издания, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики РАН», (г. Москва, Российская Федерация). Она известна Вам по выступлениям в нашем журнале и рецензии на одну из её книг [см.: 1; 2; 3; 4]. Цель данной статьи – познакомить научное сообщество с результатами исследований, в которых автором решена фундаментальная задача – обоснование новой научной парадигмы как основы решения социально-экономического развития России и проблем в развитии всего глобального мира. Актуальность и своевременность решения этой задачи, по мнению автора, заключается в том, что экономические теории оказались не способными выявить объективные причины финансовых, экономических и системных кризисов, предложить эффективный механизм их устранения и обеспечить решение проблем развития России не только в отдаленной перспективе, но и в ближайшие годы. Научная новизна такой постановки задачи и возможность ее решения заключается в том, что все проблемы развития России и мира рассматриваются с позиций определения единого целеполагания. А также с позиций целостности, системности, комплексности и на базе объединения всех наук и духовных знаний в единое трансдисциплинарное знание и только по отношению к выявленной объективно заданной цели развития. Это дало ключ к формированию новой научной парадигмы. Ее практическое использование позволяет осуществлять структурно-системное перестраивание социально-экономического развития таким образом, чтобы решение проблем развития России формировалось не методом «проб и ошибок», а осознано с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего на планете «Земля» и с прогнозным горизонтом на всю перспективу пока не будет достигнута цель.

Затем Вашему вниманию в очередной раз представляется рубрика под названием «Конференция в ЯГТУ о цифровой экономике». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с двумя материалами. Во-первых, это работа под названием «Является ли цифровизация ключевым фактором социально-экономического развития?». Её подготовил Лебедев Константин Николаевич, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация). Он уже публиковался в нашем издании [см.: 5]. Актуальность представленного сейчас исследования, по мнению автора, обусловлена сохраняющимися завышенными ожиданиями от развития ИКТ и завышенными цифровыми бюджетами, тем, что пропаганда ключевой роли ИКТ в социально-экономическом развитии отвлекает страну от решения значительно более важной задачи – ликвидации многократного производственного отставания от развитых стран. Цель работы – обоснование того, что ИКТ не являются ключевым фактором социально-экономического развития. На основе сравнений уровня развития ИКТ и роста ВВП или производительности показано, что развитые ИКТ совершенно не нужны для быстрого и устойчивого роста экономики, лидерство стран в развитии ИКТ покупается отказом от лидерства в темпах экономического роста, развитие ИКТ не является главным фактором прогресса видов деятельности. На основе выяснения места ИКТ в общественном производстве показана зависимость эффекта от развития ИКТ (силы, направленности – положительный или негативный) от используемых производственных технологий, технологий измерения и наблюдения, методов исследования и управления.

Во-вторых, в этой рубрике представлена публикация материала под названием «Влияние цифровой экономики на экономический рост России». С ним выступает Реус Семён Петрович, аспирант кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет» (г.

Симферополь, Российская Федерация). В прошлом номере он выступал в соавторстве с опытными коллегами, а сейчас представляет полностью самостоятельное произведение. Развитие цифровой экономики, основанной на знаниях, отмечает автор, привлекает многих экономистов, которые исследуют процессы использования передовых технологий в различных её отраслях, сферах производства, что, безусловно, оказывает влияние на производительность труда и экономический рост. Целью исследования является проведение анализа процессов экономического роста России в условиях активного развития цифровых технологий и внедрения инноваций в деятельность организаций. Для достижения цели, с использованием методов обобщения, экономического анализа, структурирования и графического метода, были решены следующие задачи: проведён анализ публикаций отечественных и зарубежных экономистов по цифровой экономике; отражено влияние технологической модернизации производств на экономический рост; проанализированы динамика использования организациями информационно-коммуникативных технологий и специальных программных средств, а также затраты организаций на технологические инновации. Сделаны выводы о том, что, учитывая весомый вклад учёных в исследования по цифровой экономике, на данном этапе экономического развития необходимо и целесообразно применять их для разработок инновационных технологий, оказывающих влияние на темпы экономического роста; технологическая модернизация повышает производительность труда, а, следовательно, и экономический рост; применение передовых технологий, в том числе и цифровых, является частью инновационной политики организаций по внедрению в свою деятельность высокотехнологичного оборудования, что способствует повышению эффективности принятия управленческих решений, а также скорости и надёжности трансакций; развитие цифровых технологий способствует активному их применению в деятельности организаций для решения конкретных задач. Выявлено: использование субъектами экономики передовых технологий повышает их конкурентоспособность и производительность, влияет на скорость выполнения ими своих функций, продолжительность стадий экономических циклов, повышая частоту их смены, за счёт чего достигаются более высокие темпы экономического роста. Данное исследование носит фундаментальный характер и может быть полезно при планировании деятельности субъектов экономики, а также разработке программ социально-экономического развития.

В следующей рубрике – «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» – публикуется в этом номере две работы. Во-первых, статья под названием «Взаимосвязи процессов формирования человеческого капитала и экономического роста: новые свидетельства на заре индустриализации российских регионов». Она подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБОУ ВО РАНХиГС, НИР «Сравнительная динамика экономического развития регионов в XIX – начале XX вв.: Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток», «Региональные модели социально-экономического развития в Европейской России в XIX – начале XX вв.». Автор, Диденко Дмитрий Валерьевич, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», (г. Москва, Российская Федерация), который уже публиковался в нашем журнале [см.: 6], выражает благодарность коллегам за предоставленные в рамках НИР сведения о динамике промышленного и сельскохозяйственного производства. В статье анализируются прямые и обратные связи процессов накопления человеческого капитала и экономического роста в отдельных регионах России на начальной стадии индустриального развития. Цель данного исследования заключается в том, чтобы установить, насколько эмпирические свидетельства согласуются со ставшими популярными в последние десятилетия экономическими теориями. Для определения показателя, изменения которого являются опережающими и запаздывающими, проведен кросс-корреляционный анализ соответствующих временных рядов по отдельным губерниям. Региональные данные в большей степени подтверждают статистические связи

процессов накопления человеческого капитала и расширения промышленного сектора, в несколько меньшей степени – развития сельскохозяйственного. Накопление человеческого капитала оказывается более важным в сфере образования, чем здравоохранения. Тем не менее, выявленные лагированные связи оцениваются как статистически сильные только в отдельных случаях; и они лишь частично подтверждают «новые теории роста», но в несколько большей степени – «универсальную теорию роста».

Затем в этой же рубрике представлена работа под названием «Концепция «умный город»: эволюция, элементы и форма реализации». Её авторы – трое исследователей из ФГБОУ «Волгоградский государственный технический университет», кандидаты экономических наук, доценты кафедры мировой экономики и экономической теории: Акимова Ольга Евгеньевна, Волков Сергей Константинович, Хрысева Анна Александровна. С.К. Волков уже публиковался в нашем журнале [см.: 7], а его соавторы выступают у нас впервые. В нашей стране в последнее время, отмечают авторы в представленной сейчас работе, много говорится о необходимости прорыва, инновациях, цифровой экономике, необходимости реализации концепции «умный город». Однако, в отношении самого определения понятия «умный город» существуют расхождения. Что такое «умный город»? И чем умный город отличается от цифрового, интеллектуального или виртуального? Можно ли реализовывать концепцию «умный город», если каждый вкладывает в это понятие свое собственное видение? В этой связи в данной статье была предпринята попытка осмысления термина на основании анализа теоретических и эмпирических исследований, а также инфографики статей, зарегистрированных в базе данных Scopus. В настоящее время не сложилось научной школы в данном направлении. Более того, в большинстве публикаций представлен лишь опыт различных стран в реализации концепции «умный город» или отдельных ее составляющих, но не определены базовые элементы самой концепции. Как показала практика, заикленность исключительно на технологической составляющей «умных» городов со временем порождает путаницу в понимании их сущности. На взгляд авторов, в настоящее время воспринимать умный город только лишь с позиции внедрения высоких технологий было бы в корне неверно, поскольку технологичность – это ключевая характеристика цифрового или виртуального города. Умный город, считают авторы статьи, – это единение инженерной и социальной инфраструктуры, повышающей интеллектуальную мобильность жителей и обеспечивающей интеллектуальное управление территориальной единицы, способствующее наращиванию социального капитала и активному использованию качественных и количественных инструментов роста производительности человеческого капитала и инновационных разработок. С позиции данного определения, резонно замечают авторы, необходимо переосмысление сущности концепции «умный город», а также механизма ее реализации в России.

Далее мы представляем Вашему вниманию рубрику под названием «Современные проблемы мировой экономики». В данном номере мы знакомим Вас с двумя материалами этой рубрики. Во-первых, статья под названием «Теоретические вопросы анализа специальных экономических зон в контексте взаимодействия государства и бизнеса». Её написали Сапир Елена Владимировна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация), и Карачев Игорь Андреевич, кандидат экономических наук, доцент этой кафедры. Они не впервые выступают в нашем журнале [см.: 8; 9; 10], а Елена Владимировна является членом нашей редакционной коллегии. Статья посвящена проблеме выявления сущности, основных признаков и видов специальных экономических зон. Авторами выделены два подхода к изучению специальных экономических зон: традиционный и промышленно ориентированный. Построена шкала типов зон в зависимости от уровня индустриализации стран и этапов развития преференциальных режимов. В статье на основе использования методов анализа и обобщения предложена классификация современных специальных экономических зон по двум основаниям: специализации и характеру

организации и управления. В зависимости от специализации специальные экономические зоны подразделяются на зоны свободной торговли; многопрофильные зоны; специализированные зоны и инновационные зоны. По характеру организации выделяются широкие зоны; зоны, движимые потоками прямых иностранных инвестиций, а также трансграничные зоны. В результате, авторы отмечают необходимость трансформации специальных экономических зон из привилегированных анклавов в источник масштабного положительного воздействия.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья под названием «Роль России в развитии инструментов поддержки экспорта в ЕАЭС». Её автор – впервые выступающая в нашем журнале Минчичова Валерия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва, Российская Федерация). Статья нацелена на изучение и характеристику существующей системы поддержки экспорта в странах ЕАЭС и объединении в целом. На основе статистического анализа выделены тенденции динамики экспорта стран ЕАЭС во взаимной торговле и торговле с третьими странами. Создана обобщающая таблица существующих мер, проведен сравнительный анализ степени эффективности осуществляющих эти меры институтов. Выделены перспективные направления экспорта для каждой страны ЕАЭС. Изложены сценарии и оценены перспективы лидерства России в области развития инструментов поддержки экспорта в странах ЕАЭС.

В следующей рубрике, «Творчество молодых исследователей», публикуется две работы. Первая из них называется «Технологическая безработица: проблема конфликта экономических интересов». Её написал впервые публикующийся в нашем издании Берберов Азамат Бурханович, аспирант Департамента экономической теории ФГОБУ «Финансовый университет при Правительстве РФ», (г. Москва, Российская Федерация). Статья посвящена анализу текущих подходов к определению понятия «технологическая безработица». В качестве основного объекта критики по отношению к существующим определениям автор выделяет узость взгляда, исключающую комплексное восприятие всех аспектов данной экономической категории. Отдельное внимание в статье уделяется научному осмыслению проблемы технологической безработицы сквозь призму конфликтов экономических интересов между субъектами экономической деятельности. В этом контексте предпринята попытка по формированию новой, авторской дефиниции для экономической категории «технологическая безработица», которая отражала бы как весь накопленный опыт её толкования, так и учитывала необходимость в решении конфликтов экономических интересов между субъектами экономической деятельности с целью преодоления проблемы технологической безработицы.

Вторая работа в этой рубрике имеет название «Ключевые проблемы налогового администрирования предприятий малого и среднего бизнеса в российской Федерации». Её представили авторы из Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация) Артеменко Дмитрий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственные, муниципальные финансы и финансовый инжиниринг», и Василенко Людмила Александровна, магистрант этой кафедры. Это тоже новые для нашего издания авторы. В их статье рассмотрено современное состояние сферы налогообложения малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Проведен анализ публикаций средств массовой информации, официальных сайтов органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, а также действующих нормативно-правовых актов и внесенных в них изменений. На основании проведенного исследования сделаны выводы о существующих проблемах в сфере налогообложения малого и среднего предпринимательства. Ключевой проблемой определено налоговое администрирование малого и среднего бизнеса в России в современных условиях, которое, в свою очередь, влияет на развитие экономики в целом. Рассмотрены основные условия и преимущества специального налогового режима для самозанятых граждан – налога на профессиональный доход.

В рубрике «Рецензии, отклики» в этом номере Вашему вниманию предоставляется «Открытое письмо доктору экономических наук, доценту, профессору кафедры экономической теории и региональной экономики Ивановского государственного университета Алле Борисовне Берендеевой», с которым выступил Субетто Александр Иванович, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Читатели нашего журнала хорошо знают Александра Ивановича как активнейшего его автора [см, например, его публикации у нас и отзывы на его работы: 11-30]. Новая работа, представляемая сейчас является откликом А.И. Субетто на отзыв А.Б. Берендеевой по поводу его ранее опубликованной статьи. Автор благодарит рецензента и показывает, в чем разделяет её суждения и оценки. В то же время по ряду аспектов вступает в полемику. При этом отстаивает и развивает положения своей концепции ноосферного развития.

В завершение номера, в рубрике «Памяти ученого» публикуется мой материал «Памяти Алексея Юрьевича Архипова». В нем я обращаюсь к читателю со словом об Алексее Юрьевиче Архипове, чье сердце перестало биться. Обращено внимание на научно-педагогические заслуги Алексея Юрьевича, его высокие человеческие качества. Отмечена его активная товарищеская поддержка нашего журнала. От имени редколлегии и читателей нашего сетевого издания выражено соболезнование родным и близким покойного.

Таково основное содержание материалов представленного шестого (шестьдесят шестого) номера. Как видите, в нем, действительно, представлены новые идеи, разумеется, разного научного уровня, и известных, и новых авторов.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко В.М. Мировоззренческий взгляд на проблемы развития России и мира / В.М. Бондаренко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 2. — С. 8-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Мелиховский В.М. Рецензия на книгу Бондаренко В.М. «Бескризисное развитие: миф или реальность» / В.М. Мелиховский // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 2. — С. 84-89. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Бондаренко В.М. Новый взгляд на проблему кризисов, прогнозов и экономический рост / В.М. Бондаренко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 6. — С. 21-36. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Бондаренко В.М. Возможные модели развития цифровой экономики: видение из будущего / В.М. Бондаренко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 5. — С. 39-49. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
5. Лебедев К.Н. Марксистская теория социально-экономического развития и теория технологических укладов: аналогии методов и выводы / К.Н. Лебедев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 3. — С. 59-69. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
6. Диденко Д.В. Планирование в эволюции теоретических основ экономики развития / Д.В. Диденко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 2. — С. 34-40. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
7. Гущина Е.Г., Витальев Е.М., Волков С.К., Суслина В.А. Механизм снижения отрицательного влияния информационной асимметрии на анализ финансового состояния российских предприятий в

условиях перехода на международные стандарты финансовой отчетности / Е.Г. Гущина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 3. — С. 107-116. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Сапир Е.В. Этика в экономике: геоэкономический синтез / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 6. — С. 12-18. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Сапир Е.В., Карачев И.А. Геоэкономическая природа региона: потенциал для роста российской экономики / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 5. — С. 44-52. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Карачев И.А., Шварц Д.С. Поддержка кооперационных проектов в российской экономике как фактор стимулирования кластерного развития / И.А. Карачев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 4. — С. 151-163. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Субетто А.И. Онтологическая ложь бытия капиталократии и её развенчание в XXI веке (что происходит с человечеством и Россией в начале XXI века) / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 3. — С. 15-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Гордеев В.А. Рецензия на книгу Субетто А.И. «Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики)» / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 5. — С. 57-69. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: : <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Корняков В.И. Рецензия на книгу А.И. Субетто «Зов будущего: мир. Человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии» / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 2. — С. 65-69. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

14. Субетто А.И. М.И. Скаржинский как «зеркало» трагедии отечественной экономической науки в пространстве рыночно-капиталистического реванша / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 4. — С. 71-83. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Субетто А.И. Глобальный империализм, экологический апокалипсис и стратегия выхода из экологического тупика / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 6. — С. 16-20. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

16. Субетто А.И. Ноосферная парадигма целеполагания устойчивого развития человечества и России / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 2. — С. 12-22. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

17. Субетто А.И. Ноосферное образование в евразийском пространстве: ноосферно-евразийская парадигма фундаментализации ноосферного образования / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 3. — С. 7-11. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

18. Субетто А.И. Проблемы управления ноосферным устойчивым развитием / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 4. — С. 7-18. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Субетто А.И. Капиталогенный экологический апокалипсис: конец человечеств или прорыв к социализму? / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 5. — С. 17-21. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

20. Субетто А.И. Научно-образовательное сообщество – стратегия развития науки, образования и культуры в России XXI века и основа перехода к управляемому ноосферному развитию / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 1. — С. 18-32. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
21. Субетто А.И. Великий эволюционный перелом – переход человечеством в эпоху ноосферной истории / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 2. — С. 14-21. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
22. Субетто А.И. Сто лет спустя после великого октября: экологический финал империализма США и ноосферно-социалистическая революция как императив выживаемости человечества / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 3. — С. 28-40. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
23. Субетто А.И. Ленин как символ столетия Великой Русской Социалистической Революции и величие будущей Эпохи Социализма / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 5. — С. 19-27. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
24. Субетто А.И. «Как не ломалась сталь» (автобиографическая исповедь настоящего коммуниста) / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 1. — С. 128-137. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
25. Субетто А.И. Системная проблема развития ЖКХ в России в контексте действия Закона Энергетической Стоимости / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 2. — С. 66-72. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
26. Субетто А.И. II-ая международная научно-практическая конференция «Выявление и профилактика мошенничества и коррупционных рисков в органах государственной власти. Комплексная защита бизнеса и предпринимательства» / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 3. — С. 201-206. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
27. Субетто А.И. Повестка дня на XXI век – ноосферно-социалистическое преобразование глобальной экономики / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 4. — С. 52-60. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
28. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Системная проблема развития ЖКХ в России в контексте действия закона энергетической стоимости» А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 6. — С. 131-135. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
29. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечества на земле» / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 11. — С. 95-95. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
30. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Императив возрождения сильной государственности в России в контексте императива перехода человечества к ноосферной парадигме истории в XXI веке» / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 3. — С. 110-116. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА КАК ОСНОВА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00809

Бондаренко Валентина Михайловна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
ФГБУН «Институт экономики РАН»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: bondarenko@ikf2011.ru

Аннотация: Цель статьи – познакомить научное сообщество с результатами исследований, в которых автором решена фундаментальная задача – обоснование новой научной парадигмы как основы решения социально-экономического развития России, в т. ч. и проблем в развитии всего глобального мира. Актуальность и своевременность решения этой задачи заключается в том, что экономические теории оказались не способными выявить объективные причины финансовых, экономических и системных кризисов, предложить эффективный механизм их устранения и обеспечить решение проблем развития России не только в отдаленной перспективе, но и в ближайшие годы. Научная новизна такой постановки задачи и возможность ее решения заключается в том, что все проблемы развития России и мира рассматриваются с позиций определения единого целеполагания. А также с позиций целостности, системности, комплексности и на базе объединения всех наук и духовных знаний в единое трансдисциплинарное знание и только по отношению к выявленной объективно заданной цели развития. Это дало ключ к формированию новой научной парадигмы. Ее практическое использование позволяет осуществлять структурно-системное перестраивание социально-экономического развития таким образом, чтобы решение проблем развития России формировалось не методом «проб и ошибок», а осознано с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего на планете «Земля» и с прогнозным горизонтом на всю перспективу пока не будет достигнута цель.

Ключевые слова: научная парадигма, новая методология, цель, человек, время, критерий эффективности.

JEL: A12

A NEW SCIENTIFIC PARADIGM AS THE BASIS FOR SOLVING PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE GLOBAL WORLD

Bondarenko Valentina Mikhailovna,
PhD in Economics, Leading Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to acquaint the scientific community with the results of studies in which the author solved the fundamental problem – substantiating a new scientific paradigm as the basis for solving the socio-economic development of Russia, including problems in the development of the entire global world. The relevance and timeliness of solving this problem lies in the fact that economic theories were unable to identify the objective causes of financial, economic and systemic crises, to propose an effective mechanism for their elimination and to provide a solution to the problems of Russia's development not only in the long term, but also in the coming years. The scientific novelty of such a statement of the problem and the possibility of solving it lies in the fact that all the problems of the development of Russia and the world are considered from the standpoint of determining a single goal setting. And also from the standpoint of integrity, systematicity, complexity and on the basis of combining all sciences and spiritual knowledge into a single transdisciplinary knowledge and only in relation to the identified objective development goal. This gave the key to the formation of a new scientific paradigm. Its practical use allows us to carry out structural and systemic restructuring of socio-economic development in such a way

that the solution to the problems of Russia's development is not formed by the "trial and error" method, but is realized with an understanding of the ultimate goal and in the interests of each individual living on the planet Earth and with a forecast horizon for the entire prospect until a goal is reached.

Keywords: scientific paradigm, new methodology, goal, person, time, efficiency criterion.

Необходимость перестраивания национального хозяйства любой страны мира, в том числе и в России обусловлена тем, что социально-экономическая обстановка везде продолжает ухудшаться! То есть то научное знание, которое ученые сегодня используют для нахождения выхода из системного кризиса, не дает желаемого результата! Например, недавно на сайте ИА РЕГНУМ была опубликована статья Владимира Пантина, д.э.н., заведующего сектором ИМЭМО РАН «России надо готовиться к войне». В ней он обосновал на основании анализа циклов Кондратьева, циклов эволюции мировой политической системы и эмпирического анализа текущих событий и тенденций вероятность, что в ближайшие годы разразится «горячая» локальная война, в которой России придется защищать свои национальные интересы и само право на независимое существование [7].

Но где критерий правильности его выводов?

Другой пример. В соответствии с Федеральным Законом о стратегическом планировании в Российской Федерации разрабатываются в надежде на их реализацию более двадцати трех тысяч стратегий [1]. И это минимум, так как имеется еще множество других стратегий. Например, стратегии нацпроектов, их подпроектов и т.д.

Все стратегии имеют разные цели. У каждой стратегии свои оценочные показатели и критерии оценки их результатов. То есть, это говорит о том, что здесь никаким образом не используется системный, комплексный, целостный подход к решению всех аспектов развития. Но экономические теории, которые имеются сегодня, не способны дать такое представление о развитии. Они пытаются дать объяснение уже свершившимся фактам развития, выстроить на базе данных прошлого подчас ошибочные тенденции, а не выявить объективные причины возникновения финансовых, экономических и системных кризисов, предупредить все учащающиеся катастрофы, природные аномалии и глобальные эпидемии. Об отрицательных последствиях на развитие санкционных противостояний пишут политики и ученые, но пока остановить это явление не удастся. В результате нелегальная миграция, терроризм, информационные, кибер – и реальные войны с человеческими жертвами и огромными материальными потерями становятся неизбежными, как об этом пишет Пантин. Следовательно, они не способны предложить эффективный механизм их предупреждения и устранения. То есть, с позиций узко дисциплинарного знания никто не видит возможности четко и конкретно обосновать контур будущего, стратегию и механизм его достижения. Именно поэтому есть основания утверждать, что ни одна стратегия не будет реализована!

В экономической науке даже четвертая на сегодняшний день общенаучная парадигма – это теория самоорганизации и синергетика не имеет методов исследования, которые бы адекватно описали экономическую реальность. Почему? Объяснение будет дано в данной статье в другом месте.

Теория парадигм и научных революций наиболее выпукло была обозначена в работе Томаса Куна [6]. В соответствии с этой теорией именно сегодня становится сверхактуальной необходимость решения фундаментальной задачи по поиску и обоснованию новой научной парадигмы. Это позволит решить все перечисленные выше проблемы и откроет возможность нахождения пути для перехода на развитие без кризисов.

Основой формирования новой научной парадигмы стал разработанный автором новый методологический инструментарий. Предлагаемый инструментарий получен в результате эмпирических, политэкономических и мировоззренческих исследований, направленных на определение закономерностей развития человеческого сообщества. По результатам этих исследований защищена кандидатская диссертация по специальности 01 – политическая экономия, опубликованы

в более чем тридцати пяти статьях в журналах, рекомендованных ВАК, в т.ч., опубликованы статьи и в ряде номеров настоящего журнала. Результаты исследований опубликованы также в авторских монографиях, в главах коллективных монографий, в статьях мировых рецензируемых изданий и цитируемых в авторитетных базах данных. Упомянем только некоторые [3,4,8]. В этих работах были описаны результаты исследований, в которых были поставлены и решены четыре задачи.

В процессе исследований стало ясно, что для решения всех нарастающих негативных явлений в развитии не только России, но и других стран, необходимо понять направление, вернее цель этого развития. Поэтому определение единой цели развития всего глобального мира стало **первой задачей**, которую потребовалось решить. Фактически потребовалось решить мировоззренческую задачу и понять, ради какой одной единственной цели объективно происходит развитие человеческого сообщества. Причем, была поставлена задача, которую решить надо было только таким образом, чтобы определить конечную цель. То есть, такую цель, которая не является подцелью цели более высокого порядка в рамках земного существования человека.

Такое мировоззренческое понимание цели позволило получить однозначный ответ. Цель развития человеческой системы в целом и каждого конкретного человека, его единое целеполагание и весь смысл жизни человечества на земле, хотим мы того или нет, заключается в удовлетворении высшей потребности стать совершенным во всех смыслах. То есть, не только в физическом и интеллектуальном плане, но и в духовном. И на этой основе стать человеком с высоким уровнем сознания и достигнуть Высшего разума.

Решение **второй задачи** показало, что проложить путь достижения объективно заданной цели можно только при условии, если проблемы развития рассматривать с позиции целостности, комплексности, системности и при объединении всех наук и духовных знаний в единое трансдисциплинарное знание. Это и есть начала новой научной парадигмы! Почему? Потому, что решение этой задачи позволило понять, что только таким образом устраняется хаос, сложность и неопределенность и минимизируется во времени и в пространстве поиск ответов на проблемы всех аспектов развития. Но сегодня многие ученые считают, что хаос, сложность и неопределенность – это естественное, даже необходимое, условие развития. В ответ на это обосновываются новые отрасли знаний. Например, синергетика – наука о сложности и т.д. Создаются целые институты. Например, институт сложности в г. Санта-Фе, США. В действительности, возникновение хаоса, сложности и неопределенности в развитии – это движение к цели эволюционным и инволюционным путем, то есть, методом «проб и ошибок». Более того, до сих пор под междисциплинарным исследованием понималось решение задач одной науки методами другой. Или совокупность одновременного решения отдельных аспектов, системно не связанных между собой социально-экономических (например, финансовых), демографических, эколого-климатических и других задач и процессов методами различных наук при разработке, например, программы национальной безопасности в России. Понимание междисциплинарности как объединение всех наук и духовных знаний в единое трансдисциплинарное и их использование только по отношению исследования проблем достижения единой цели развития позволит каждой отдельной научной дисциплине, в т.ч. и экономике, оптимизировать и минимизировать свой инструментарий, очистится от искусственных наслоений и стать действительно эффективными науками развития.

По условиям **третьей задачи** был найден один единственный показатель, с помощью которого появляется возможность сопоставлять все процессы и явления, позволяющие приблизить все человечество и каждого отдельного человека к цели и с его помощью измерять их. Исследования показали, подробности которого даны в других статьях автора, что это можно сделать только с помощью единственного показателя – «время»! И все это делать только по отношению к объективно заданной цели развития. Таким образом, третья задача также была решена.

Четвертая задача, логически вытекающая из третьей, по своему условию была направлена на

поиск единого критерия эффективности, характеризующего весь процесс развития. Человеческая система рассматривалась опять же с пониманием того, что развитие должно приближать, не возвращаясь вспять, все сообщество на всех уровнях во времени и в пространстве к полной реализации одной единственной цели – удовлетворить потребность каждого конкретного человека стать совершенным с тем, чтобы достигнуть Высшего разума. Ответом на это условие задачи стало решение, позволившее получить единый критерий эффективности достижения цели для каждого конкретного человека, а это значит для всей системы в целом и любой ее подсистемы, то есть, для всего человеческого сообщества. Более подробно суть показателя «время» и основанного на нем критерия эффективности подробно раскрывается в ранее изданных работах автора.

Если время, как критерий эффективности, имеет устойчивую тенденцию к сокращению, приближается к своему самому минимальному значению, то развитие идет без возвратов вспять (значит без кризисов). Это также свидетельствует о том, что все человеческое сообщество объективно приближаются к достижению цели. И чем меньше «время между», тем каждое отдельное государство, сообщества, бизнес и главное, каждый конкретный человек начинают ее – цель осознавать! А если будет возрастать, и возрастать для всех по-разному, то это будет означать, что все части единого сообщества и конкретные люди будут находиться в разных временных пространствах «между» и договориться друг с другом они не смогут ни по одной из проблем. За этим неизбежно последует нарастание конфликтов вплоть до возникновения разрушительной войны. Поэтому и синергетика не может решить эту проблему, так как ее основной принцип – когерентность, т.е. насильственное соединение разноуровневых систем, что, как мы теперь понимаем, невозможно сделать.

Сейчас весь мир является свидетелем пика таких отношений. В этих условиях, когда все страны, все сообщества и конкретные субъекты находятся в разных временных пространствах, обеспечить безопасность России, в том числе, экономическую безопасность, не представляется возможным. Об этом писали еще Шпенглер и Хантингтон. В этом плане предупреждение Пантина верно! Следовательно, решить проблему безопасного развития не только нашей страны, но и всех других стран всего глобального мира станет возможным только тогда, когда они окажутся в одном временном пространстве между и далее будут все вместе синхронно его сокращать.

Таким образом, решение всех четырех задач в совокупности позволило понять, что получен не просто новый методологический инструментарий, а получена новая научная парадигма. Этот вывод подтверждает тот факт, что с ее помощью автор уже на данном этапе исследований получила возможность обосновать новые знания в разных областях. Вот некоторые из них:

- в области прогнозирования обосновать новую парадигму – прогнозирование будущего из будущего. То есть прогнозировать только из того будущего, когда уже достигнута объективно заданная цель и критерий эффективности «время между» приближается к нулю. Вернувшись из этого будущего в сегодняшний день или в далекое прошлое, получаем возможность отбирать, разрабатывать только те проекты и решения, которые обеспечивают непрерывное приближение к этому будущему. Это значит, что человек уже стал совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане, достиг высокого уровня сознания и Высшего разума;

- в области познания выявить закономерности развития человеческого сообщества. Как следствие, понять природу, причину и первоисточники системного кризиса и обосновать, что на планете земля за всю его историю существуют только две парадигмы развития. Одной парадигме развития свойственны кризисы, так как в ней производство, ориентированное на удовлетворение потребностей абстрактного потребителя, распределение, обмен и потребление разнесены во времени и в пространстве по всей планете. Время обращения товаров и денег многократно превышает время их производства. С внедрением высоких технологий XXI века, в т.ч. технологий Индустрии 4.0, эта диспропорция многократно усиливается, что и является первоисточником всех сегодняшних системных кризисных явлений. То есть, существующая модель человеческих отношений полностью

себя исчерпала. При сохранении этой модели апокалипсис неизбежен. В другой же парадигме могут быть созданы все условия для определения пути развития без кризисов. За счет чего появляется такая возможность? За счет перехода на новую модель отношений, в основе которой лежит непосредственная взаимосвязь между производством и потреблением. Производство в этой модели с помощью тех же высоких технологий XXI века персонализировано, что позволяет производить ровно столько продукции при их максимальном разнообразии, сколько требуется человеку и обществу, не производя ничего лишнего. В этой модели все ориентировано на достижение единой цели развития. Новая модель – это новая модель жизнеустройства на каждом местном уровне, там, где живет человек. Механизмом реализации этой модели является механизм согласования в режиме самоуправления на этом уровне и в реальном времени интересов государства, общества, бизнеса с интересами конкретного человека. Таким образом при минимальных затратах всех ресурсов, в том числе, человеческих и природных, устраняется диспропорция во времени производства, распределения, обмена и потребления. А это значит, что в этой парадигме развития устраняется сама первопричина кризиса. Все это легло в основу предложений автора по разработке и реализации Мегапроекта «ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»;

– в области долгосрочного прогнозирования. Спрогнозировав будущее из будущего, получена возможность понять, как из этого будущего, вернувшись в сегодняшний день, устранить все риски и проблемы развития не только на 2020 г. или иной год, но на всю перспективу устойчивого развития до достижения цели. Например, ООН в 2000 г. были приняты 8 целей устойчивого развития, которые не были достигнуты. В 2015 году они трансформировались уже в 17 целей. Чтобы эти цели достичь, были поставлены 169 задач. Контроль над их выполнением включает 338 глобальных показателей, помноженных на показатели региональных и национальных уровней, и измеряется уже тысячами системно не связанных показателей. Тем не менее, гарантии и механизма решения этих задач как не было, так и нет. Но если перевернуть пирамиду показателей и начинать их решать не на глобальном, а на каждом местном уровне и решать не 169 задач, а только одну – достижение данной цели развития для каждого конкретного человека. Тогда появляется возможность управлять в режиме самоуправления развитием не через контроль огромного количества системно не связанных показателей, а управлять только одним показателем – «временем между» достижением единой цели и той реальностью, где мир в целом, каждая из стран, каждый местный уровень и его житель находится. Тем самым будет обеспечено непрерывное сокращение этого показателя, и все ускоряющимися темпами приближая реализацию цели для каждого конкретного человека – человеку стать совершенным, так как это является единственно возможной движущей силой, которая создаст уже «здесь и сейчас» мотивацию для повышения каждым своего собственного физического, интеллектуального и духовного потенциала и производительности труда. Здесь следует добавить, что трактатов о времени с древности по настоящий день написано очень много. Это и крупнейший богослов и философ Блаженный Августин (354 — 430 гг.) и множество ученых XX и XXI века. Например, Альберт Эйнштейн (1879 – 1955 гг.) и Стивен Хокинг (1942 – 2018 гг.). Это были представители философских и естественных наук. Экономическая наука считается молодой наукой в сравнении с другими науками. Но и в ней также есть исследования разных авторов (например, Дж.Хикс, П.Самуэльсон, Д.Норт, Н. Кондратьев и др.), определяющие роль времени в различных процессах [2,5]. Например, из этих работ видно, что понятие времени и его эволюция в различных экономических построениях рассматривалось как способ расширения временных горизонтов его анализа, как взаимосвязь рабочего времени и денег, как осмысление разновременных экономических процессов и законов, из них выведенных в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, как понимание роли горизонта планирования различных хозяйственных решениях и т.п. Но время как единственный измеритель процессов эволюции и инволюции развития человеческой системы, тем более не абстрактно, а по отношению к цели развития и как показатель его эффективности, никогда и никем не рассматривалось;

– в области краткосрочного прогнозирования предлагается разработать единую стратегию России и всего глобального мира, исходя из понимания и принятия объективно заданной цели – каждому человеку стать совершенным, с обоснованием программы перехода на новую модель жизнеустройства и разработки механизма ее реализации с помощью высоких технологий. Только таким образом будет получена возможность решить системно и в комплексе, но с минимумом ресурсов и времени все 12 национальных проектов. И на примере России станет возможным разработать единую стратегию развития всего человечества в целом и всем вместе перейти на устойчивое развитие для достижения цели.

Все приведенные выше положения новой научной парадигмы уже подкреплены у автора дипломом об открытии в области общественных наук (Диплом № 643 от 26.12.2016 г).

Полученные новые знания являются базовыми условиями решения всех проблем, которые должны быть использованы для выработки всех направлений социально-экономического развития не только России, а в целом всего человеческого сообщества. Как результат, мы получаем стратегию развития на всю долгосрочную перспективу, пока не будет достигнута цель. Следовательно, мы получаем возможность разрабатывать стратегию и на 2025 или 2030 год. Почему? Потому что, возвращаясь из этого будущего в сегодняшний день, мы получаем возможность отбирать для решения всех проблем только те проекты, которые позволяют эволюционно, без возвратов вспять, шаг за шагом приближать нас, все человеческое сообщество и каждого конкретного человека к моменту достижения цели, равного нулю. Только таким образом обеспечивается эффективное и безопасное развитие человеческой системы с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего на всем пространстве России и всего остального мира.

ВЫВОД

Разработка и многолетнее использование нового методологического инструментария и те результаты, которые уже получены на основе его практического использования, дают нам основание утверждать, что на концептуальном уровне уже сформирована новая научная парадигма и ее применение к той системе, где целью развития является сам человек. Ее практическое использование позволит осуществлять перестраивание социального и экономического развития России и любой другой страны мира таким образом, что решение всех проблем будет происходить осознанно с пониманием конечной цели. Следовательно, оно будет происходить в интересах каждого конкретного человека, живущего на планете «Земля» и с прогнозным горизонтом на всю долгосрочную перспективу, пока не будет достигнута цель. И тем самым структура системного перестраивания социального и экономического развития России будет осуществляться с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]-URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения 14.01.2020 г.)
2. Балацкий Е.В. ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. // Вестник Российской академии наук, 2005. – Т.75. – №3. – С. 224-232.
3. Бондаренко В.М. Контуры экономики будущего и настоящего: две парадигмы развития // Вестник ИЭ РАН. –2011. – № 2. –С. 25–38.
4. Бондаренко В.М. Структурная модернизация в условиях формирования цифровой экономики // МИР (Модернизация, Инновации, Развитие), 2018. Т.9. № 2. С. 172–191. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2. – С.172-191.
5. Ильин И.Б. Эволюция понятия времени с точки зрения экономической науки // Вестник университета. – 2014. –№2. – С. 125-129
6. Патин Владимир. России надо готовиться к войне, ИА REGNUM, 5 апреля 2019 <https://regnum.>

ru/news/2606320.html

7. Томас Кун «Структура научных революций» / пер. с англ. яз. И.З. Налетова, М., 1975. – 288с.

8. Bondarenko V. Transition to crisis-free development: a myth or reality? // World Futures. 2014. Volume 70. –№2. – P. 93–119.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЦИФРОВИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫМ ФАКТОРОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

Лебедев Константин Николаевич

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Департамента экономической теории .
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: KNLebedev@fa.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися завышенными ожиданиями от развития ИКТ и завышенными цифровыми бюджетами, тем, что пропаганда ключевой роли ИКТ в социально-экономическом развитии отвлекает страну от решения значительно более важной задачи – ликвидации многократного производственного отставания от развитых стран. Цель работы – обоснование того, что ИКТ не являются ключевым фактором социально-экономического развития. На основе сравнений уровня развития ИКТ и роста ВВП или производительности показано, что развитые ИКТ совершенно не нужны для быстрого и устойчивого роста экономики, лидерство стран в развитии ИКТ покупается отказом от лидерства в темпах экономического роста, развитие ИКТ не является главным фактором прогресса видов деятельности. На основе выяснения места ИКТ в общественном производстве показана зависимость эффекта от развития ИКТ (силы, направленности – положительный или негативный) от используемых производственных технологий, технологий измерения и наблюдения, методов исследования и управления.

Ключевые слова: цифровизация; ИКТ-зация; неИКТ-улучшения; экономический рост; производственное недоразвитие; учетверение ВВП России.

JEL: E22, E61, E71, D24

IS DIGITALIZATION A KEY FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT?

Lebedev Konstantin Nikolaevich,
doctor of economic sciences, associate professor
professor of the Department of economic theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract: The relevance of the study is due to continuing high expectations from the development of ICTs and high digital budgets, because propaganda of the key role of ICT in socio-economic development distracts the country from solving a much more important task – liquidation of multiple production lag behind developed countries. The purpose of the work is to justify that ICTs are not a key factor in socio-economic development. Based on comparisons of the level of ICT development and the growth of GDP or productivity, it is (shown that developed ICTs are absolutely not necessary to ensure fast and sustainable economic growth, the leadership of countries in the development of ICTs is bought by giving up leadership in economic growth rates, the development of ICTs is not the main factor in the progress of kinds of activity. Based on the clarification of the place of ICT in social production, the dependence of the effect on the development of ICT (strength, direction - positive or negative) on the used production technologies, measurement and observation technologies, research and management methods is shown.

Keywords: digitalization; ICT-zation; nonICT-improvement; economic growth; industrial underdevelopment; quadrupling Russia's GDP

Пожалуй, ни один из видов деятельности в России так не преувеличивал свою роль в социально-экономическом (да и технологическом) развитии, как информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), например, объявляя себя в СМИ, научной и учебной литературе его ключевым фактором. Так, ИКТ (их развитию) приписываются: в статье (Кондратьев, 2011) – колоссальное влияние

на экономический рост, обеспечение большей социальной устойчивости [1], докладе (Институт развития информационного общества, 2012) – центральное место в инновационном развитии [2, с. 5], диссертации (Гордеева, 2011) – роль ключевого фактора научно-технического и экономического прогресса [3], учебном материале (Stud.Wiki) – роль ключевого условия экономического роста [4]. Под таким давлением признавать ключевую роль ИКТ приходилось и государственным органам. Как написано в проекте концепции развития рынка информационных технологий в РФ (Мининформсвязи, 2005), использование ИКТ имеет решающее значение для повышения уровня жизни граждан [5].

Такому преувеличению всегда противостояла взвешенная оценка роли ИКТ в общественном прогрессе. Так, в статье (Федорова, 2007) сообщалось, что по результатам: исследования Economist Intelligence Unit (EIU), ИКТ способствуют росту экономики только по достижении минимального порога развития (высокой распространенности стационарных телефонных линий, мобильных телефонов, персональных компьютеров и Интернета), влияния ИКТ на рост экономики в развивающихся странах не наблюдалось или даже было отрицательным [6, с. 200]; европейских исследований производительности в отраслях, использующих ИКТ – признаки ее ускорения незначительны либо отсутствуют [6, с. 203]. В учебном материале (Studbooks.net) приводятся: наблюдение Р. Солоу: «Компьютерная эра видна везде, но только не в статистике производительности» (1987), названное «Компьютерным парадоксом» или «Парадоксом производительности», заключающемся в росте инвестирования в компьютеризацию производства, приводящем к еще большему инвестированию в нее, а не к увеличению производительности и прибыли; информация о запоздалом влиянии ИКТ на экономику по данным ОЭСР за 1995–2005 гг. [7]. И российское руководство в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (Президент РФ, 2008) среди 3 главных факторов увеличения добавленной стоимости в экономике указывало ИКТ на последнем месте после интеллектуальной деятельности (в те времена большим весом обладало «научное» лобби) и повышения технологического уровня производства [8]. Таким образом, развитие производственных технологий официально признавалось более важным, чем развитие ИКТ.

Но под названием «Цифровизация» (современный, «цифровой» этап развития ИКТ) ИКТ добились того, что их трактовка как ключевого фактора социально-экономического развития стала проникать даже в «президентские» документы. Так, создание цифровой экономики в Послании Федеральному собранию (Президент РФ, 2016) было названо вопросом национальной безопасности и технологической независимости страны [9]; на заседании (Совет при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам, 2017) – беспрецедентным проектом, прорывным преобразованием, укрепляющим положение России в мире, подобным строительству железных дорог в конце XIX в. или электрификации страны в 1-й половине XX в. [10]. Как раз к дате последнего специалисты по цифровым технологиям McKinsey представили исследование, показавшее, что к 2025 г. цифровизация в России способна обеспечить до трети (от 19 до 34%) прироста ВВП [11, с. 8], т.е. увеличить рост ВВП на 50%! Очевидно, в продолжение этой истории бюджет национального проекта «Цифровая экономика» (ЦЭ) (1634,9 млрд. руб.) оказался больше суммы бюджетов таких нацпроектов как «Наука» (Н) (636,0), «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (МСП) (481,5) и «Производительность труда и поддержка занятости» (ПТ) (52,1) (все бюджеты – включая внебюджетные источники и с 01–15 октября 2018 г. по 31 декабря 2024 г.) [12].

Данный успех ИКТ имел место на фоне «отрезвляющего» доклада «Цифровые дивиденды» (Всемирный банк, 2016): цифровизация не оправдала ожиданий, вопреки ей в мире наблюдаются: замедление темпов роста производительности; усиление неравенства на рынках труда; снижение доли в демократических странах свободных и честных выборов. [13, с. 2]. Это значит, что цифровизация не является ключевым фактором роста производительности, трудового равенства и т.д. – ее, вместе с другими «позитивными» факторами, пересиливают негативные. Согласно докладу, цифровая революция приносит успех, если сопровождается необходимыми «аналоговыми»

дополнениями: совершенствованием законодательства, развитием конкуренции между компаниями, переквалификацией работников и обеспечением подотчетности институтов [13, с. 2].

В работе (Лебедев, 2017) были показаны: завышенность ожиданий от цифровизации в борьбе с бедностью, коррупцией, бюрократизмом, слабым экономическим ростом, низким качеством медицинского обслуживания и др. и революционизированием целых отраслей экономики (такси и др.) в РФ; нейтральность цифровизации к решению социально-экономических проблем; наличие у российского государства более эффективных средств их решения; необходимость развития ИКТ без ажиотажа, связанного с неэффективным расходованием средств [14].

В настоящее время ИКТ (в виде цифровых технологий) продолжают активно позиционировать себя как ключевой фактор социально-экономического прогресса. Цифровизация (информация), как написано в докладе (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2019), уже давно определяет траектории развития экономики и общества и далее будет определять международную конкурентоспособность отдельных компаний и целых стран [15, с. 4], обеспечит к 2030 г. (в основном – за счет повышения эффективности экономики, и в некоторой части – за счет роста индустрии информации) из 2,75% среднегодового темпа роста ВВП России 1,47% [15, с. 38], т.е. 53,5% ($1,47/2,75 \cdot 100$), в научной статье (Кузовкова, Шаравова, Кузовков, 2019) – представляет собой ключевой фактор развития экономики как ресурс, услуга, товар, источник добавленной стоимости и занятости [16, с. 3]. Но это можно рассматривать уже как реакцию ИКТ на признаки разочарования общества в возможностях ИКТ-зации и на корректировку руководством страны плана поддержки цифровизации в сторону ее сокращения.

О последнем говорит фактическая приостановка реализации нацпроекта ЦЭ в 2019 г. Как выясняется, кассовое исполнение его годового бюджета на 1 октября 2019 г. составило всего 12,3% – самый низкий показатель среди всех 13 нацпроектов! Для сравнения, на нацпроект Н на 1 октября 2019 г. было израсходовано 66,2% годового бюджета, МСП – 55,7, ПТ – 38,8 [17]. Исходя из этих данных, руководство страны считает науку более сильным фактором экономического роста, чем цифровизация. Не удивит, если грандиозный план по не менее, чем 3-кратному увеличению уровня внутренних затрат на развитие цифровых технологий в % ВВП в 2024 г. по сравнению с 2017 г. [12] останется на бумаге.

К началу 2019 года у российского руководства создалось много поводов для разочарования в ведущей роли ИКТ в обеспечении социально-экономического прогресса, прежде всего на примере цифровизации государства и его финансовых органов в частности. Масштабные успехи в цифровизации Пенсионного фонда РФ (ПФРФ), Банка России (БР), Федеральной налоговой службы (ФНС) и Федеральной таможенной службы (ФТС) весьма незначительно сократили огромный разрыв в производительности между ними и аналогичными службами западных стран, как ясно из работы (Будович, 2019). Ниже (через дробь) приводятся фактическая численность (тыс. чел.) сотрудников данных органов и их численность по американским (далеко не самым передовым в мире) нормам обеспеченности населения их сотрудниками: ПФРФ (2022 г.) – 100/27, БР (на конец 2019 г.) – 43/7,5, ФНС (на конец 2017 г.) – 146/35, ФТС (на конец 2015 г.) – 55,7/12,5 [18, с. 102–108].

Заметим, что радикальная корректировка планов поддержки видов деятельности, претендующих на ключевую роль, у нас не является чем-то новым. Так, неоднократно корректировались планы поддержки науки (исследований и разработок (ИиР)). Согласно принятой в 2006 г. Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, внутренние затраты на ИиР (ВЗИР) должны были составить 2 и 2,5% ВВП в 2010 и 2015 г. соответственно, а сменившей ее в 2011 г. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года – 1,3 и 1,9% ВВП в 2013 и 2016 г. соответственно. Но уровни ВЗИР и бюджетного финансирования ВЗИР в % ВВП продолжали все эти годы оставаться практически неизменными – около 1,1 и 0,7–0,8%. По мнению Ю.И. Будович (Будович, 2020), увеличивать уровень финансирования науки российскому руководству не позволяло осознание неэффективности бюджетных расходов (и расходов госкомпаний) на ИиР [19,

с. 7–8, 11]. Возможно, и с самого начала оно не собиралось этого делать, принимая соответствующие финансовые планы в целях умиротворения влиятельного «научного» лобби, и подобное, может быть, было и в случае нацпроекта ЦЭ. Вообще, принятие и функционирование заведомо нереальных норм является российской традицией. Еще М.Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889) установил, что в России неадекватность законов компенсируется необязательностью их исполнения («строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»), «самые плохие законы – в России, но этот недостаток компенсируется тем, что их никто не выполняет» [20]). Отсюда, реальные законы РФ можно выяснить, установив степень неисполнения формальных законов, т.е. реальные нормы поддержки видов деятельности соответствуют их фактической поддержке.

Таким образом, опасения представителей ИКТ, что нацпроект ЦЭ «раздербанят» на другие проекты [17], не лишены оснований.

Данные о разочаровании бизнеса в ИКТ приводятся в работе (Будович, 2019). Из них, в частности, видно, что доля организаций: использовавших SCM-системы в 2014–2016 гг. росла крайне медленно, оставаясь на весьма низком уровне (4,1; 4,3; 4,4% соответственно), ERP-системы – так же (выросла с 10,1% в 2014 г. до 10,7 в 2016), CRM-системы – упала с 9,9% в 2015 г. до 9,4 в 2016; размещавших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете, и соответствующим образом получавших заказы в 2013–2016 гг. – стабилизировалась на уровне чуть выше 40% и чуть ниже 20% соответственно; имевших специальные программные средства для управления закупками товаров (работ, услуг) и таковые для управления продажами – снизилась с 38,6% в 2013 г. до 37,8 в 2016 и с 24,3% в 2011 г. до 21,8 в 2016 соответственно; проводивших дополнительное обучение сотрудников в области ИКТ – колебавшаяся от 7,0 до 10,1% в 2010–2013 гг., упала до 4,9% в 2014 г.; даже использовавших персональные компьютеры и Интернет – снизилась с 94,1% в 2011 г. до 92,4 в 2016 и с 89,0% в 2014 г. до 88,7 в 2016!

Как следствие, удельный вес затрат на ИКТ в общем объеме отгруженной продукции упал с 2,4% в 2013 г. до 1,9 в 2015, а ИКТ-сектор в % занятого населения сократился с 2,1% в 2010–2014 гг. до 2,0% в 2015–2016 гг., а в 2017 г. составил 1,7% [21].

Тем не менее, завышенные ожидания от цифровизации в обществе сохраняются, и завышенные «цифровые» бюджеты никто официально не отменял. Целью настоящей статьи является дополнительное обоснование того, что ИКТ не являются ключевым фактором социально-экономического прогресса.

Прежде всего, данные западных исследований, использовавшиеся у нас для обоснования ключевой роли ИКТ в социально-экономическом прогрессе, о такой роли ИКТ в странах, их усиленно развивающих, вовсе и не говорили. Сенсационные данные Европейской Комиссии об обеспечении между 1995 и 2004 гг. 50% роста производительности (productivity, efficiency gains) в ЕС развитием ИКТ (Сафиуллин, 2013) [22], реально таковыми не были. Согласно комментариям к ним, этот рост произошел главным образом за счет увеличения производительности самого ИКТ-сектора и роста инвестиций в ИКТ [23, с. 8], т.е. влияние ИКТ на экономику было в рамках «Парадокса производительности» (см. выше), лишь данные с 2004 г. показывают, что Европа, и то – лишь возможно, вступила во 2-ю фазу воздействия ИКТ, вызывающую повышение эффективности за пределами ИКТ-сектора [23, с. 8].

Какие-то впечатляющие данные относятся лишь к США (в связи с объяснением опережающего роста их экономики в конце 1990-х гг. по сравнению с европейской), например данные Hayashi и Nomura о 27-процентном вкладе ИКТ в прирост ВВП США в 1990–2000 гг., тогда как аналогичные данные по ЕС и Японии (других ученых) – 17,0 и 10,6% соответственно [24, с. 25] – не поражают воображения.

Первоначально впечатляют подсчеты ОЭСР вклада ИКТ-капитала в среднегодовой рост ВВП в 1985–2010 гг. США – 0,53 процентных пункта, Великобритании – 0,56, Франции – 0,32, Италии – 0,28, Германии – 0,27 [24, с. 25]. Но сравнение первого со вторым в этих странах (2,78; 2,99; 2,47; 2,21 и 2,39% соответственно – подсчитано автором по данным [25]) показывает, что вклад ИКТ-капитала в

прирост ВВП США в эти годы составил 19,1% ($0,53/2,78*100$), Великобритании – 18,7 ($0,56/2,99*100$), Франции – 13,0 ($0,32/2,47*100$), Италии – 12,7 ($0,28/2,21*100$), а Германии – 11,3 ($0,27/2,39*100$). И почему-то в развивающейся стране (России), вопреки выводам ЕIU (см. выше), развитие ИКТ должно привести к значительно большему эффекту – по McKinsey, обеспечит от 19 до 34% прироста ВВП к 2025 г., по ИСИЭЗ НИУ ВШЭ – 53,5% прироста ВВП к 2030 г. (см. выше).

Для развивающихся стран более важно, что развитые ИКТ не нужны для обеспечения быстрого и устойчивого роста экономики. Таковой (почти удвоивший реальный ВВП) имел место в нашей стране в 1999–2008 гг. со среднегодовым темпом (как среднее арифметическое годовых темпов) 6,9% (подсчитано автором по данным [25]). При этом до его начала и, очевидно, весь его срок ИКТ России находились на уровне ниже «критической массы» их влияния на экономический рост и производительность труда [2, с. 10]. Участие ИКТ в этом росте определялось лишь увеличением доли ИКТ в ВВП (резким – в 2002–2004 гг. – с 2,2 до 4,9% ВВП [26]). И в исследованиях, посвященных причинам экономического роста 1999–2008 гг., ничего не говорится о вкладе в этот рост ИКТ, например в соответствующей главе работы академика А.Г. Аганбегяна (Аганбегян, 2009) [27, с. 8–12].

О том, что развитые ИКТ не нужны для обеспечения быстрого и стабильного экономического роста, говорит сопоставление среднего значения индекса развития ИКТ (IDI) России и США в 2002 и 2007 г. (2,71 и 3,83; 5,25 и 6,44 соответственно [32]) со среднегодовым темпом роста ВВП в этих странах в 2002–2007 гг. (до кризиса 2008–2009 гг.) Среднее значение IDI России – 3,27 ($(2,71+3,83)/2$), США – 5,85 ($(5,25+6,44)/2$). Среднегодовой темп роста ВВП России в 2002–2007 гг. составил 7,05%, а США – 2,78 (подсчитано автором по данным [25]). Таким образом, при ИКТ, развитых в 1,8 раза слабее ($5,85/3,27$), экономика РФ развивалась в 2,5 быстрее ($7,05/2,78$), чем экономика США.

В те же годы имел место бурный и стабильный экономический рост в Турции (со среднегодовым темпом 6,8%) [29, с. 12]. Значение IDI Турции в 2002 г. было 2,41, в 2007 – 3,49 [32], а его среднее значение – 2,95 ($(2,41+3,49)/2$). Экономика Турции при ИКТ развитых в 2 раза слабее ($5,85/2,95$), росла почти в 2,5 раза быстрее ($6,8/2,78=2,45$), чем американская.

О значительной независимости темпа экономического роста от степени развитости ИКТ говорит и сравнение темпов роста ВВП (после кризиса 2008–2009 гг.) стран, занимавших 1-е место в рейтинге IDI. В 2014 г. оно было у Дании [30], среднегодовой темп роста ВВП которой в 2010–2016 гг. составил 1,4% (здесь и далее аналогичные показатели подсчитаны автором по данным [25]), в 2015 и 2016 гг. – у Кореи [30] – 2,9%, в 2017 – у Исландии [31] – 2,5 (в 2011–2012 гг. 1-е место было у Кореи, в 2013 – у Дании [28]). Обладатели 1-го места (Дания и Корея), таким образом, имели более чем 2-кратное различие ($2,9/1,4=2,1$) в темпах роста ВВП.

При этом среднегодовой темп роста мирового ВВП в 2010–2016 гг. составил 2,9%, т.е. темп роста ВВП Кореи был равен ему, Исландии – составил от него 86% ($2,5/2,9*100$), а Дании – и вовсе 48,3 ($1,4/2,9*100$). Нижеследующее еще лучше показывает, что лидерство в развитии ИКТ покупается отказом от лидерства в темпах экономического роста. Из 8 стран, вошедших в топ-10 по рейтингу IDI в 2007 г. и оставшихся в топ-10 по нему в 2017 г. [32; 31]), у 6 стран произошло сокращение их доли в мировом ВВП (т.е. темпы роста их ВВП были ниже, чем мирового), и только 2 страны сохранили свои доли. В 2007 г. доля Дании в мировом ВВП составляла 0,55%, Нидерландов – 1,5, Исландии – 0,037, Норвегии – 0,69, Люксембурга – 0,087, Великобритании – 5,3, Кореи – 2,0, Швейцарии – 0,83 [25]. В 2017 г. доля Дании в мировом ВВП сократилась до 0,41%, Нидерландов – 1,0, Исландии – 0,030, Норвегии – 0,49, Люксембурга – 0,079, Великобритании – 3,3. Доля Кореи осталась на уровне 2,0%, а Швейцарии – практически не изменилась, составив 0,84% [25].

Если ИКТ не играли ключевой роли в социально-экономическом развитии, то какие же факторы его в основном обусловили? Если исходить из места ИКТ в общественном производстве (ИКТ – часть интеллектуальной, или исследовательской, деятельности, состоящей из науки и управления, выступающей вспомогательной деятельностью по отношению к производственной деятельности), то

это неИКТ-улучшения в технологиях и организации управления и науки. Результативность влияния на производственную деятельность вложений именно в ИКТ и неИКТ-улучшения в управлении и науке следует соизмерять при определении роли в социально-экономическом развитии ИКТ.

ИКТ не играют ключевой роли в социально-экономическом развитии еще и потому, что эффект от их внедрения (сила, направленность – позитивный или негативный) зависит от применяемых в соответствующих видах деятельности: 1) производственных технологий, 2) методов исследования и управления (именно они превращаются в ИКТ), 3) методов измерения и наблюдения и 4) входящей информации. ИКТ-зация управления неадекватными производственными процессами разрушает производство, например ИКТ-зация контроля за уплатой налога или соблюдением технического требования, «удушающего» бизнес. ИКТ-зация неадекватных вычислений или адекватных, но использующих некачественную информацию, ускорит получение неверных решений, неадекватного метода управления (воздействия) – ухудшит результат воздействия, например, роботизация неадекватного метода побуждения к возврату долга увеличит просрочку. В этом состоит «нейтральность» ИКТ к решению социально-экономических проблем.

ИКТ, естественно, не играют ключевой роли и в обеспечении прогресса отдельных видов деятельности. Так, масштабная цифровизация ФНС России, осуществляющей контроль за налоговой деятельностью, привела к незначительному сокращению численности ее сотрудников, и обеспеченность населения РФ налоговиками продолжает оставаться в разы выше, чем во многих странах (см. выше). Причина – более значительная зависимость производительности труда налоговиков от технологий и организации уплаты налогов, методов исследования и управления, используемых в налоговой службе, в том числе неИКТ-зированных, и организации ее работы.

Несмотря на то, что ИКТ крайне широко проникли в научную деятельность, прежде всего в виде различных интернет-сервисов, они не могут быть ключевым фактором открытий и изобретений. Значительно большее влияние на результативность науки оказывают умственные способности ученых, используемые ими методы исследования и управления, научное и экспериментальное оборудование и организация научной деятельности. Даже если бы ИКТ были признаны ключевым фактором открытий и изобретений, в нашей стране они все равно не могли бы считаться ключевым фактором социально-экономического развития ввиду известного разрыва между наукой и производством.

Новые производственные технологии могут обеспечить значительно более сильный прогресс производственных видов деятельности, чем новые ИКТ в управлении ими. Первые позволяют революционизировать отрасли, например в медицине – обеспечить победу над ранее неизлечимыми болезнями, на пассажирском транспорте – радикально улучшить комфортность и скорость перевозок (что было при переходе с лошадиной тяги к автотранспорту), тогда как вторые могут лишь улучшить результативность используемых производственных технологий. Да и сам эффект от вторых может состояться лишь при наличии первых, например от интернета вещей – при наличии самих вещей (было бы что цифровизировать), и, что не менее важно, при наличии необходимых технологий измерения и наблюдения (они к ИКТ не относятся [33]), например в интернете вещей – датчиков для вещей, и даже вспомогательных производственных технологий, например манипуляторов. Таким образом, ИКТ идут в 3-м эшелоне технологического развития, обеспечивая повышение результативности использования производственных технологий через повышение результативности использования технологий измерения и наблюдения. Очевидно, понимание 3-степенной роли ИКТ в технологическом развитии побудило составителей списков цифровых технологий расширить их за пределы ИКТ, отнеся к ним, например, робототехнику и биотехнологии [34], новые производственные технологии [35].

Необходимо признать существенную роль в повышении эффективности деятельности предприятий внедрения ИКТ в управление производственными процессами (в отличие от управления продажами, закупками и др.). Внедрение именно этих технологий представители ИКТ называют непосредственной причиной сланцевой революции в США, выведшей страну в лидеры мировой

нефтедобычи, например в (Нефтегаз, 2018) [36, с. 3], где в качестве основных цифровых технологий нефтедобычи приводятся: 3-мерное сейсмическое компьютерное моделирование – снижает затраты на поиск новых месторождений на 40%, оптимизация с помощью ЭВМ гидравлических параметров бурения – увеличивает скорость бурения в 1,5 раза, умные скважины, сами корректирующие режим своей работы – снижают себестоимость их эксплуатации на 20% [36, с. 6]. Заметим, однако, что в основе резкого роста сланцевой нефтедобычи в США лежал рост производительности усредненной скважины, которая за 2007–2017 гг. выросла в 15 раз до 625 барр./сут. [37, с. 81], а приведенные выше технологии на нее не влияют. Конечно же, есть ИКТ, влияющие на производительность скважин, например методика оптимизации заканчивания и стимуляции скважин Baker Hughes, вызывающая рост добычи на 45% [38, с. 14]. Но специалисты среди 3 технологий сланцевой революции вначале приводят кустовое бурение и повторный гидроразрыв пласта (ПГП), и лишь в конце – цифровые технологии [37, с. 79; 38, с. 14]. И примеры прироста производительности за счет первых не менее впечатляют: ПГП, предлагаемый Halliburton, повысил извлекаемость запасов на 80%, Devon Energy отчиталась о росте добычи на 340% за счет ПГП на старых скважинах [38, с. 14]. При этом эффект от внедрения в нефтедобычу новых ИКТ нужно делить пополам, так как неизвестно, совершенствование чего его вызвало – ИКТ или технологий измерения и наблюдения, например при внедрении цифровой 3-мерной сейсморазведки. К сожалению, исследования раздельного влияния новых производственных и ИК-технологий на развитие сланцевой нефтедобычи в США отсутствуют, но даже если предположить, что в его основе лежат по большей части последние, будущее сланцевой нефтедобычи остается не за цифровизацией. Радикальное удешевление производства сланцевой нефти обеспечат технологии непосредственного воздействия на нефтесодержащую породу, а не ИКТ ее разведки, определения мест бурения, контроля за ним и т.д. Следовательно, и не цифровизация обеспечит будущее нефтяной промышленности, которым является сланцевая нефть. Ее мировые запасы, исходя из 650 трлн. тонн запасов горючих сланцев, оцениваются в 26 трлн. тонн, что в 13 раз больше запасов традиционной нефти, и могут обеспечивать потребности человечества в течение 300 лет [39].

Новые производственные технологии могут привести и к уничтожению или коренной трансформации значительно большего числа профессий и высвобождению большего количества труда, чем новые ИКТ. Крупнейшая профессионально-трудова катастрофа, вызванная внедрением новых производственных технологий – тот же переход в пассажирских перевозках с гужевого транспорта к автомобильному. Интересные примеры существенного преобразования профессий в результате него: из обязанностей дорожников ушла уборка с улиц конского навоза (в Нью-Йорке в начале XX в. – более 2 тыс. тонн в сутки), а дворников – уборка с улиц лошадиных трупов [40].

В развивающихся странах ИКТ не должны рассматриваться как ключевой фактор социально-экономического развития еще по одной причине. Перед ними в качестве первоочередной стоит задача скорейшей ликвидации производственного недоразвития, или ускоренного развития производственных технологий (количественного, качественного – прежде всего за счет заимствования, организационного и структурного) до уровня развитых стран. Так, Россия в течение сжатого срока должна добиться количественного развития производственной деятельности, обеспечивающего учетверение ее реального ВВП – исходя из того, что в 2018 г. ВВП на душу населения в текущих ценах в России был в 4 раза меньше, чем в эталонной для нее Германии: 11,5 и 48,0 тыс. долл. США соответственно [25] (именно ВВП в текущих ценах, а не по ППС, характеризует производственное развитие страны). Только это развитие производственных технологий способно решить главную социально-экономическую проблему России – бедность, тогда как проникновение в домохозяйства интернета и гаджетов, прочая ИКТ-зация – лишь скрасить ее. Поэтому инвестиционные ресурсы в первую очередь должны направляться на решение вышеуказанной задачи, а пропаганда ключевой роли ИКТ может этому помешать. При этом быстрый процесс формирования крупной, современной и самодостаточной (с собственным станкостроением, высоколокализованным авто-, тракторо-,

авиастроением и т.д.) экономики создаст для развития ИКТ в России значительно более благоприятные условия, в том числе финансовые, чем даже те, на которые сейчас рассчитывают ИКТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратьев В. Сектор информационных технологий правит миром [Текст] / В. Кондратьев // ПЕРСПЕКТИВЫ. Фонд исторической перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=114058> (дата обращения: 11.08.2018).
2. ИКТ-компетенции как фактор социально-экономического развития России / Под ред. Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. – М.: Институт развития информационного общества. – 2012. – 70 с.
3. Гордеева А.С. Информационные технологии как фактор экономического роста стран в условиях глобализации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / А.С. Гордеева. – М., 2011. – 203 с.
4. Экономическое значение информационно-коммуникационных технологий / Stud.Wiki. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stud.wiki/economy/3c0b65625b2ad79b5d43b88521306c27_0.html (дата обращения: 11.08.2018).
5. Концепция развития рынка информационных технологий в Российской Федерации / Министерство информационных технологий и связи Российской Федерации. 31.01.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russianlaw.net/law/it-industry/z41/> (дата обращения: 11.03.2020).
6. Федорова А.Ю. Воздействие информационно-коммуникационных технологий на экономическую эффективность / А.Ю. Федорова // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2007. – № 41. – С. 199–204.
7. Роль ИКТ в современной экономике / Studbooks.net. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/1729604/ekonomika/rol_sovremennoy_ekonomike (дата обращения: 11.08.2018).
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212) / ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/> (дата обращения: 11.03.2020).
9. Послание Президента Федеральному Собранию / Президент России. 01.12.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 02.03.2020).
10. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос национальной безопасности РФ / ТАСС. 05.07.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 02.03.2020).
11. Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 / McKinsey. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=fhrdbFytAs%2FN1Y6TIJy4Cjx0i8J7InVybcI6Imh0dHA6Ly93d3cudGFkdmlzZXIucnUvaW1hZ2VzL2MvYzIvRGlnaXRhbC1SdXNzaWEtcmVwb3J0LnBkZiIsInRpdGxlljoiRGlnaXRhbC1SdXNzaWEtcmVwb3J0LnBkZiIsInVpZCI6IjAiLCJ5dSI6IjIwMzU5NDQ5NzE0Mjk3ODMwMTAiLCJub2lmcmFtZSI6dHJ1ZSwidHMjE1MTA1NzU4NzAyODd9&page=1&lang=ru (дата обращения: 12.11.2017).
12. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/Нацпроекты.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).
13. Всемирный банк. 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор / Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO.
14. Лебедев К.Н. Социально-экономические последствия цифровизации / К.Н. Лебедев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. – 2017. Декабрь. – 468 с. С. 56–66.

15. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. – М.: ВШЭ, 2019. – 82 [2]с.
16. Кузовкова Т.А. Выявление закономерностей развития цифровой экономики и базовых признаков нового технологического уклада / Т.А. Кузовкова, О.И. Шаравова, Д.В. Кузовков // Экономика и качество систем связи. – 2019. – № 2 (12). С. 3–13.
17. «Цифровая экономика». Как реорганизовать нацпрограмму, чтобы она заработала в полную силу / CNews. 22.10.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cnews.ru/articles/2019-10-22_tsifrovaya_ekonomikakak_reorganizovat (дата обращения: 01.04.2020).
18. Будович Ю.И. Антифинансовая политика государства: проблема стоимости государственных финансовых услуг / Ю.И. Будович // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 1 (35). С. 99–110.
19. Будович Ю.И. Научно-технический прогресс как фактор неэффективности бюджетных расходов / Ю.И. Будович // Экономические науки. – 2020. – № 3 (184). С. 7–12.
20. Афоризмы Салтыкова-Щедрина о России и русских / Мудрое слово. Афоризмы, крылатые выражения и высказывания великих людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aforizmik.ru/rossia-i-russkie/aforizmy-saltykova-shhedrina-o-rossii-i-russkix/> (дата обращения: 02.04.2020).
21. Будович Ю.И. Разочарование в цифровизации и децифровизация? / Ю.И. Будович // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Под общ. Ред. С.В. Шкиотова, В.А. Гордеева. – 2018. С. 152–157.
22. Сафиуллин А.Р. Тенденции и особенности информатизации российской экономики / А.Р. Сафиуллин // Научный журнал НИУ ИТМО. – 2013. – № 3. С. 20.
23. Europe's Digital Competitiveness Report / European Commission. – Luxemburg: Publications Office of the European Union. 2010. 197 p. ISBN 978-92-79-15829-2. DOI:10.2759/32382.
24. Дубинина М.Г. Моделирование динамики взаимосвязи макроэкономических показателей и показателей распространения ИТ в развитых и развивающихся странах / М.Г. Дубинина // Труды ИСА РАН. Том 65. – 1/2015. С. 24–37.
25. Макроэкономические исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/makroekonomika/index.html> (дата обращения: 12.08.2018).
26. Рудычева Н. 20 лет ИТ-рынка России: как отрасль стала цивилизованной / Н. Рудычева // CNews. 25.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/articles/20_let_itrynka_rossii_kak_otrasl (дата обращения: 08.08.2018).
27. Аганбегян А. Кризис. Беда и шанс для России / А. Аганбегян. – М: АСТ. – 2009. 288 с.
28. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICTDevelopment Index) / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-razvitiya-informacionno-kommunikacionnyh-tehnologij-ict-development-index/#tabs|Compare:Place> (дата обращения: 12.08.2018).
29. Лебедев К.Н. «Ключевая» роль финансов в социально-экономическом развитии / К.Н. Лебедев // Экономические науки. – 2018. – № 6 (163). С. 7–15.
30. Индекс развития ИКТ в странах мира 2016 / Elearning. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdesbmt.blogspot.com/2017/01/2016.html> (дата обращения: 12.08.2018).
31. Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. Информация об исследовании и его результаты / Гуманитарные технологии. Аналитический портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict>

development-index-info (дата обращения: 12.08.2018).

32. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира в 2013 году / Гуманитарные технологии. Аналитический портал. 08.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/news/2013/10/08/6296> (дата обращения: 12.08.2018).

33. Приложение № 1 к приказу Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 7 декабря 2015 г. № 515. Собирабельная классификационная группировка видов экономической деятельности «Сектор информационно-коммуникационных технологий» на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) / ЭПС «Система Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71309918/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 02.04.2020).

34. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» / ЭПС «Система Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 23.12.2017).

35. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика российской федерации» / СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 11.08.2018).

36. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: популярный миф или объективная реальность? / Нефтегаз. 2018. Дайджест 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/ЦЭ%20Ц%20нефтяной%20отрасли%202018.pdf> (дата обращения: 09.04.2020).

37. Malanichev A. (2018) Limits of Technological Efficiency of Shale Oil Production in the USA. Foresight and STI Governance, vol. 12, no 4, pp. 78–89. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.4.78.89.

38. Иванов Н. Сланцы 3,0. Американская нефтедобыча готовится ответить на очередной вызов / Н. Иванов // Нефтегазовая вертикаль. – 2017. – № 17. С. 12–20.

39. Сланцевая нефть: ее преимущества и способы добычи / Журнал главного инженера. 27.07.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gl-engineer.com/articles/slancevaya-neft-ee-preimushchestva-i-sposoby-dobychi> (дата обращения: 09.04.2020).

40. Как инновации меняют нашу жизнь. От лошади к лошадиной силе / Все о нефти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vseonefti.ru/neft/kak-neft-spasla-ot-loshadei.html> (дата обращения: 09.04.2020).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

Реус Семён Петрович

аспирант,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет»
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: semreus@mail.ru

Аннотация: Развитие цифровой экономики, основанной на знаниях, привлекает многих экономистов, которые исследуют процессы использования передовых технологий в различных её отраслях, сферах производства, что, безусловно, оказывает влияние на производительность труда и экономический рост. Целью исследования является проведение анализа процессов экономического роста России в условиях активного развития цифровых технологий и внедрения инноваций в деятельность организаций. Для достижения цели, с использованием методов обобщения, экономического анализа, структурирования и графического метода, были решены следующие задачи: проведён анализ публикаций отечественных и зарубежных экономистов по цифровой экономике; отражено влияние технологической модернизации производств на экономический рост; проанализированы динамика использования организациями информационно-коммуникативных технологий и специальных программных средств, а также затраты организаций на технологические инновации. Сделаны выводы о том, что учитывая весомый вклад учёных в исследования по цифровой экономике, на данном этапе экономического развития необходимо и целесообразно применять их для разработок инновационных технологий, оказывающих влияние на темпы экономического роста; технологическая модернизация повышает производительность труда, а, следовательно, и экономический рост; применение передовых технологий, в том числе и цифровых, является частью инновационной политики организаций по внедрению в свою деятельность высокотехнологичного оборудования, что способствует повышению эффективности принятия управленческих решений, а также скорости и надёжности транзакций; развитие цифровых технологий способствует активному их применению в деятельности организаций для решения конкретных задач. Выявлено: использование субъектами экономики передовых технологий повышает их конкурентоспособность и производительность, влияет на скорость выполнения ими своих функций, продолжительность стадий экономических циклов, повышая частоту их смены, за счёт чего достигаются более высокие темпы экономического роста. Данное исследование носит фундаментальный характер и может быть полезно при планировании деятельности субъектов экономики, а также разработке программ социально-экономического развития.

Ключевые слова: макроэкономическая теория, научно-технический прогресс, экономический рост, цифровая экономика.

JEL: O11

TRANSFORMATION OF INSTITUTES OF NETWORK INTERACTION OF ECONOMIC AGENTS IN DIGITAL ECONOMY

Reus Semyon Petrovich
postgraduate of 2 years of study,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Republic of Crimea, Russian Federation

Abstract: The development of a knowledge-based digital economy attracts many economists who study the use of advanced technologies in its various industries and production areas, which, of course, has an impact on labor productivity and economic growth. The purpose of the research is to analyze the processes of economic growth in Russia in the context of the active development of digital technologies and the introduction of innovation in the activities of organizations. To achieve the purpose, using the methods of generalization, economic analysis, structuring and the graphical method, the following tasks were solved: the analysis of publications of domestic and foreign economists on the digital economy was carried out; the impact of technological modernization of production on economic growth is reflected; the dynamics of the use by organizations of information and communication technologies and special software, as well as the costs of organizations for technological innovation. It is concluded that, given the significant contribution of scientists to research on the digital economy, at this stage of economic development, it is necessary and appropriate to use them to develop innovative technologies that

affect the rate of economic growth; technological modernization increases labor productivity, and, consequently, economic growth; the use of advanced technologies, including digital, is part of the innovation policy of organizations to introduce high-tech equipment into their activities, which helps to increase the efficiency of managerial decision-making, as well as the speed and reliability of transactions; the development of digital technologies contributes to their active application in the activities of organizations to solve specific problems. Revealed: the use of advanced technologies by economic entities increases their competitiveness and productivity, affects the speed of their functions, the duration of the stages of economic cycles, increasing the frequency of their shift, due to which higher economic growth rates are achieved. This research is fundamental and may be useful in planning the activities of economic entities, as well as the development of programs for socio-economic development.

Keywords: macroeconomic theory, scientific and technological progress, economic growth, digital economy.

Введение.

Активные процессы развития научно-технического прогресса и глобализации способствуют появлению новых экономических категорий, факторов влияния на экономику, трансформируя производственную структуру как систему воспроизводства. С одной стороны, наблюдается трансформация теоретической мысли относительно современного понимания основ экономического развития, что находит отражение в многочисленных трудах современных исследований. С другой стороны, происходит естественный процесс повышения конкурентоспособности национальной экономики на фоне динамично развивающихся современных технологий.

Тема экономического роста всегда была и остаётся актуальной среди основоположников данной категории Й. Шумпетера [1], У. Гамильтона [2], а также современных отечественных и зарубежных учёных: Л. М. Борщ, С.В. Герасимовой, А. С. Тюлина, А. Р. Жаровой [3,4,5,6], В.А Гордеева, С. В. Шкиотова, М. А Майоровой, Маркина М. И. [7,8], Я. П. Силина, Е. Г. Янимицы, Н. В. Новиковой [9], О. С. Сухарева [10] и множества других, которые посвятили свои исследования вопросам развития цифровой экономики как результата развития научно-технического прогресса (НТП).

Целью статьи является проведение анализа процессов экономического роста России в условиях активного развития цифровых технологий и внедрения инноваций в деятельность организаций. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- провести анализ публикаций отечественных и зарубежных экономистов по цифровой экономике;
- отразить влияние технологической модернизации производств на экономический рост;
- проанализировать динамику использования организациями информационно-коммуникативных технологий и специальных программных средств;
- провести анализ затрат организаций на технологические инновации.

В процессе проведения исследования были использованы следующие методы: обобщения, экономического анализа, структурирования и графический.

Основной материал.

Первичную (базовую) основу экономического роста составляют исследования актуальных вопросов экономики, влияющих на его показатели.

В связи с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика» Российской Федерации» [11], направленной на реализацию Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы [12], цифровая экономика, основанная на знаниях, привлекает многих отечественных экономистов к проведению исследований в данном направлении (рис.1).

Так, представленная на рис.1 возрастающая динамика научных публикаций в области цифровой экономики, отражает её актуальность среди учёных, взгляды которых на влияние современных технологий на экономический рост приведены в таблице 1.

Рисунок 1 – Количество научных публикаций в области цифровой экономики в России за 2016-2019 годы [составлено автором по данным 13]

Таблица 1 – Взгляды отечественных учёных на влияние современных технологий на экономический рост [составлено автором по материалам 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,10].

Учёные-экономисты	Взгляды на процессы развития современных технологий и их влияния на экономический рост
Гордеев В. А. Шкиотов С. В., Маркин М. И.	Происходит модернизация технологий и взглядов в экономической теории с целью обеспечения конкурентоспособности экономики
Борщ Л. М., Герасимова С. В., Тюлин А. С., Жарова А. Р.	Процесс развития современных технологий способствует модернизации производств и росту национальной экономики
Силин Я. П., Янимидца О. Г.,Новикова Н. В., Сухарев О. С.	Под действием новой индустриализации происходит экономический рост

Источник: Основываясь на взглядах современных отечественных учёных-экономистов, представленных в табл. 1, можно сделать вывод о том, что использование передовых технологий оказывает непосредственное влияние на экономический рост, который проявляется, прежде всего, в росте ВВП, динамика которого отражена на рис. 2.

Из рисунка 2 можно сделать вывод о том, что экономика России активно развивается, так как ежегодный прирост ВВП за исследуемый период составляет свыше 3%. Более того, в 2018 году он достиг 11,97%, поэтому в дальнейшем очень важно поддерживать такие показатели, что вполне достижимо при адекватном финансировании и контроле государства. Также следует отметить, что в целом за 2014-2018 годы рост научных исследований по цифровой экономике (рис.1) сопровождается ростом ВВП на рис.2.

Таким образом, учитывая значительное количество проведённых научных исследований по цифровой экономике, на данном этапе экономического развития необходимо и целесообразно применять их для разработок инновационных технологий, оказывающих влияние на темпы экономического роста.

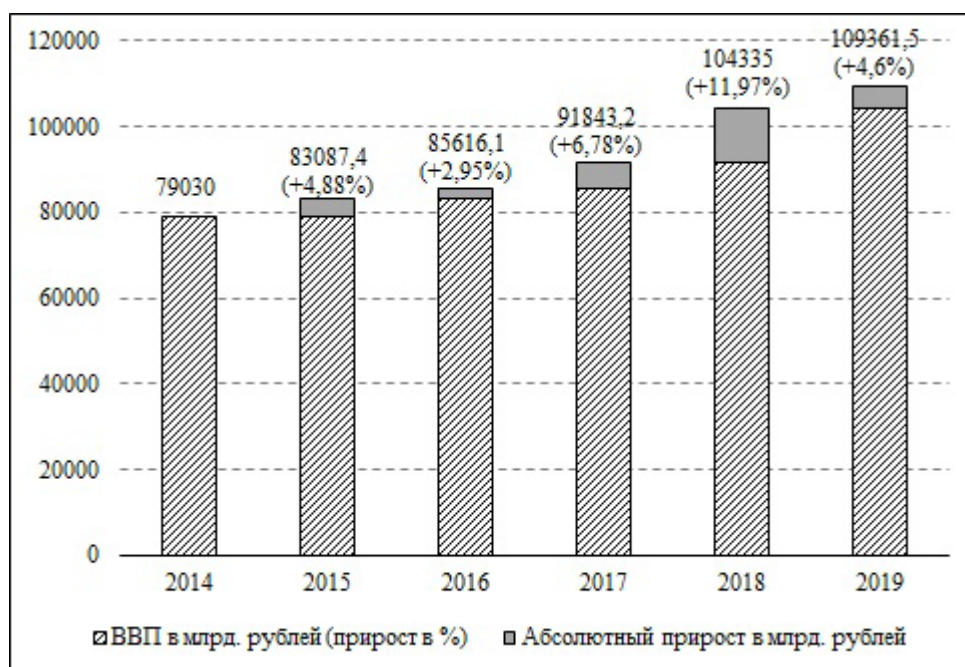

Рисунок 2 – Динамика ВВП Российской Федерации за 2016-2019 годы в млрд. рублей, его абсолютный (в млрд. рублей) и относительный (в %) прирост [составлено автором по данным федеральной службы государственной статистики 14]

В свою очередь, использование технологических новшеств сокращает время на проведение многих операций, что, по мнению К. Маркса [15, с. 391] повышает производительность труда, которая на макроуровне может быть представлена как отношение ВВП к численности занятого населения (выработка ВВП) [16] (рис.3) а, следовательно, является неотъемлемой частью показателя экономического роста.

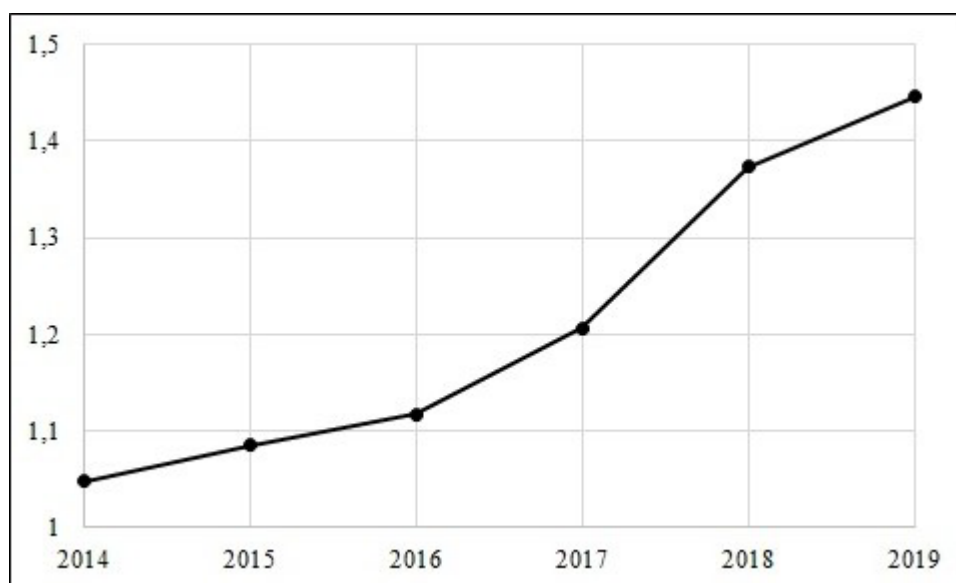

Рисунок 3 – Динамика производительности труда в Российской Федерации за 2014-2018 годы в млн. рублей на 1 занятого [рассчитано и составлено автором на основании данных федеральной службы государственной статистики 14, 16]

Данные рис. 3 отражают рост производительности труда как результата развития НТП,

который, прежде всего, способствует модернизации производств, а именно росту использования передовых производственных технологий (рис 4), представляющие собой «технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и используемые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг)» [17].

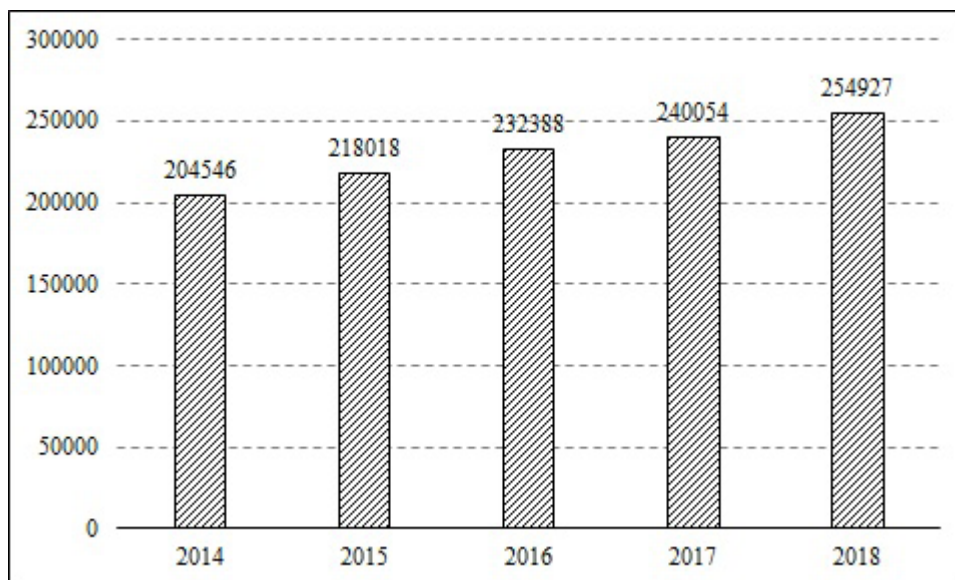

Рисунок 4 – Динамика используемых передовых производственных технологий в России [рассчитано автором на основании данных 17]

Стоит отметить, что возрастающая динамика используемых передовых производственных технологий в России на рис.4 сопровождается ростом производительности труда на рис 3.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что технологическая модернизация производств повышает производительность труда, а, следовательно, и экономический рост.

В свою очередь, структура используемых передовых производственных технологий в России представлена на рис. 5

Из данных рис.5 видно, что большинство передовых производственных технологий используются в области связи и управления, производстве, обработке и сборке, а также в проектировании и инжиниринге. Это можно объяснить активными процессами глобализации национальных экономик разных стран, в частности, зарубежные учёные отмечают значительное влияние развития цифровых технологий на процессы функционирования субъектов экономики [18; 19].

В результате, в России растёт количество организаций, использующих передовые информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) (рис.6), что обусловлено необходимостью повышения уровня конкурентоспособности в условиях рыночной формы экономических отношений

Рассматривая динамику использования организациями специальных программных средств, которые применяются «для решения задач определенного класса» [17], на рис 7, стоит отметить рост использования нового программного обеспечения организациями в их деятельности.

Из данных рис. 7 следует, что из числа исследованных федеральной службой государственной статистики организаций за 2014-2018 годы, большинство использует специальные программные средства для:

- осуществления финансовых расчётов в электронном виде (межбанковские и банковские расчёты, системы оплаты электронными картами товаров и услуг (например, в России – это национальная платёжная система «Мир») и др.);

- решения организационных, управленческих и экономических задач (комплекс программ «1С»,

тестовые и опросные программы с использованием интернета, единые разрешительные центры, кадастровые реестры и др.).

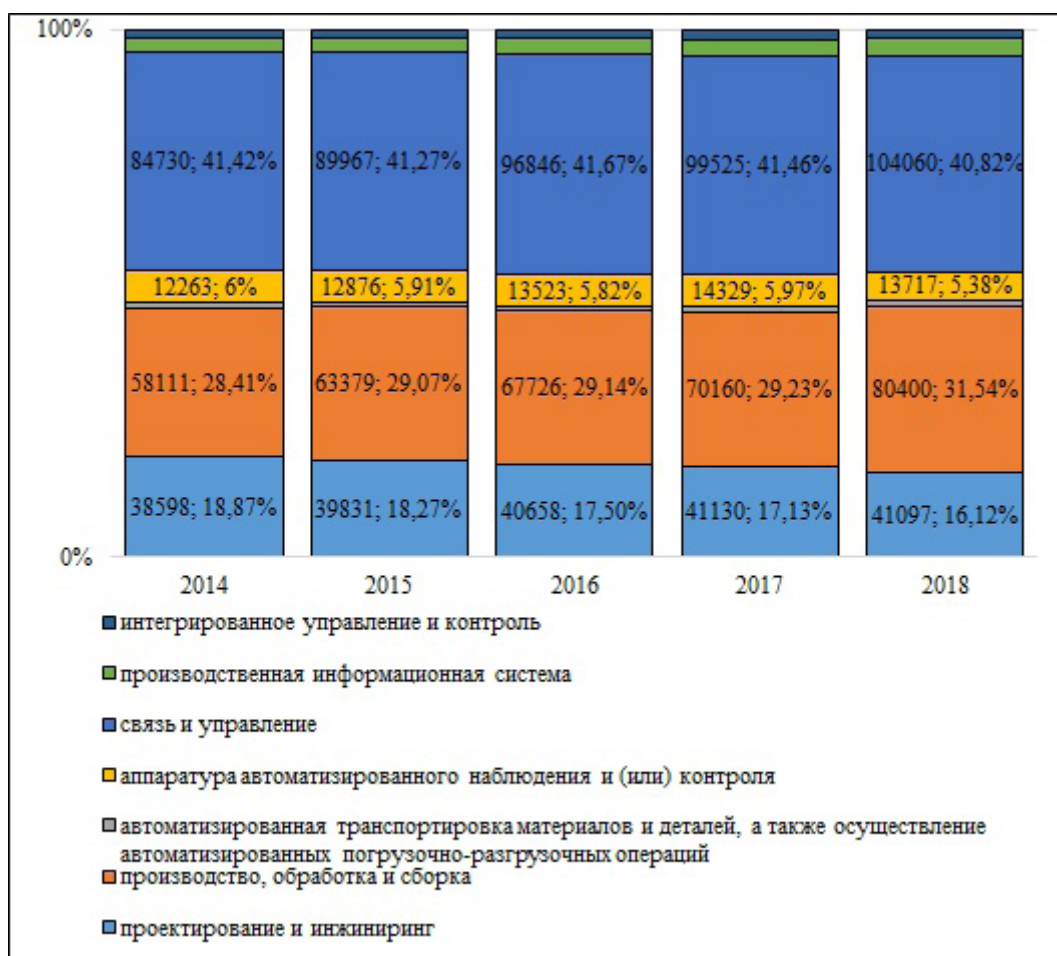

Рисунок 5 – Структура используемых передовых производственных технологий в России по группам, единиц; % в структуре [рассчитано автором на основании данных 17]

Рисунок 6 – Удельный вес организаций в России, использовавших информационные и коммуникационные технологии (в % от общего числа исследованных организаций) [составлено

автором по данным федеральной службы государственной статистики 17]

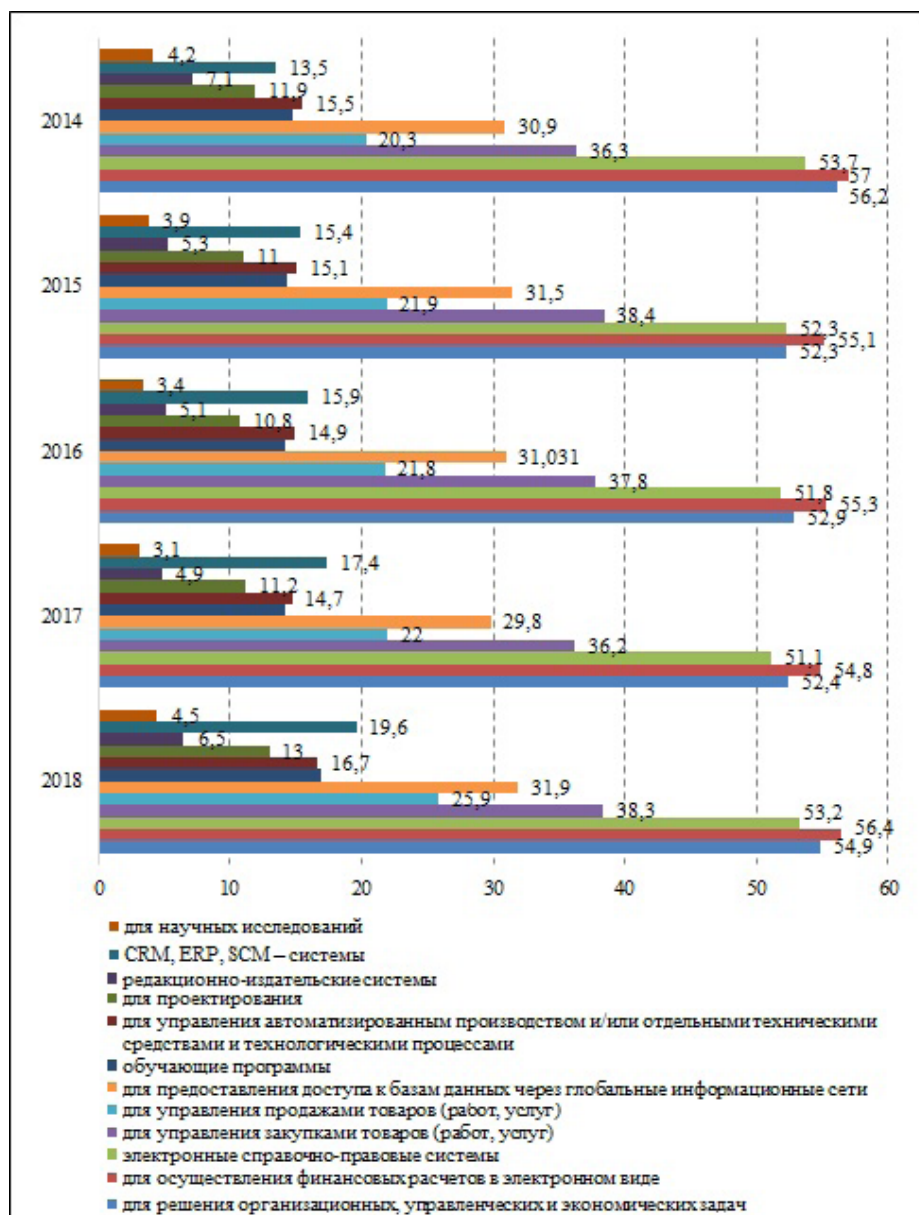

Рисунок 7 – Динамика использования специальных программных средств за 2014-2018 годы (в % от общего числа исследованных организаций) [составлено автором на основании данных федеральной службы государственной статистики 14]

В меньшей степени специальное оборудование используется организациями для:

- управления закупками и продажи товаров (работ, услуг) (интернет-сайты для покупки и продажи товаров, а также оказания услуг);
- предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети (услуги интернет провайдеров, использование серверов и интернет браузеров и др.);
- систем SCM, SRM и ERP (системы автоматического управления, например, “Парус”, “Галактика”, и др.).

Таким образом, развитие цифровых технологий способствует активному их применению в деятельности организаций для решения конкретных задач, что повышает эффективность конкретных сфер их деятельности.

Внедрение и использование принципиально новых передовых технологий, в данном случае

цифровых, является инструментом (рычагом) модернизации каждой, из выше перечисленных на рис. 7, сфер деятельности организации, в результате чего в ней обеспечивается слаженная работа в целом, подобно тому, как повышается КПД (коэффициент полезного действия) работы любого двигателя путём снижения уровня износа его составляющих элементов (в случае экономики – снижения транзакционных издержек и экономии времени на их проведение), в результате чего возрастает скорость выполнения субъектов экономики своих функций, что оказывает влияние на скорость экономического роста (рис.8).

Рисунок 8 – Зависимость скорости экономического роста от уровня использования субъектами экономики передовых технологий [разработано автором]

Графическая модель на рис. 8 отражает влияние уровня использования субъектами экономики передовых технологий на экономический рост: повышается скорость выполнения ими своих функций (субъектами), за счёт чего происходит ускорение производственных процессов в организациях (на стадиях роста, пика, спада и кризиса), что на макроуровне сопровождается сокращением продолжительности экономических циклов, выражающихся в сокращении промежутков между экономическими кризисами [20]), более частая смена которых означает ускорение экономического роста: с каждым новым циклом наблюдается увеличение значения функции вектора экономического роста (ВЭР) [21,22,23].

В свою очередь стоит отметить, что применение новых технологий, в том числе и цифровых, является частью инновационной политики организаций, на что указывает динамика их затрат на технологические инновации (рис.9)

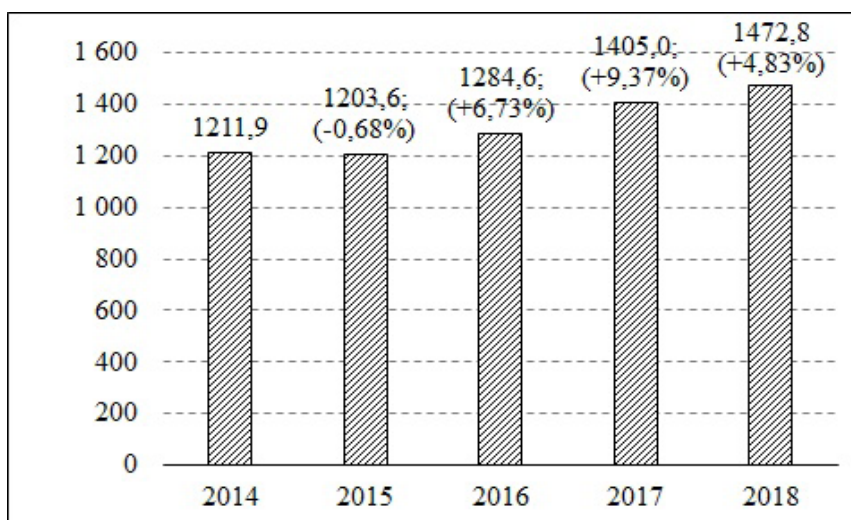

Рисунок 9 – Динамика затрат организаций на технологические инновации по видам инновационной деятельности за 2014-2018 годы в млрд. рублей [составлено автором на основании

данных федеральной службы государственной статистики 14]

Данные рис. 9 отражают рост затрат организаций на технологические инновации, подробная структура которых представлена на рис. 10.

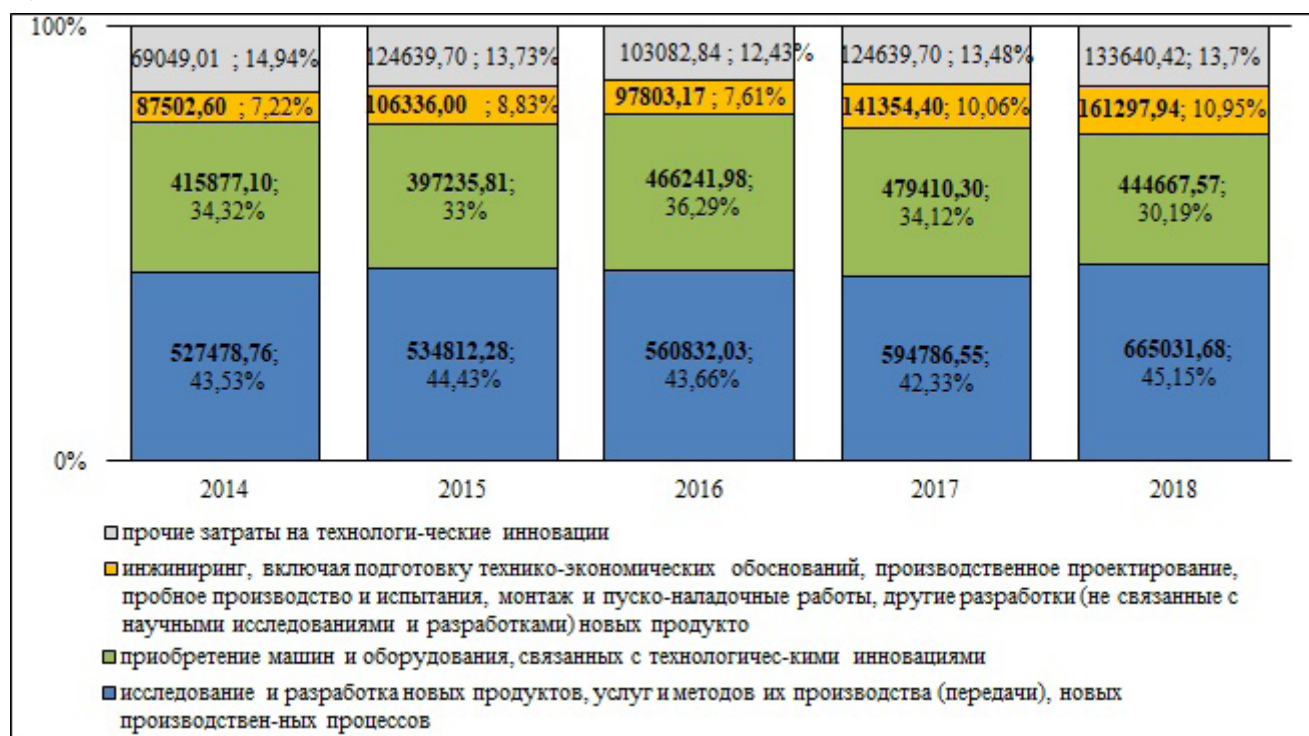

Рисунок 10 – Структура затрат организаций на технологические инновации по видам инновационной деятельности за 2014–2018 годы в млн. руб. и их удельный вес в % [рассчитано и составлено автором на основании данных федеральной службы государственной статистики 14]

Из данных рис.10 видно, что за исследуемый период наибольший удельный вес в структуре затрат на технологические инновации занимают затраты на проведение исследований и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства или передачи, новых производственных процессов, а также затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внедрение организациями наукоёмких инноваций и высокотехнологичного оборудования повышает эффективность принятия управленческих решений, а также скорость и надёжность транзакций.

Выводы. На основании проанализированных трудов отечественных и зарубежных учёных, а также проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

- учитывая значительный вклад учёных в исследования по цифровой экономике, на данном этапе экономического развития необходимо и целесообразно применять их методологию при внедрении инновационных наукоёмких технологий, оказывающих влияние на темпы экономического роста через процессы конвертации знаний;

- технологическая модернизация производственных процессов повышает производительность труда, экономический рост, изменяет саму систему производственных отношений, в результате чего на рынок поступает конкурентоспособная продукция, повышается качество оказания услуг;

- применение новых технологий, в том числе и цифровых, является частью инновационной политики организаций;

- развитие цифровых технологий способствует активному их применению в деятельности организаций для решения конкретных задач, что повышает эффективность конкретных сфер

деятельности организаций;

– внедрение организациями наукоёмких инноваций и высокотехнологичного оборудования повышает эффективность принятия управленческих решений, а также скорость и надёжность транзакций.

Научная новизна. Использование субъектами экономики передовых технологий повышает их конкурентоспособность и производительность, влияет на скорость выполнения ими своих функций, продолжительность стадий экономических циклов, повышая частоту их смены, за счёт чего достигаются более высокие темпы экономического роста.

Данное исследование носит фундаментальный характер и может быть полезно при планировании деятельности субъектов экономики, а также разработке программ социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. – Routledge London and New York, 2003. – 437 p.
2. Hamilton W. H. *The Institutional Approach to Economic Theory* / *The American Economic Review* Vol. 9, No. 1, Supplement, *Papers and Proceedings of the Thirty-First Annual Meeting of the American Economic Association* (Mar., 1919).
3. Борщ Л. М. Инновационная модернизация: формирование нового типа экономики, основанной на знаниях // *Креативная экономика*. – 2019. – № 4. – с. 633-650. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.13.4.40524> (дата обращения: 12.03.2020).
4. Борщ Л. М. Модернизация экономики: технологии vs человек // *Известия Уральского государственного экономического университета*. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 42–52. URL: <http://izvestia.usue.ru/images/download/77/5.pdf> (дата обращения 12.03.2020).
5. Борщ Л. М., Герасимова С.В., Тюлин А.С. О вопросах трансформации экономики и модернизации технологических процессов в России // *Креативная экономика*. – 2018. – № 6. – с. 717-732. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.12.6.39206> (дата обращения 12.03.2020).
6. Борщ Л. М., Жарова А. Р. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // *Креативная экономика*. – 2019. – № 11. – с. 2141-2158. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351> (дата обращения 12.03.2020).
7. Гордеев В. А., Майорова М. А., Шкиотов С. В., Маркин М. И. Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики // *Теоретическая экономия*. – № 6. – 2018. – с. 66-69 URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения 12.03.2020).
8. Шкиотов С. В., Маркин М. И. Развитие цифровой экономики в России как фактор роста национальной конкурентоспособности // *Теоретическая экономия*. – № 3. – 2019 с. 74-79. URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения 12.03.2020).
9. Силин Я. П., Анимица Е.Г., Новикова Н. В. Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // *Journal of New Economy*. – 2019. – № 2. – с. 5–29. URL: [https://doi.org/10.29141/2073-1019-20-2-1](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-2-1) (дата обращения 12.03.2020).
10. Сухарев О. С. Экономический рост быстро изменяющейся экономики: теоретическая постановка // *Экономика региона*. – 2016. – № 2. – с. 359-370. URL: <https://doi.org/10.17059/2016-2-3> (дата обращения 12.03.2020).
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 12.03.2020).

12. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения 12.03.2020).
13. Научная электронная библиотека «E-library». URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?> (дата обращения: 12.03.2020).
14. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.03.2020).
15. Маркс К. Капитал. Т. 1: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2001, 565 с. URL: http://rtunes.ru/content/ebooks/free_ebooks/karl_heinrich_marx/capital_book_one/capital_book_one.a4.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
16. Производительность труда в Российской Федерации // Социальный бюллетень, июнь 2017. – 2017. – № 9. – 41 с. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).
17. Россия в цифрах. / Крат.стат.сб./Росстат. – М.: 2019. – 549 с. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/rusfig/rus19.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
18. Agostinho C., Ducq, Y., Zacharewicz G. Sarraipa J., Lampathaki F., Poler R., Jardim-Goncalves R. Towards a sustainable interoperability in networked enterprise information systems: Trends of knowledge and model-driven technology // Computers in Industry. – 2016. – 79:64-76. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compind.2015.07.001> (дата обращения: 12.03.2020).
19. Cui, Y.S., Kara S., Chan K.C. Manufacturing big data ecosystem: A systematic literature review // Robotics and Computer-Integrated Manufacturing. 62. – 2020. – 101861. URL: <https://doi.org/10.1016/j.rcim.2019.101861> (дата обращения: 12.03.2020).
20. Кризисы в экономике России по годам [Электронный ресурс] / Инвестиции в себя. URL: <http://www.investmentrussia.ru/get-rich/krizisy-v-ekonomike-rossii-po-godam.html> (дата обращения: 10.03.2020).
21. Реус С. П. Вектор технологического прогресса как оптимальный путь социально-экономического развития России // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сборник трудов Международной науч. –практической конференции, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издательство ЯГТУ, 2019. – с.179-184. URL: <https://www.ystu.ru/files/nauka/sbornik.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).
22. Реус С. П. Влияние научно-технического прогресса на формирование экономического роста // Креативная экономика. – 2020. – Том 14. – № 2. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.14.2.100017> (дата обращения: 14.03.2020).
23. Реус С. П. Предпосылки возникновения новых теорий экономического роста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – № 2. – с. 75–90. URL: <http://sn-ecoman.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/05/75-90.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).

ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НА ЗАРЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБОУ ВО РАНХиГС, НИР «Сравнительная динамика экономического развития регионов в XIX – начале XX вв.: Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток», «Региональные модели социально-экономического развития в Европейской России в XIX – начале XX вв.». Автор выражает благодарность коллегам за предоставленные в рамках НИР сведения о динамике промышленного и сельскохозяйственного производства

Диденко Дмитрий Валерьевич

доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Аннотация: В статье анализируются прямые и обратные связи процессов накопления человеческого капитала и экономического роста в отдельных регионах России на начальной стадии индустриального развития. Цель данного исследования заключается в том, чтобы установить, насколько эмпирические свидетельства согласуются со ставшими популярными в последние десятилетия экономическими теориями. Для определения показателя, изменения которого являются опережающими и запаздывающими, проведен кросс-корреляционный анализ соответствующих временных рядов по отдельным губерниям. Региональные данные в большей степени подтверждают статистические связи процессов накопления человеческого капитала и расширения промышленного сектора, в несколько меньшей степени – развития сельскохозяйственного. Накопление человеческого капитала оказывается более важным в сфере образования, чем здравоохранения. Тем не менее, выявленные лагированные связи оцениваются как статистически сильные только в отдельных случаях; и они лишь частично подтверждают «новые теории роста», но в несколько большей степени – «универсальную теорию роста».

Ключевые слова: региональная экономика; современный экономический рост; универсальная теория роста; губернаторские годовые отчёты; образование; здравоохранение.

JEL: N13; N33; R11; I22; I15

INTERRELATIONSHIPS OF THE PROCESSES OF HUMAN CAPITAL FORMATION AND ECONOMICS GROWTH: A NEW EVIDENCE FROM THE OUTSET OF INDUSTRIALIZATION OF RUSSIAN REGIONS

Dmitry Valerievich Didenko,
Doctor of Sciences in Economics (Habilitation), Candidate of Sciences in History (PhD)
Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation.

Abstract: In this article we analyze direct and feedback relationships of processes of human capital accumulation and economic growth in the selected regions of Russia at the initial stage of industrial development. The purpose of this study is to explore how empirical evidence supports economic theories which became popular in recent decades. To find out

what indicator changes appeared to be leading and lagging we employed our cross-correlation analysis of the time series in question for the selected provinces. The regional data support the association of processes of human capital accumulation and expansion in industrial sector in somewhat greater extent than that of development in agricultural one. Human capital accumulation appears to be more significant in the field of education than in health care. However, the revealed lagged associations are assessed as statistically strong only in selected cases; and they provide only partial support to the "new growth theories", yet in somewhat more extent they do to the «unified growth theory».

Keywords: regional economy; modern economic growth; unified growth theory; annual governors' reports; education; health care.

Введение

В данной работе мы расширяем анализ первых результатов реализации проекта по реконструкции показателей социально-экономического развития регионов поздней Российской империи (в части накопления человеческого капитала) [1], ставя целью исследование статистических связей процессов накопления человеческого капитала и экономического роста, а также выяснение того, насколько эти эмпирические закономерности согласуются со ставшими популярными в последние десятилетия экономическими теориями. К ним относятся «новые теории роста» (экзогенные и эндогенные) и «универсальная теория роста» (см. ниже в «Разработка проблемы в научной литературе»).

Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощенных в человеке экономически ценных знаний, навыков, мотиваций, его способность к восприятию и продуцированию новой информации. Основная часть указанных характеристик формируется как накопленный результат различных образовательных практик в течение предшествующей жизни. Согласно теории человеческого капитала, образование является не продуктом конечного потребления, а средством дальнейшего создания добавленной стоимости; выступает важным фактором обеспечения прироста доходов экономических субъектов различного уровня. Другой отраслью, которая формирует человеческий капитал общества, является здравоохранение. С позиций данной теории, задача здравоохранения состоит в увеличении срока физического функционирования человеческого капитала. При этом отмечается положительная корреляция образования и здоровья: более образованные индивиды живут дольше, в странах с более высоким уровнем образования также выше продолжительность жизни.

Запуск «современного экономического роста» (в терминологии С. Кузнеца) в первую очередь ассоциируется с промышленной революцией. Наши гипотезы заключаются в следующем. Если человеческий капитал выступал значимым фактором данного процесса, то его накопление через какое-то время должно было вести к расширению промышленного сектора (увеличению численности занятых, объема выпускаемой ими продукции, а также производительности труда). Напротив, если расширение образования и здравоохранения скорее являлось результатом ускорения экономического роста, то связь должна была получаться обратная. Разумеется, в реальности эти процессы идут параллельно и носят эндогенный характер. Тем не менее, в одном из двух направлений связи обычно сильнее. Важнейшей задачей нашего исследования является установление, в каком именно направлении указанные связи проявлялись сильнее и чаще, то есть как соотносились указанные процессы в губерниях Европейской России.

Другие задачи заключаются в поиске ответов на следующие вопросы:

1) Наблюдались ли аналогичные связи в сельском хозяйстве, то есть приводило ли накопление человеческого капитала к повышению урожайности? Вероятно, да; но сначала следовало бы ожидать положительных результатов накопления человеческого капитала в промышленном секторе.

2) Возможно ли, что по секторам зависимость разная? Например, увеличение урожайности произошло в силу каких-либо других факторов, а улучшение в сельскохозяйственном секторе привело к расширению спроса на образование и здравоохранение, что уже потом привело в движение промышленный сектор.

3) Похожая картина была характерна для ряда стран и регионов Западной Европы (см. ниже в «Разработка проблемы в научной литературе»). Насколько характерна она для истории российской экономики конца XIX в. – начала XX в.?

Разработка проблемы в научной литературе

При исследовании российской реальности XIX в. важной теоретической проблемой является степень применимости концептуального аппарата теории человеческого капитала для изучения реалий доиндустриальных обществ, характеризовавшихся преобладанием натурального хозяйства и ограниченным развитием рыночных отношений.

По нашему мнению, применение концептуального аппарата теории человеческого капитала может быть оправданным в случае исследования динамического развития секторов, которые определяли генезис рыночных отношений, генерировали и распространяли вширь кардинальные изменения экономических институтов, взаимодействуя при этом с другими (в том числе нерыночными) секторами. Примером такого исследования европейской экономики средних веков и раннего нового времени является монография Я.-Л. ван Зандена об источниках индустриальной революции [4, р. 40-41, 69-91, 177-201].

Концептуальный аппарат теории человеческого капитала может быть интегрирован, в частности, модернизационной парадигмой, которая исследует исторически длительные процессы перехода от аграрного к индустриальному обществу на основе синтеза формационного и цивилизационного подходов. Содержание соответствующих радикальных по масштабам технологических и институциональных изменений, первоначально происходивших в сравнительно более развитых странах северо-западной Европы, раскрыто в систематизирующих работах ряда экономистов и историков [5; 6; 7, р. 9-31, 349-361].

Историко-экономическая литература, касающаяся проблематики человеческого капитала, фокусируется на оценке взаимосвязи его накопления и использования в процессах экономического развития отдельных стран и их групп. В ней обосновывается выбор показателей человеческого капитала, исходя из доступности исторических данных, а также методов анализа взаимовлияния процессов его накопления и использования на объем и темпы роста ВВП, то есть вклада в экономический рост (как правило, во взаимодействии с физическим капиталом и другими ресурсами). Как правило, такие исследования носят компаративный межстрановой характер.

В последние два десятилетия широкое признание приобрели разработанные в зарубежной литературе «новые теории роста», которые рассматривали человеческий капитал в качестве его экзогенного [8] или эндогенного [9; 10] фактора. Оба направления отводили человеческому капиталу ведущую роль в современном экономическом развитии. Однако в первом случае экономический рост рассматривался как результат совокупности действия преимущественно внешних факторов, исчерпание которых приводит к его остановке. Во втором случае акцент делался на наличие обратных связей, действие которых приводит к тому, что экономический рост становится самоподдерживающимся. Так, инвестирование в человеческий капитал стимулирует повышение доходов, результаты которого, в свою очередь, расширяют спрос на образование и интеллектуалоемкие блага, что требует новых инвестиций в человеческий капитал.

Эти теории объясняют механизмы «современного экономического роста», оставляя в стороне вопрос о том, какие факторы сыграли роль в его запуске и выходе из многовекового «мальтузианского» режима воспроизводства населения с циклической динамикой численности и уровня жизни в рамках преимущественно аграрной экономики. Ответить на этот вопрос пытается «универсальная теория роста» О. Гэлора [11]. В ее основе лежит динамика накопления и использования человеческого капитала в процессе технологических изменений. Вероятность таких изменений возрастает в условиях повышенного размера и плотности населения. Но даже будучи небольшими по масштабам, они

ведут к повышению доходов, создавая возможность увеличения расходов родителей на образование детей. В свою очередь, распространение образования усиливает технологический прогресс, который в сочетании с возросшими трудовыми навыками ведет к увеличению доходов от инвестиций в образование. В конечном итоге у домохозяйств возникают стимулы снизить рождаемость, чтобы иметь немного высокообразованных детей вместо большого количества малообразованных. Это ведет к постепенному демографическому переходу, который имел решающее значение для устойчивого выхода из «мальтузианской ловушки» [12, с. 110-115].

Таким образом, рассматривая ранние фазы накопления человеческого капитала, «универсальная теория роста» акцентирует внимание на демографических (увеличение средней продолжительности жизни и снижение рождаемости) и политических, культурных, социальных факторах его накопления [11, р. 194-195, 258-259, 261-262]. Согласно ей, в этот период в основе распространения образования лежали потребности религиозные (распространение священных текстов на родном языке), социально-технологические (средство обеспечения социального контроля элит и поддержания социально-политической устойчивости, в том числе посредством формирования единой национальной идентичности государств нового времени), военно-технологическими (получение преимуществ в соответствующей сфере межгосударственного соперничества). В свою очередь, повышение зарплаток и доходов домохозяйств дало возможность увеличить расходы на образование и здравоохранение [11, р. 194].

Отмечается, что лишь на второй стадии индустриальной революции в Англии (во второй половине XIX вв.) технологический прогресс стал предъявлять требования к квалификации рабочей силы и, соответственно, стал возрастать спрос на человеческий капитал, формируемый в сфере институционализированных форм образования [11; 13]. В то время как на первой стадии (с преимущественным развитием текстильной промышленности) уровни грамотности работников имели ограниченное значение [14, с. 51-55].

В то же время, на важное значение человеческого капитала в запуске «современного экономического роста» указывают британские данные о его сравнительно высоком уровне (измеренного уровнем элементарной и количественной грамотностью, выпуском книжной продукции, дифференциалом оплаты труда ремесленников и низкоквалифицированных рабочих) до начала индустриальной революции [15, с. 83-88, 378-390; 14, с. 54-56; 4, р. 185-197]. При этом Р. Аллен отмечал статистически слабое воздействие грамотности на экономический рост в Великобритании в период 1350-1800 гг., признавал его ограниченное значение в период промышленной революции, объясняя, что распространение грамотности было важно для торговцев, лавочников, фермеров и изобретателей, но в гораздо меньшей степени для рабочих [15, с. 376-377].

Таким образом, многие аспекты влияния человеческого капитала на экономическую динамику в период запуска «современного экономического роста» рассмотрены преимущественно на материале зарубежных стран. Между тем, понимание актуального состояния и перспектив развития ключевых экономических и социальных институтов России невозможно без фундаментальной разработки вопроса о национальных и исторических особенностях ее человеческого капитала. В условиях начавшейся индустриализации данный вопрос стал непосредственно обсуждаться в общественной мысли России [16; 17, с. 37-158, 218-282].

Этапная работа в области отечественной экономики образования принадлежит С.Г. Струмилину [18], который рассматривал расходы на образование как инвестиции, ведущие к росту производства индивидуальных и общественных благ, во многом опережая создателей теории человеческого капитала. В частности, С.Г. Струмилин, с помощью математика Л. Лахтина, сумел построить формулу индивидуальной отдачи, в существенных моментах предвосхитившую широко применяемое в последние десятилетия уравнение Дж. Минцера [19, р. 83-89, 129-132]. Отсутствие ставок дисконтирования, предположение о неизменности премий за квалифицированный труд

приводило к завышению оценок макроэкономической отдачи. Но принципиально значимой в тех исторических условиях была сама постановка вопроса не только об индивидуальной, но и общественной «рентабельности образования».

В историко-экономической литературе вопрос о влиянии развития образования и накопления человеческого капитала на развитие национальной экономики России/СССР в период с середины XIX в. до конца 1980-х гг. был поставлен Б.Н. Мироновым. Посредством кросс-корреляционного анализа он установил, что в советский период такое воздействие в полную меру проявлялось с лагом в 20-25 лет [20, с. 118, 121-122]. Для характеристики человеческого капитала им использовался натуральный показатель средней продолжительности обучения. Однако его работа не выходила на уровень сопоставления эмпирически наблюдаемых закономерностей с теоретическими моделями. В то время как мы предпочитаем использовать финансовые показатели валовых инвестиций на накопление человеческого капитала, а также перевести анализ на уровень отдельных губерний, с выделением аграрного и индустриального секторов.

Информационная база

Важным вопросом является наличие критического уровня достаточности и достоверности информационной базы. Статистические данные дореволюционного периода в отношении полноты учета и разработанности ряда статистических процедур уступали более позднему советскому периоду. Тем не менее, проведенный в [1, с. 522-523] анализ информационной ценности губернаторских отчетов как исторических источников показал, что их достоверность может быть оценена на приемлемом уровне, в том числе поскольку содержащиеся в них данные об образовании и здравоохранении с очень малой вероятностью подвергались сознательному искажению.

Предварительно, результаты сопоставлений показывают, что создатели губернаторских отчетов были склонны значительно занижать данные о государственном финансировании (за счет его недоучета со стороны иных ведомств, помимо профильного Министерства народного просвещения). Это занижение могло составлять около 2-3 раз, что значительно влияет на оценку общего объема расходов. Причем в наибольшей степени в регионах с повышенной долей государственных затрат (например, в Архангельской губернии). Но губернаторские отчеты несколько завышали объемы земского финансирования, которое в рассматриваемый период стало важнейшим источником накопления человеческого капитала в России, что частично компенсировало занижение объемов государственного финансирования. Полная точность среди выбранных нами регионов по сверенным данным за 1883 г. наблюдалась в Ярославской губернии [21, с. 56-57], в других случаях отклонения составляли $\pm 20-25\%$. При этом авторы губернаторских отчетов были склонны занижать данные о финансировании со стороны низших уровней местного самоуправления (сельские и волостные общины).

Основные результаты и их обсуждение

Для того, чтобы определить, изменение какого показателя являлось опережающим (соответственно – вероятное направление преобладающего влияния), мы провели кросс-корреляционный анализ соответствующих временных рядов по отдельным губерниям. В случае действия механизма, описанного «новыми теориями роста» (преобладающее влияние инвестиций на рост), опережающие (имеющие положительный лаг) ряды показателей валовых инвестиций в человеческий капитал должны показывать наиболее высокую корреляцию с рядами выпуска. В случае действия механизма, описанного «универсальной теорией роста» (преобладающее влияние роста на инвестиции), запаздывающие (имеющие отрицательный лаг) ряды показателей валовых инвестиций в человеческий капитал должны показывать наиболее высокую корреляцию с рядами выпуска.

В целом результаты проведенного анализа не позволяют определённо утверждать о том или ином опережающем влиянии одного процесса на другой. Это может быть вызвано тем, что на динамику экономического развития сильно влияли другие факторы, оставшиеся за рамками анализа («опущенные переменные»). Также это могло быть вызвано недостаточной длиной рядов, анализируемых данных, наличием внутри них отсутствующих значений, а также неполнотой учета в различные периоды.

В то же время, без задержек по времени, проявляются частые и сильные связи процессов накопления человеческого капитала и развития промышленности (Таблица 1). Эта связь проявляется как более сильные в отношении образования, как менее сильные – в отношении здравоохранения.

Наличие в большинстве случаев сильных связей между указанными процессами скорее поддерживает предположение о том, что уровень накопления человеческого капитала зависел от колебаний экономической конъюнктуры, поскольку в ином случае для воздействия накопленного в сфере образования человеческого капитала на экономический рост региона необходимо, по крайней мере, несколько лет, при нейтральном сальдо миграционных потоков его носителей с другими регионами.

Обращают на себя внимание отрицательные связи (умеренной силы) показателей накопления человеческого капитала с количеством промышленных предприятий в Вятской, Калужской и Пермской губерниях и с выпуском (слабой силы) в Пермской губернии. В отношении количества предприятий это может объясняться их сокращением в результате концентрации производства (данный процесс отмечен в Калужской губернии в 1878-1887 гг., в Пермской – на протяжении 1879-1909 гг.); в случае с выпуском, вероятнее всего, мы имеем дело с его недоучётом в данных по Пермской губернии (за 1896 г. учтённый объем составил около 25% оценки всего объема), либо сильным изменением учётной выборки: стагнация на протяжении периода 1879-1912 гг. выглядит неправдоподобной.

Таблица 1 – Связь показателей промышленного сектора и финансирования сфер образования и здравоохранения без временной задержки (лага), коэффициенты корреляции Пирсона (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [25; 26; 27; 22; 28; 29; 30; 31]; дефлировано по Бюджетному индексу по расчетам в: [23, 514-515]; цит. по: [24])

	Вятская		Калужская		Новгородская		Пермская	
	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.
Выпуск (руб. 1913)	0,62	н/д	0,79	0,67	0,95	0,88	-0,11	-0,09
Кол-во предприятий	-0,57	н/д	-0,55	-0,6	0,92	0,89	-0,47	-0,38
Численность работников	0,51	н/д	0,74	0,62	0,97	0,91	0,34	0,26
	Рязанская		Смоленская		Тамбовская		Смоленская	
	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.
Выпуск (руб. 1913)	0,93	0,87	0,84	0,78	0,51	0,38	0,94	0,93
Кол-во предприятий	0,85	0,91	0,9	0,91	0,9	0,52	0,89	0,96
Численность работников	0,89	0,87	0,95	0,95	0,72	0,63	0,9	0,97

Для определения связи динамики человеческого капитала с показателями производительности труда в промышленности (по валовому выпуску) и урожайности в сельском хозяйстве (отношение объема урожая к объему посева) показатели финансирования образования и здравоохранения были переведены в подушевое выражение для отдельных губерний, по которым имелись все необходимые

для этого данные. Результаты анализа (также без задержек по времени), представленные в Таблице 2, демонстрируют неоднородную картину.

Следует отметить, что производительность труда в промышленности анализируемых губерний, как правило, в долгосрочном периоде если и росла, то очень медленно и в большей степени с середины 1890-х гг. (Калужская, Новгородская губернии), в отдельных – умеренно снижалась (в Пермской и Рязанской губерниях); соответственно результаты анализа чаще обнаруживают либо отсутствие связи, либо её умеренную силу. В то время как в сельском хозяйстве эта связь между накоплением человеческого капитала и динамикой урожайности проявлялась несколько чаще и сильнее.

Таблица 2 – Связь показателей производительности / урожайности и объема финансирования образования и здравоохранения (на душу населения) без временной задержки (лага), коэффициенты корреляции Пирсона (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [26; 27; 22; 28; 29]; дефлировано аналогично Табл. 1)

	Калужская		Новгородская		Пермская		Рязанская		Смоленская	
	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.	Обр.	Здрвхр.
Произв-ть труда в промышленности	0,65	0,61	0,43	0,23	-0,14	-0,09	-0,01	0,01	-0,03	0,03
Урожайность озимых	0,25	0,1	0,5	0,47	0,09	0,35	0,19	0,04	0,55	0,64
Урожайность яровых	0,18	0,05	0,42	0,48	-0,25	-0,06	0,44	-0,24	0,19	0,34

В случае наличия задержек по времени связи с динамикой показателей промышленного сектора в большей степени присутствуют с прогрессом образования, но значительно слабее – здравоохранения.

Пример Тамбовской губернии дает свидетельства в пользу того, что улучшение показателей промышленного сектора региональной экономики на 13-16 лет опережало процессы формирования в них человеческого капитала в сфере образования, в большей степени выступая их предпосылкой (Таблица 3). Для человеческого капитала в сфере здравоохранения такая закономерность не наблюдалась, либо опережение имело краткосрочное действие (1 год).

Таблица 3 – Значения кросс-корреляционной функции связи показателей промышленного сектора Тамбовской губернии с лагированными объемами финансирования образования и здравоохранения (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [30]; дефлировано аналогично Табл. 1)

Лag	Выпуск (руб. 1913)		Численность работников		Кол-во предприятий	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-20	0,48	-0,02	-0,19	-0,08	0,35	-0,03
-19	0,54	-0,13	-0,15	-0,13	0,44	-0,16
-18	0,56	0,01	0,03	-0,13	0,50	-0,02
-17	0,55	-0,11	-0,02	-0,22	0,41	-0,12
-16	0,61	-0,07	0,09	-0,25	0,48	-0,09
-15	0,60	-0,05	0,02	-0,36	0,47	-0,26
-14	0,54	-0,03	0,14	-0,35	0,55	-0,29
-13	0,55	0,12	0,32	-0,26	0,68	-0,14
-12	0,50	0,21	0,32	-0,11	0,59	-0,16
-11	0,51	0,23	0,34	-0,11	0,59	-0,07
-10	0,49	0,27	0,32	0,02	0,55	0,01
-9	0,43	0,21	0,47	0,05	0,60	0,18

Лаг	Выпуск (руб. 1913)		Численность работников		Кол-во предприятий	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-8	0,40	0,20	0,35	0,22	0,54	0,39
-7	0,43	0,14	0,39	0,19	0,49	0,26
-6	0,47	0,10	0,47	0,15	0,51	0,23
-5	0,42	0,15	0,55	0,24	0,48	0,29
-4	0,43	0,26	0,59	0,10	0,50	0,24
-3	0,37	0,34	0,53	0,40	0,43	0,42
-2	0,37	0,38	0,51	0,31	0,41	0,30
-1	0,37	0,51	0,54	0,34	0,36	0,33
0	0,51	0,38	0,72	0,63	0,49	0,52
1	0,28	0,24	0,61	0,54	0,30	0,42
2	0,26	0,23	0,48	0,55	0,29	0,48
3	0,21	-0,11	0,37	0,43	0,21	0,27
4	0,28	-0,13	0,29	0,38	0,26	0,33
5	0,26	-0,17	0,24	0,39	0,24	0,29
6	0,22	-0,38	0,18	0,30	0,22	0,11
7	0,18	-0,33	0,10	0,26	0,17	0,02
8	0,08	-0,31	0,06	0,25	0,10	-0,07
9	0,12	-0,31	0,00	0,25	0,12	-0,01
10	0,12	-0,26	0,01	0,28	0,12	-0,05
11	0,08	-0,22	-0,01	0,27	0,09	0,03
12	-0,01	-0,25	0,01	0,18	0,03	0,01
13	0,00	-0,28	-0,07	0,09	0,02	-0,05
14	-0,04	-0,26	-0,09	0,06	0,01	0,03
15	-0,04	-0,23	-0,13	-0,14	0,01	-0,15
16	-0,07	-0,15	-0,22	-0,36	-0,03	-0,32
17	-0,09	-0,05	-0,24	-0,24	-0,03	-0,24
18	-0,12	0,07	-0,28	-0,37	-0,08	-0,33
19	-0,14	0,22	-0,28	-0,36	-0,09	-0,28
20	-0,15	0,22	-0,23	-0,28	-0,11	-0,26

В Калужской губернии максимальное значение кросс-корреляционной функции (Таблица 4) показателей промышленного сектора с лагированными объемами финансирования образования достигалось при лаге от -1 до 0 (то есть изменения в промышленном секторе сказывались на объемах накопления человеческого капитала с задержкой до 1 года); с лагированными объемами финансирования здравоохранения – от 1 до 2 по разным показателям (то есть картина оказалась смешанной).

Таблица 4 – Значения кросс-корреляционной функции связи показателей промышленного сектора Калужской губернии с лагированными объемами финансирования образования и здравоохранения (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [26]; дефлировано аналогично Табл. 1)

Лаг	Выпуск (руб. 1913)		Численность работников		Кол-во предприятий	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-20	-0,22	-0,31	-0,19	-0,30	0,05	0,01

Лат	Выпуск (руб. 1913)		Численность работников		Кол-во предприятий	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-19	-0,19	-0,30	-0,18	-0,30	0,00	-0,08
-18	-0,18	-0,31	-0,15	-0,29	-0,05	-0,15
-17	-0,17	-0,29	-0,12	-0,27	-0,10	-0,20
-16	-0,11	-0,21	-0,09	-0,25	-0,16	-0,28
-15	-0,07	-0,17	-0,07	-0,22	-0,21	-0,34
-14	0,00	-0,11	-0,04	-0,18	-0,26	-0,37
-13	0,05	-0,06	-0,02	-0,13	-0,28	-0,39
-12	0,12	0,02	0,07	-0,06	-0,29	-0,40
-11	0,20	0,08	0,12	0,00	-0,30	-0,40
-10	0,27	0,15	0,16	0,06	-0,32	-0,40
-9	0,32	0,21	0,21	0,10	-0,33	-0,42
-8	0,33	0,21	0,24	0,15	-0,35	-0,42
-7	0,34	0,23	0,25	0,17	-0,40	-0,44
-6	0,35	0,27	0,26	0,20	-0,45	-0,48
-5	0,34	0,26	0,27	0,22	-0,48	-0,52
-4	0,37	0,33	0,26	0,22	-0,52	-0,55
-3	0,38	0,34	0,29	0,26	-0,56	-0,60
-2	0,62	0,67	0,38	0,32	-0,56	-0,60
-1	0,76	0,74	0,47	0,40	-0,56	-0,62
0	0,79	0,67	0,74	0,62	-0,55	-0,60
1	0,73	0,59	0,69	0,62	-0,49	-0,48
2	0,67	0,59	0,66	0,63	-0,44	-0,38
3	0,63	0,55	0,59	0,60	-0,38	-0,28
4	0,51	0,50	0,52	0,56	-0,35	-0,17
5	0,39	0,41	0,36	0,49	-0,31	-0,08
6	0,33	0,38	0,34	0,43	-0,28	-0,02
7	0,29	0,31	0,33	0,43	-0,26	0,04
8	0,30	0,32	0,29	0,36	-0,24	0,09
9	0,28	0,30	0,29	0,38	-0,18	0,12
10	0,24	0,26	0,24	0,29	-0,12	0,14
11	0,19	0,15	0,20	0,20	-0,06	0,16
12	0,14	0,06	0,13	0,05	0,01	0,19
13	0,10	-0,01	0,12	0,00	0,07	0,20
14	0,07	-0,06	0,07	-0,05	0,11	0,22
15	0,04	-0,10	0,05	-0,08	0,14	0,22
16	0,00	-0,14	0,03	-0,13	0,17	0,23
17	-0,04	-0,18	-0,02	-0,16	0,19	0,23
18	-0,06	-0,24	-0,06	-0,21	0,20	0,23
19	-0,11	-0,25	-0,07	-0,23	0,19	0,22

Лаг	Выпуск (руб. 1913)		Численность работников		Кол-во предприятий	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
20	-0,15	-0,24	-0,13	-0,18	0,20	0,21

В отношении связей (с задержкой по времени) производительности труда в промышленности и урожайности в сельском хозяйстве примеры отдельных губерний (Новгородская в промышленности, Смоленская – в сельском хозяйстве) показывают опережение на 6-9 лет со стороны внешних условий развития сферы образования (Таблица 5). В отношении сферы здравоохранения такое опережение, составившее 5 лет, прослеживается только в одном случае (производительности в промышленном секторе Новгородской губернии).

Таблица 5 – Значения кросс-корреляционной функции связи производительности / урожайности с лагированными объемами финансирования образования и здравоохранения (на душу населения) (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [27; 29]; дефлировано аналогично Табл. 1)

Лаг	Новгородская губерния (промышленность)		Смоленская губерния (сельское хозяйство)			
	Производительность труда		Урожайность озимых		Урожайность яровых	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-20	-0,40	-0,38	-0,17	-0,15	-0,10	-0,05
-19	-0,33	-0,37	-0,08	-0,18	-0,03	-0,02
-18	-0,13	-0,25	-0,06	-0,13	0,11	0,03
-17	-0,18	-0,25	0,03	-0,13	0,16	0,04
-16	-0,04	-0,11	0,07	-0,09	0,13	0,03
-15	-0,03	-0,09	0,12	0,00	0,11	0,05
-14	-0,11	-0,07	0,20	0,06	0,15	0,10
-13	0,00	0,02	0,28	0,12	0,19	0,06
-12	0,23	0,26	0,34	0,13	0,20	0,04
-11	0,11	0,32	0,38	0,23	0,23	0,05
-10	0,19	0,25	0,39	0,27	0,26	0,19
-9	0,34	0,40	0,39	0,34	0,31	0,24
-8	0,27	0,20	0,47	0,35	0,28	0,19
-7	0,37	0,22	0,47	0,37	0,28	0,21
-6	0,51	0,37	0,36	0,35	0,25	0,23
-5	0,37	0,48	0,33	0,30	0,23	0,26
-4	0,42	0,36	0,32	0,34	0,26	0,28
-3	0,39	0,32	0,35	0,40	0,19	0,31
-2	0,36	0,37	0,41	0,46	0,23	0,28
-1	0,37	0,18	0,38	0,35	0,19	0,23
0	0,43	0,23	0,55	0,64	0,19	0,34
1	0,29	0,25	0,40	0,46	0,09	0,24
2	0,22	0,19	0,34	0,42	0,06	0,16
3	0,21	0,10	0,23	0,35	0,06	0,07
4	0,16	0,07	0,19	0,32	0,12	0,16

Лаг	Новгородская губерния (промышленность)		Смоленская губерния (сельское хозяйство)			
	Производительность труда		Урожайность озимых		Урожайность яровых	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
5	0,19	0,11	0,15	0,28	0,04	0,09
6	0,16	0,07	0,07	0,19	0,00	0,14
7	0,10	0,15	0,04	0,13	-0,06	0,00
8	0,02	0,12	0,03	0,06	0,03	0,11
9	0,00	0,08	0,02	0,01	-0,08	-0,18
10	0,00	0,12	-0,08	-0,11	-0,11	-0,16
11	-0,02	0,11	-0,05	-0,06	-0,10	-0,11
12	0,01	0,13	-0,06	0,01	-0,08	-0,05
13	-0,08	0,02	-0,09	-0,05	-0,13	-0,10
14	-0,10	0,04	-0,04	0,00	-0,10	-0,17
15	-0,16	-0,02	-0,09	-0,04	-0,09	-0,08
16	-0,18	-0,11	-0,10	-0,02	-0,12	-0,13
17	-0,16	-0,11	-0,18	-0,10	-0,09	-0,09
18	-0,13	-0,12	-0,15	-0,12	-0,08	-0,08
19	-0,21	-0,23	-0,21	-0,20	-0,06	-0,06
20	-0,24	-0,23	-0,21	-0,21	-0,05	-0,02

Таким образом, отмечалось действие механизма, характерного для прото- и раннеиндустриальных стадий развития в Западной Европе, описанного «универсальной теорией роста» (см. выше в «Разработка проблемы в научной литературе»).

В то же время, в Калужской губернии и, в меньшей степени, в Пермской, наблюдались признаки положительного воздействия накопления человеческого капитала на производительность труда в промышленности по прошествии 5-6 лет (см. Таблицу 6). Это дает частичную поддержку «новым теориям роста», как в экзогенном варианте, так и (с учетом данных Табл. 4) в эндогенном.

Таблица 6 – Значения кросс-корреляционной функции связи производительности труда в промышленности с лагированными объемами финансирования образования и здравоохранения (на душу населения) (Рассчитано по данным губернаторских отчетов [26; 22]; дефлировано аналогично Табл. 1)

Лаг	Калужская губерния (промышленность)		Пермская губерния (промышленность)	
	Производительность труда		Производительность труда	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-20	-0,21	-0,12		
-19	-0,19	-0,13		
-18	-0,18	-0,23		
-17	-0,17	-0,22		
-16	-0,17	-0,15		
-15	-0,06	-0,13		
-14	-0,08	-0,18		

Лаг	Калужская губерния (промышленность)		Пермская губерния (промышленность)	
	Производительность труда		Производительность труда	
	Образ.	Здрвхр.	Образ.	Здрвхр.
-13	-0,08	-0,11		
-12	-0,01	0,01		
-11	0,01	0,00	-0,05	
-10	0,02	-0,03	-0,05	
-9	0,04	0,03	-0,08	
-8	0,06	0,13	-0,01	
-7	0,13	0,11	-0,04	
-6	0,13	0,12	-0,07	-0,02
-5	0,16	0,16	-0,09	-0,01
-4	0,19	0,18	-0,05	-0,13
-3	0,28	0,24	-0,09	-0,15
-2	0,24	0,22	-0,01	0,04
-1	0,62	0,42	-0,03	-0,04
0	0,57	0,47	0,15	-0,14
1	0,48	0,45	-0,05	-0,06
2	0,50	0,49	0,29	0,63
3	0,45	0,41	0,00	0,01
4	0,34	0,38	-0,12	-0,06
5	0,40	0,40	0,43	0,38
6	0,34	0,62	0,57	0,32
7	0,22	0,24	0,02	
8	0,16	0,12	0,10	
9	0,17	0,13	0,26	
10	0,14	0,14	0,08	
11	0,29	0,09	-0,08	
12	0,15	0,10		
13	0,11	0,13		
14	0,10	0,11		
15	0,08	0,07		
16	0,06	0,03		
17	0,01	0,01		
18	-0,03	0,02		
19	-0,17	-0,07		
20	-0,20	-0,10		

Итак, в ряде случаев мы находим слабые свидетельства положительной связи улучшений в промышленности и/или в сельском хозяйстве с накоплением человеческого капитала, в ряде случаев – положительной связи накопления человеческого капитала с экономическим ростом.

Заключение

Поставив вопрос о преобладании прямых и обратных связей между процессами накопления человеческого капитала и увеличением показателей промышленного и сельскохозяйственного секторов в начале процесса индустриализации, мы получили следующие предварительные результаты.

В первую очередь, следует отметить, что процессы формирования человеческого капитала в период запуска и начала «современного экономического роста» протекали в российских регионах довольно неравномерно. Используемые нами данные губернаторских годовых отчетов продемонстрировали региональное многообразие конкретных статистических показателей этих связей (наличие разных задержек по времени, преобладание в одних случаях прямых, в других – обратных связей).

Само накопление человеческого капитала оказалось более важным в сфере образования, чем здравоохранения.

В ряде регионов были отчетливо выражены признаки действия механизма, характерного для прото- и раннеиндустриальных стадий развития в Западной Европе, описанного «универсальной теорией роста»: расширение промышленного сектора и/или повышение урожайности в сельском хозяйстве создавало возможности для увеличения инвестиций в человеческий капитал, в то время как общественная отдача от ранее произведенных инвестиций в человеческий капитал оказывалась менее заметной. Так, улучшение валовых показателей промышленного сектора региональной экономики Тамбовской губернии опережало процессы формирования человеческого капитала в сфере образования (объем выпуска и количество предприятий соответственно на 13 и 16 лет). Повышение производительности труда в промышленности в Новгородской губернии и урожайности в сельском хозяйстве Смоленской губернии также соответственно на 6 и 7-9 лет опережали развитие сферы образования; повышение производительности труда в промышленном секторе Новгородской губернии на 5 лет опережало развитие сферы здравоохранения. Наличие в Калужской, Рязанской, Ярославской губерниях сильных связей между процессами накопления человеческого капитала и развития промышленности, без задержек по времени, по крайней мере, не опровергает действие данного механизма.

Тем не менее, в некоторых регионах (Калужская, Пермская губернии) наблюдались признаки действия механизма, описанного «новыми теориями роста», когда накопление человеческого капитала стимулирует промышленный рост. Однако нигде не было отмечено аналогичных признаков в сторону повышения урожайности в сельскохозяйственном секторе. С учетом того, что в Калужской губернии зафиксировано наличие как прямых, так и обратных связей между накоплением человеческого капитала и ростом в индустриальном секторе, можно говорить о частичных подтверждениях эндогенных моделей экономического роста.

Таким образом, выявленные связи с задержкой по времени оцениваются как статистически сильные только в отдельных случаях, и они лишь частично подтверждают «новые теории роста», в несколько большей степени – «универсальную теорию роста».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Didenko D.V. The role of institutional sectors of regional economy in human capital formation in European Russia (late 19th – early 20th centuries) // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy, 2019. – Том 14. – № 4. – С. 518–536.
2. Добрынин А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова// – СПб.: Наука, 1999.
3. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. – New Haven; London: Yale University Press, 1966.

4. Van Zanden J.L. The Long Road to the Industrial Revolution: The European economy in a global perspective, 1000-1800. – Leiden: Koninklijke Brill NV, 2009.
5. Дидерикс Г.А. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. / Г.А. Дидерикс Г.А., И.Т. Линдبلاد Д.И. Ноордам, Г.К. Квиспель, де Б.М.А. Фриз, П.Г.Г. Фриз// Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980 г. – М.: РОССПЭН, 1998.
6. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М.: РОССПЭН, 2006.
7. Hayami Y., Godo Y. Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations. – 3rd ed., New York: Oxford University Press, 2005.
8. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics, 1992. – Vol. 107. – № 2. – P. 407-437.
9. Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 1988. – Vol. 22. – № 1. – P. 3-42.
10. Romer P.M. Endogenous Technological Change. The Journal of Political Economy, 1990. – Vol. 98. – № 5. – Part 2. – P. S71-S102.
11. Galor O. From Stagnation to Growth. Unified Growth Theory // Handbook of Economic Growth. Vol. 1A. / Ed. by Aghion P., Durlauf S.N. – Amsterdam: Elsevier B.V., 2005. – P. 171-293.
12. Алтер Дж. Демографический переход и человеческий капитал / Дж. Алтер Дж., Г. Кларк Г. // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. – Том 1: 1700-1870. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013 [2010]. – С. 77-115.
13. Mitch D. The Role of Education and Skill in the British Industrial Revolution // The British Industrial Revolution: An Economic Perspective / Ed. by Mokyr J. 2nd edition. – Boulder: Westview Press, 1999. – P. 241-279.
14. Мокир Д., Фотх Г.-И. Экономический рост в Европе в 1700-1870 гг.: теория и фактические свидетельства // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. / Д. Мокир, Г.-И. Фотх – Том 1. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013 [2010]. – С. 17-74.
15. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. – М.: Издательство Института Гайдара, 2014 [2009].
16. Янжул И.И. Экономическая оценка народного образования. / И.И. Янжул, А.И. Чупров, Е.Н. Янжул// – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896.
17. Менделеев Д.И. К познанию России. – М.: Айрис Пресс, 2002 [1905, 1907].
18. Струмилин С.Г. Хозяйственное значение народного образования // Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982 [1924]. – С. 99-125.
19. Mincer J. Schooling, Experience and Earnings. – New York: National Bureau of Economic Research, 1974.
20. Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX-XX веках // Отечественная история, 1994. – № 4-5. – С. 111-125.
21. Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 16. Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. – СПб., 1886.
22. Обзор Пермской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Пермь, 1870-1916.
23. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. – Т.1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.
24. Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html>.
25. Обзор Вятской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Вятка, 1871-1916.
26. Обзор Калужской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Калуга, 1871-1915.

27. Обзор Новгородской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Новгород, 1871-1916.
28. Обзор Рязанской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Рязань, 1871-1915.
29. Обзор Смоленской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Смоленск, 1871-1915.
30. Обзор Тамбовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Тамбов, 1871-1911.
31. Обзор Ярославской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). – Ярославль, 1872-1915.

КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД»: ЭВОЛЮЦИЯ, ЭЛЕМЕНТЫ И ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00018 «Формирование адаптивной методологии регионального развития в условиях перехода к концепции «умный город»»

Акимова Ольга Евгеньевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университета»,
кафедра мировой экономики и экономической теории
г. Волгоград, Российская Федерация.
E-mail: akimovann25@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6967-7608

Волков Сергей Константинович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университета»,
кафедра мировой экономики и экономической теории
г. Волгоград, Российская Федерация.
E-mail: ambiente2@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4852-145X

Хрысева Анна Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университета»,
кафедра мировой экономики и экономической теории
г. Волгоград, Российская Федерация.
E-mail: inpro-mba@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0380-6582

Аннотация: В нашей стране в последнее время много говорится о необходимости прорыва, инновациях, цифровой экономике, необходимости реализации концепции «умный город». Однако, в отношении самого определения понятия «умный город» существуют расхождения. Что такое «умный город»? И чем умный город отличается от цифрового, интеллектуального или виртуального? Можно ли реализовывать концепцию «умный город», если каждый вкладывает в это понятие свое собственное видение? В этой связи в данной статье была предпринята попытка осмысления термина на основании анализа теоретических и эмпирических исследований, а также инфографики статей, зарегистрированных в базе данных Scopus. В настоящее время не сложилось научной школы в данном направлении. Более того, в большинстве публикаций представлен лишь опыт различных стран в реализации концепции «умный город» или отдельных ее составляющих, но не определены базовые элементы самой концепции. Как показала практика, заикленность исключительно на технологической составляющей «умных» городов со временем порождает путаницу в понимании их сущности. На наш взгляд, в настоящее время воспринимать умный город только лишь с позиции внедрения высоких технологий было бы в корне неверно, поскольку технологичность – это ключевая характеристика цифрового или виртуального города. Умный город – это единение инженерной и социальной инфраструктуры, повышающей интеллектуальную мобильность жителей и обеспечивающей интеллектуальное управление территориальной единицы, способствующее наращиванию социального капитала и активному использованию качественных и количественных инструментов роста производительности человеческого капитала и инновационных разработок. С позиции данного определения необходимо переосмысление сущности концепции «умный город», а также механизма ее реализации в России.

Ключевые слова: концепция «умный город», цифровой город, виртуальный город, интеллектуальный город, интеллектуальная мобильность, инженерная и социальная инфраструктура, интеллектуальное управление, умная экономика.

JEL: L86, O31, O32, O33

THE SMART CITY CONCEPT: EVOLUTION, ELEMENTS AND FORM OF IMPLEMENTATION

Olga E. Akimova,

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,

Department of World Economics and Economic Theory, Volgograd State Technical University

Volgograd, Russian Federation

Sergey K. Volkov,

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,

Department of World Economics and Economic Theory, Volgograd State Technical University,

Volgograd, Russian Federation

Anna A. Khryseva,

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,

Department of World Economics and Economic Theory, Volgograd State Technical University,

Volgograd, Russian Federation

Abstract: Recently in our country a lot has been said about the necessity of a breakthrough, innovations, digital economy, necessity to implement the concept of «smart city». However, there are discrepancies with regard to the very definition of the concept «smart city». What is «smart city»? And how is a Smart City different from a digital, intellectual or virtual city? Is it possible to implement the concept of «smart city» if everyone puts their own vision into it? In this regard, this article attempted to understand the term based on the analysis of theoretical and empirical research, as well as infographics of articles registered in the Scopus database. At present, there is no scientific school in this direction. Moreover, most publications present only the experience of different countries in the implementation of the «smart city» concept or its individual components, but do not define the basic elements of the concept itself. As practice has shown, focusing exclusively on the technological component of «smart cities» over time creates confusion in understanding their essence. In our opinion, nowadays it would be fundamentally wrong to perceive a smart city only from the point of view of high technology implementation, since technology is a key feature of a digital or virtual city. Smart City is the union of engineering and social infrastructure that increases the intellectual mobility of residents and provides intellectual management of the territorial unit, promoting the growth of social capital and the active use of qualitative and quantitative tools to increase the productivity of human capital and innovative developments. From the position of this definition, it is necessary to rethink the essence of the «smart city» concept and the mechanism of its implementation in Russia.

Keywords: smart city concept, digital city, virtual city, smart city, intellectual mobility, engineering and social infrastructure, intelligent management, smart economy.

Рост числа городских жителей, проблемы здравоохранения, ухудшение экологической обстановки, уровень преступности, доступ к социальным услугам и повышение комфортности среды проживания – это лишь часть проблем и вызовов, стоящих перед современными городами. Поиск адекватных и эффективных моделей пространственного развития, призванных обеспечить устойчивость территориальной системы, повысить ее конкурентоспособность посредством активизации эндогенных ресурсов и наращивания технологического капитала в условиях конкурентной среды является актуальной задачей городского менеджмента. В условиях снижения эффективности традиционных подходов к стратегическому планированию территориального развития, подразумевающих «ручное» управление региональным потенциалом и мало учитывающих технологический прогресс в системе территориального менеджмента, созрела необходимость в переосмыслении методологий стратегического управления развитием территорий с учетом высокой изменчивости внешней среды и динамичного развития новых технологий во всех сферах социально-экономической жизни современных городов.

В течение нескольких десятилетий внимание ученых и политиков было сосредоточено на вопросе об источниках эффективного развития городов, в которых качество предоставляемых товаров и услуг оказывает заметное влияние на качество жизни их жителей. И все чаще наиболее важными факторами,

которые служат основой для развития современных городов, признаются социальный капитал, знания и передовые технологии, позволяющие экономить время и энергию. Ученые-экономисты в настоящее время рассчитывают стоимость расходов функционирования городов, которые будут вынуждены в долгосрочной перспективе понести как власти, в виде стоимости общественных услуг городского транспорта, освещения, утилизации отходов, обеспечения безопасности, так и сами городские жители. Адаптация под современные требования развития городов предполагает выход на принципиально новый уровень городского управления, позволяющий учитывать как технологические, так и социальные факторы, и при этом формировать эффективные стратегии развития города.

Одной из самых экономически эффективных градостроительных концепций современности признана концепция «умного» города, направленная на управление городом с использованием новейших цифровых технологий, в частности информационных технологий, в соответствии с экологическими принципами, и при сохранении тенденции к экономии ресурсов и достижению поставленных целей развития города.

В международной научной среде термин «smart city» («умный город») впервые стал применяться в начале 90-х годов XX века для того, чтобы подчеркнуть растущую зависимость развития городов от новых технологических решений и инноваций. А первая публикация по проблеме «умного» города была представлена еще в 1988 (рис. 1) в сборнике третьего семинара-практикума по оперативному управлению водными ресурсами «Компьютеризированные системы поддержки принятия решений для контроля за использованием водных ресурсов Хьюстона» и посвящена анализу деятельности «умных» удаленных терминалов для управления сложной сетью водоснабжения и распределения воды в городе Хьюстон.

Впоследствии концепция «умного» города использовалась в сфере информационных технологий, которые можно было бы задействовать при составлении планов и стратегий развития городов. В частности, работа «Цифровые города: технологии, опыт и перспективы» [1] посвящена методам, используемым информационным сообществом для создания виртуального пространства города, основанного исключительно на применении интернет-технологий и ИТ-инфраструктуры. В последующих исследованиях концепция «умного города» применяется и в градостроительстве в качестве модели управления городским хозяйством [2], а также как модель, способная создавать и развиваться за счет инноваций [3].

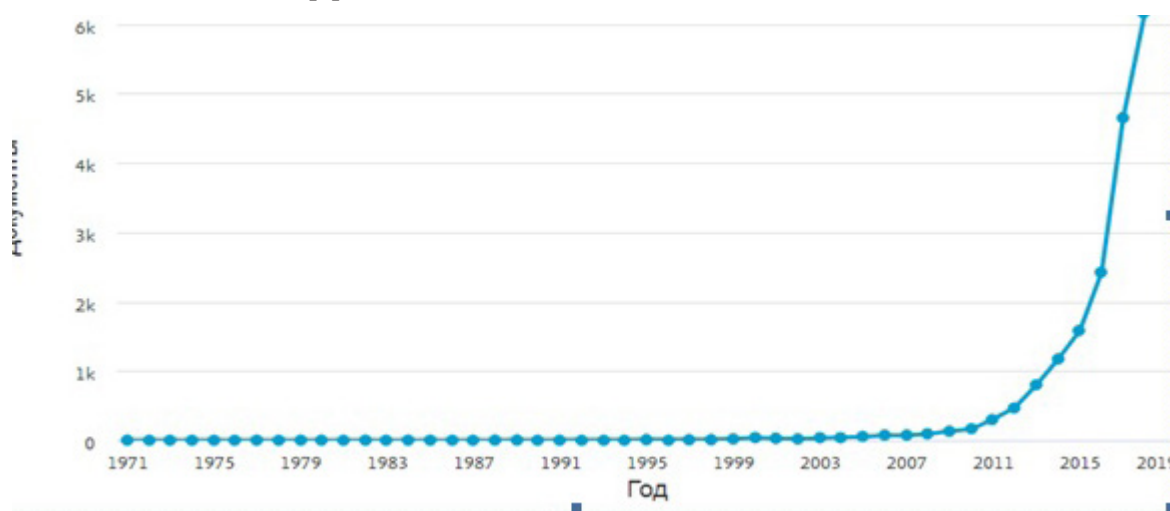

Рисунок 1 – Количество публикаций по теме «умный» город, 1971-2018 гг. [составлено авторами]

В научной литературе в ходе исследования концепции умного города в большинстве случаев пристальное внимание уделяется рассмотрению роли высоких технологий в функционировании

территории, и отмечается, что это ключевой и значимый элемент [4, с. 102]. В частности, в последнее время в различных регионах мира предпринимаются попытки определить основные правила использования информационных и телекоммуникационных технологий для стимулирования городского развития, но все они по-прежнему испытывают недостаток логичных критериев для разграничения городов на наиболее и на наименее «умные» [5, с. 177].

При этом хотелось бы отметить, что доступность и качество новых технологий не являются единственными критериями «умного» города, и некоторые исследователи включают в эту концепцию еще и отношения между информационно-технологической инфраструктурой и ее экономической эффективностью [6, с. 912; 7, с. 54].

Заметный вклад в систематизацию технократических взглядов на концепцию «умного города» внесли также и крупные частные компании, в частности IBM, которые занимались активным продвижением высоких технологий на мировые рынки [8; 9]. Однако, применение технократической категории в градостроительстве не позволяет оценить сложность процессов урбанизации и мешает сформировать истинное представление о городах, в которых было бы комфортно проживать большинству населения. Кроме того, при этом подходе создание «умного» города может ограничиться только лишь модернизацией городской инфраструктуры.

Как показала практика, заикленность исключительно на технологической составляющей «умных» городов со временем порождает путаницу в понимании их сущности, так как существуют и такие альтернативные понятия, как, цифровой, интеллектуальный и виртуальный город [10, с. 13-14; 11, с. 1726].

Цифровой город основан на инфраструктуре открытых стандартов и инновационных услуг для удовлетворения потребностей правительства, граждан и бизнеса [12, с. 80]. Целью цифрового города является создание среды для обмена информацией, сотрудничества и обмена опытом между всеми его жителями.

Понятие интеллектуального города возникает на стыке понятий «общество знаний» и цифровой город. Интеллектуальные города прилагают сознательные усилия для поощрения образования, технологического и инновационного развития, и в этом смысле получается, что каждый цифровой город не обязательно должен быть интеллектуальным, но в каждом интеллектуальном городе должны быть цифровые компоненты [13, с.175].

В виртуальном городе функции города реализуются в киберпространстве. Город представляет собой гибридную концепцию, которая состоит из реальности с ее физическими обитателями и параллельного виртуального города, состоящего из аналогов реальных людей.

Современные определения «умного» города подчеркивают комплексные аспекты функционирования современных городов, при этом уделяя особое внимание развитию транспорта, информационных и телекоммуникационных технологий, цифровых средств массовой информации, а также творческой и культурной жизни, в целях повышения социально-экономической и политической эффективности жизнедеятельности городов [14, с. 315-316].

Широкая трактовка понятия «умный» город включает в себя создание определенного климата, необходимого для формирования креативного класса специалистов. Креативный класс генерирует социальный капитал и извлекает из этого выгоду, способствуя тем самым превращению умного города в центр научного и творческого образования с большим количеством высококвалифицированной рабочей силы [15, с. 260].

С этой зрения термин «умный» город – это город знаний, который основан на поощрении и воспитании культа знаний, предоставляющий возможность каждому его жителю реализовать свой потенциал и таким образом способствовать увеличению конкурентоспособности и эффективности городского развития [16].

Но, в данной трактовке существуют и свои отрицательные стороны. Так, в стремлении достичь

идеального уровня в развитии города, может возникнуть опасность «распыления» внимания по широкому кругу вопросов, без возможности сосредоточения на самых актуальных задачах [17, с. 889]. Комплексная городская стратегия развития окажется эффективной в случае, если она была разработана при активном участии местных жителей и содержит понятные и четкие приоритеты развития [18, с. 67].

Другие исследователи отмечают, что «умные» города в своем развитии должны сосредоточиться на поиске новых решений, которые позволили бы городам активнее использовать качественные и количественные инструменты повышения производительности человеческого капитала и инновационных разработок [19, с. 68-70; 20, с. 18].

До сих пор продолжается активное обсуждение вопросов, связанных с сущностью, содержанием, рисками и условиями успешной реализации данной концепции. Значительный интерес к концепции «умный» город со стороны академической общественности стал проявляться с 2011 года (305 зарегистрированных статей в наукометрической базе Scopus), достигнув к концу 2018 года значения в 6164 зарегистрированных статей – рост более чем в 20 раз.

На сегодняшний момент можно говорить о ряде научных центров, занимающихся изучением различных аспектов проявления концепции «умный город» в хозяйственно-экономической жизни территорий (рис. 2).

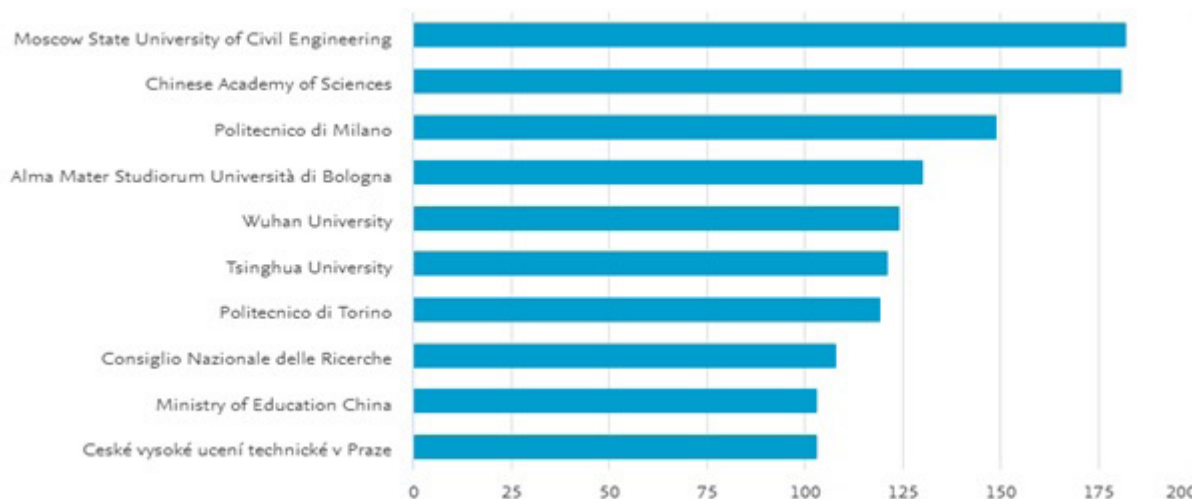

Рисунок 2 – Организации с наибольшим количеством зарегистрированных публикаций по теме «умный город» [составлено авторами]

Примечательно отметить, что лидирующая позиция принадлежит российскому университету – НИУ «Московский государственный строительный университет», который, пусть и незначительно, но опережает по количеству публикаций Китайскую академию наук. Однако качественный анализ публикаций показывает, что из 195 статей Московского государственного строительного университета, зарегистрированных в базе данных Scopus, все опубликованы в сборниках по итогам конференций. Причем, 168 статей проиндексированы из интернета платформы МАТЕС Web of Conferences. Отсутствие журнальных статей по теме «умный» город у ученых НИУ МГСУ, по мнению авторов настоящего исследования, является индикатором отсутствия серьезных научных разработок в обозначенной сфере.

Среди первой десятки организаций с наибольшим количеством зарегистрированных публикаций по теме «умный город» выделяются два мировых центра – Италия (Миланский технический университет, Болонский университет, Туринский технический университет, Национальный исследовательский совет) и Китай (Китайская академия наук, Университет Уханя, Университет Цинхуа, Министерство образования Китая).

В то же время, если рассматривать общее количество публикаций по теме «умный город» с точки зрения национальной принадлежности организаций, то тут Китай является бесспорным лидером, в два раза превышая итальянские университеты и научные организации (рис. 3).

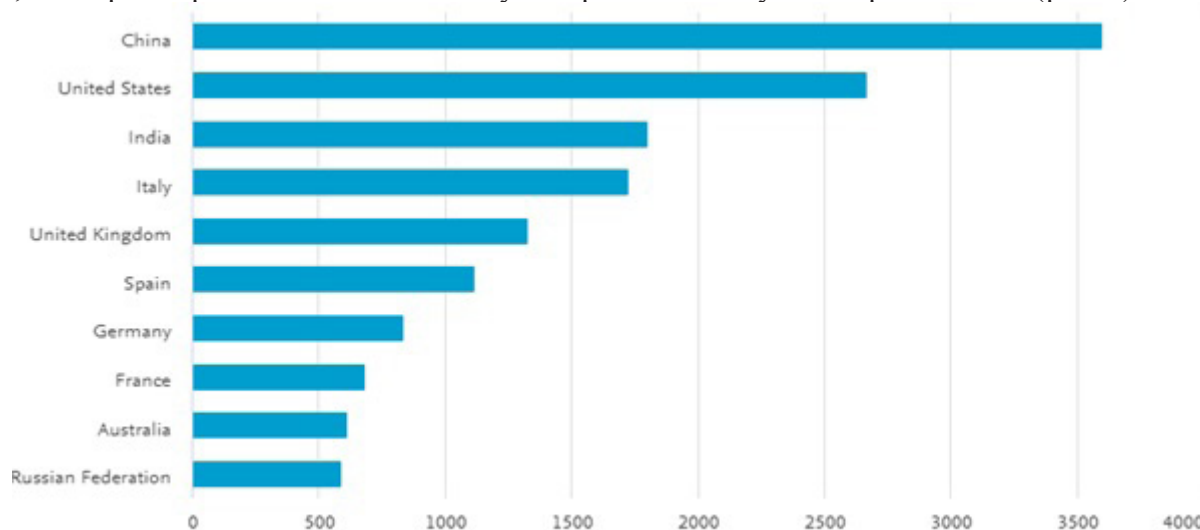

Рисунок 3 – Национальная принадлежность университетов с наибольшим количеством зарегистрированных публикаций по теме «умный город» [составлено авторами]

Россия замыкает первую десятку стран-лидеров по данной тематике, значительно уступая в количественных показателях.

Анализируя предметные области, в рамках которых рассматривается концепция «умный город» (рис. 4), следует отметить, что явно лидируют три области знания – компьютерные науки/информатика (31,6%), инженерные науки (19,4%) и социальные науки (12,6%). Как справедливо отмечает профессор Финансового университета при Правительстве РФ Криничанский К.В., «подобный технико-социально-экономический феномен [«умный город»] не может быть охвачен единой дефиницией» [21, с. 927]. Следовательно, необходимо говорить о мульти- и междисциплинарном подходе к анализу концепции «умный город», что в свою очередь предъявляет новые требования к организации и проведению научных исследований по данной тематике.

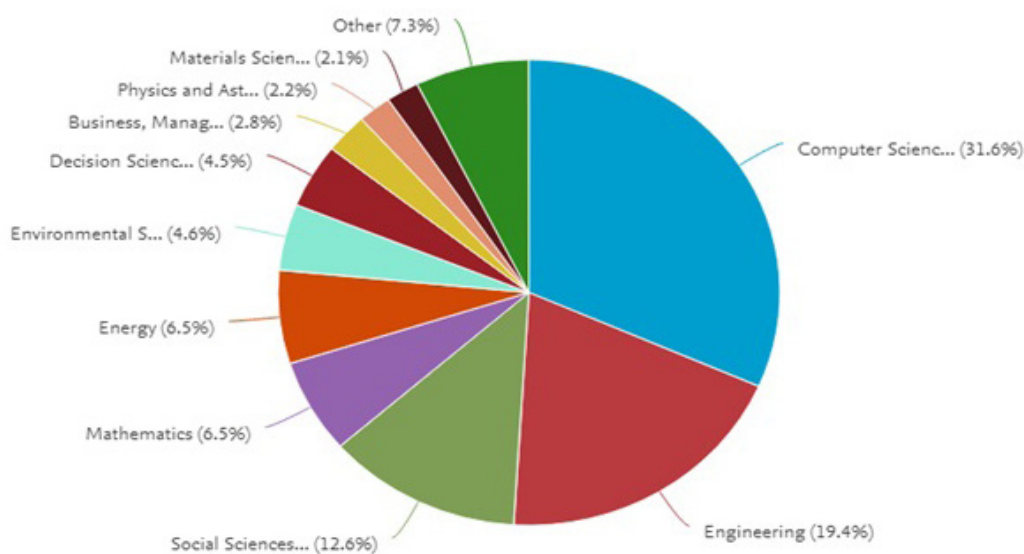

Рисунок 4 – Публикации по теме «умный город» в разрезе отраслей наук [составлено авторами]

авторами]

Тип публикации является также индикатором наличия/отсутствия сформированной области научного интереса и фундаментальности имеющихся наработок. Анализ типов публикаций по теме «умный город» (рис. 5) показал, что больше половины всех зарегистрированных публикаций (60%) приходится на тезисы докладов по итогам конференций, в то время как на долю журнальных статей приходится 27,5% (причем большая часть журнальных статей носят характер описания практических кейсов), что свидетельствует, по мнению авторов, о несформированности единой концепции «умный город», ее теоретических основ и отсутствия общепризнанной методологии.

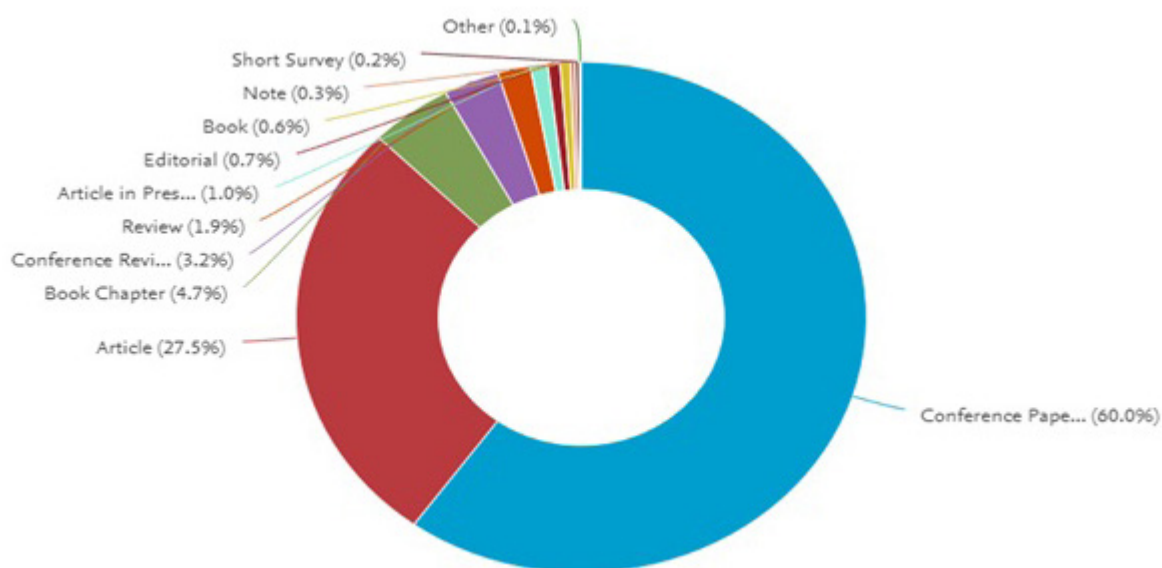

Рисунок 5 – Типы публикаций по теме «умный город» [составлено авторами]

Если в отношении однозначного подхода к определению сущности понятия «умный город» у ученых остаются разногласия, поскольку единой концепции умного города и единой трактовки данного понятия до сих пор нет, то в подходах к определению составляющих эту категорию основных элементах наблюдается относительное согласие.

Обычно предполагается, что при отнесении города к категории «умного» в инфраструктуре должны присутствовать следующие элементы:

1. Умная экономика, предполагает, что города должны отличаться высокой производительностью труда за счет эффективного сочетания средств производства, основанных на знаниях, инновациях и гибком рынке труда. При этом экономика должна характеризоваться сочетанием инновационных решений и высокой способностью к адаптации в быстроменяющихся условиях.

2. Интеллектуальная мобильность, именно благодаря элементу информационных и телекоммуникационных технологий, все ресурсы города могут быть объединены в единую глобальную сеть, и прежде всего, это транспортные и цифровые ресурсы.

3. Инженерная инфраструктура оптимизирует потребление энергии, используя при этом возобновляемые источники, а также минимизирует выбросы вредных отходов в атмосферу, тем самым сокращая негативные последствия для окружающей среды, что в свою очередь потребует высокого уровня экологического образования.

4. Жители, которые должны инициировать большинство изменений в городской инфраструктуре, и при предоставлении им технической поддержки должны стремиться к сокращению чрезмерного потребления ресурсов и заботе, на своем уровне, об окружающей среде.

5. Социальная инфраструктура, включающая в себя беспрепятственный доступ для всех

жителей к общественным услугам, и обеспечивающая высокий уровень общественной безопасности. Кроме того, она должна предоставлять достаточно разнообразный культурный и развлекательный контент.

6. Интеллектуальное управление, развитие города в этом направлении требует разработки управленческих процедур, направленных на формирование сотрудничества между органами местной власти, бизнесом и жителями, и помимо этого, активное использование новых управленческих технологий.

7. Цифровые платформы и данные. Их использование позволяет осуществлять цифровую коммуникацию и преобразование городского пространства с обратной связью с жителями территориальной единицы.

Следует отметить, что вышеперечисленные элементы связаны с неоклассическими теориями роста и развития городов, и основаны на конкурентоспособности городской инфраструктуры, социального капитала и системы городского управления.

В заключение стоит отметить, что пока не сформировалось единой концепции умного города, несмотря на длительную историю существования самого понятия. За период, длиною почти 50 лет, появилось множество синонимов: цифровой город, виртуальный, интеллектуальный, и исследователи из самых разных стран до сих пор продолжают спорить о сущности данного понятия. Однако, на наш взгляд, в настоящее время воспринимать умный город только лишь с позиции внедрения высоких технологий было бы в корне неверно, поскольку технологичность – это ключевая характеристика цифрового или виртуального города. Умный город – это единение инженерной и социальной инфраструктуры, повышающей интеллектуальную мобильность жителей и обеспечивающей интеллектуальное управление территориальной единицы, способствующее наращиванию социального капитала и активному использованию качественных и количественных инструментов роста производительности человеческого капитала и инновационных разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ishida T., Isbister K. (eds.). *Digital Cities: Technologies, experiences, and future perspectives*. Springer-Verlag, Berlin, 2000. 443 p.
2. Van der Meer A., Van Winden, W. *E-governance in Cities: A Comparison of Urban Information and Communication Technology Policies*. *Regional Studies*, Vol. 37, No. 4, 2003. pp. 407-419.
3. Florida R. *Cities and the Creative Class*. New York-London, Routledge, 198 p.
4. Хайретдинова Р.С. Теоретические основы концепции «умный город» и особенности ее адаптации в регионе // *Российское предпринимательство*. – 2014. – №20(266). – С. 101-106.
5. Tranos E., Gertner D. “Smart networked cities?”. *Innovation – The European Journal of Social Science Research*, 2012, Vol. 25, No. 2, pp. 175-190.
6. Roller L-H., Waverman L. *Telecommunication Infrastructure and Economic Development: A Simultaneous Approach*. *American Economic Review*, 2001, Vol. 91, No. 4, pp. 909- 923.
7. Волков А.А. Концепция «Умный город» [Электронный ресурс]: монография/ Волков А.А., Седов А.В., Чельшков П.Д. – М.: Московский государственный строительный университет, ЭБС АСВ, 2015. — 92 с. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/60821.html>. – ЭБС «IPRbooks» (Дата обращения: 02.09.2019).
8. Harrison C., Eckman B., Hamilton R., Hartswick P., Kalagnanam J., Paraszczak J., Williams P. *Foundations for Smarter Cities* // *IBM Journal of Research and Development*. 2010, Vol. 54. No 4. P. 350–365.
9. Paroutis S., Bennett M., Heracleous L. *A strategic view on smart city technology: e case of IBM Smarter Cities during a recession* // *Technological Forecasting and Social Change*. 2014, Vol. 89. P. 262–272.
10. Cocchia A. *Smart and Digital City: A Systematic Literature Review*. *Smart City*, Rosental-Sabroux, 2014, Vol. VIII, 238 p. (DOI: 10.1007/978-3-319-06160-3_2).

11. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M., Smart cities: Definitions, dimensions, and performance. *Journal of Urban Technology*, Vol. 22, No.1, 2015, p. 1723-1738.
12. Ishida T. Digital city Kyoto. *Communications of the ACM*, 2002, Vol. 45, No. 7, pp.78-81.
13. Komninou N. Intelligent cities: Variable geometries of spatial intelligence. *Intelligent Buildings International*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 172-188.
14. Hollands R. Will the smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial?. *City*, 2008, Vol.12, No. 3, pp. 303-320.
15. Winters, J.V. Why are smart cities growing? Who moves and who stays. *Journal of Regional Science*, 2011, Vol. 51, No. 2, pp. 253-270.
16. Dirks S., Gurdgiev C., Keeling M. *Smarter Cities for Smarter Growth: How Cities Can Optimize Their Systems for the Talent-Based Economy*. Somers, NY: IBM Global Business Services, 2010, 21 p.
17. Vanolo A. Smart Mentality: Smart City as Disciplinary Strategy // *Urban Studies*. 2014, Vol. 51. No 5. P. 883–898.
18. Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов / М. Бойкова, И. Ильина, М. Салазкин // *Форсайт*. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 65-75.
19. Caragliu A., Del Bo Ch., Nijkamp P. Smart cities in Europe. *Journal of Urban Technology*, 2011, Vol. 18, No. 2, pp. 65-82.
20. Eremia M., Toma L., Sanduleac M. The Smart Sity Concept in the 21st Century. 10-th International Conference Interdisciplinary in Engineering, *Procedia Engineering* (181), 2017, pp. 12-17.
21. Криничанский К.В. Модель умного города: в какой парадигме развивается Россия? // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2019. – Т.17, №5. – С. 926-944.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Сапир Елена Владимировна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой мировой экономики и статистики,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: evsapir@yahoo.com

Карачев Игорь Андреевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра мировой экономики и статистики
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: evsapir@yahoo.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме выявления сущности, основных признаков и видов специальных экономических зон. Авторами выделены два подхода к изучению специальных экономических зон: традиционный и промышленно ориентированный. Построена шкала типов зон в зависимости от уровня индустриализации стран и этапов развития преференциальных режимов. В статье на основе использования методов анализа и обобщения предложена классификация современных специальных экономических зон по двум основаниям: специализации и характеру организации и управления. В зависимости от специализации специальные экономические зоны подразделяются на зоны свободной торговли; многопрофильные зоны; специализированные зоны и инновационные зоны. По характеру организации выделяются широкие зоны; зоны, движимые потоками прямых иностранных инвестиций, а также трансграничные зоны. В результате, авторы отмечают необходимость трансформации специальных экономических зон из привилегированных анклавов в источник масштабного положительного воздействия.

Ключевые слова: специальная экономическая зона; традиционный подход; промышленно ориентированный подход; преференциальный режим; регулятивный режим; функциональная классификация; институциональная структура; цели устойчивого развития.

JEL: F21; H25; O25

SPECIAL ECONOMIC ZONES: THEORETIC FRAMEWORK FOR THE STATE AND BUSINESS INTERACTION

Sapir Elena Vladimirovna, Dr. Sci. (Econ.), Professor
Head of the Department for World Economy and Statistics,
P.G.Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation.

Karachev Igor Andreevich, Cand. Sci. (Econ.)
Associate professor of the Department for World Economy and Statistics,
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation.

Abstract: The article is devoted to the problem of identifying the essence, main features and types of special economic zones. The authors identified two approaches to the study of special economic zones: traditional and industrial-oriented;

constructed a scale of zone types depending on the level of countries industrialization and the stages of preferential regimes development. In the article, on the basis of the use of analysis and generalization methods, it was proposed a classification of special economic zones on two grounds: specialization and the nature of organization and management. Depending on their specialization, special economic zones are divided into free trade zones; multi-activity zones; specialized zones and innovation zones. By the nature of the organization the authors distinguished broad zones; zones driven by flows of foreign direct investment, as well as cross-border zones. As a result, the authors note the need to transform special economic zones from privileged enclaves to a source of large-scale positive impact.

Keywords: special economic zone; traditional approach; industry-oriented approach; preferential treatment; regulatory regime; functional classification; institutional structure; sustainable development goals.

В преддверии надвигающегося мирового экономического кризиса проблема стимулирования бизнес-активности становится не только теоретической, но и актуальной практической задачей. Многие страны, и в их числе Россия, уже испытывают и реализуют необходимость предоставления своим компаниям разнообразных льгот и форм экономической поддержки через снижение налогов, налоговые и инвестиционные каникулы, освобождение от различных обязательных платежей, предоставление выгодных кредитов.

Во многих странах сегодня преференциальный режим действует в рамках так называемых специальных экономических зон (далее – СЭЗ). Для обозначения СЭЗ используются разные термины: особые экономические зоны, свободные экономические зоны, зоны обработки экспорта, территории опережающего развития, зоны территориального развития, индустриальные (промышленные) парки, технопарки, бизнес-инкубаторы и др. К числу СЭЗ многие государства относят зоны, не имеющие четкого регулятивного режима, но предоставляющие резидентам отдельные преференции. В большинстве государств мира определение СЭЗ закреплено в соответствующих законодательных актах. Вместе с тем, менее трети законов о СЭЗ содержат наряду с указанной дефиницией также описание конкретных типов зон и их характеристику (табл. 1).

Таблица 1 – СЭЗ: определения в законодательстве зарубежных государств [составлено авторами на основе 1]

Определение СЭЗ	Ключевые признаки СЭЗ	Страна
СЭЗ – обособленная, нежилая часть территории, на которой может осуществляться предпринимательская деятельность в соответствии с законодательно установленным регулятивным режимом	Обособленность; часть территории; регулятивный режим	Польша
СЭЗ – географически ограниченный район, специально предназначенный для ведения определенных видов экономической, производственной и торговой деятельности.	Географическое положение; экономическая, производственная и торговая деятельность	Пакистан
СЭЗ – зоны с территориально определенными границами, которые предназначены для выполнения видов экономической деятельности и которые предоставляют определенные возможности и стимулы для резидентов зон.	Территориальная определенность; виды экономической деятельности; стимулы для резидентов	Индонезия

Определение СЭЗ	Ключевые признаки СЭЗ	Страна
СЭЗ – любая зона, созданная как свободная зона, в рамках которой иностранные товары и услуги размещаются и используются без взимания ввозных таможенных пошлин и налогов, а также с применением преференциальных мер экономической политики, предусмотренных законодательством.	Свободная зона; освобождение от уплаты таможенных пошлин; преференциальные меры	Гамбия

В России СЭЗ стали создаваться в начале 1990-х гг., однако законодательное закрепление в 2005 году получил другой термин «особая экономическая зона» (далее – ОЭЗ) [2, с. 8]. По нашему мнению, смещение акцента со слова «специальные» на «особые» отражает тенденцию усиления контроля государства за внешнеэкономической деятельностью и призвано показать значимость государственного регулирования экономики. Также отсутствие в законодательстве определения СЭЗ означает возможность отнесения к данной категории различных типов территорий с особым статусом и правовым режимом ведения предпринимательской деятельности.

В соответствии с п. 1 ст. 2 ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» [3] под ОЭЗ следует понимать часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

К основным признакам ОЭЗ можно отнести:

1. территориальный (ОЭЗ – часть территории Российской Федерации);
2. организационный (решение о создании ОЭЗ и ее пределах принимается Правительством Российской Федерации);
3. экономико-правовой (на территории ОЭЗ действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности).

В научной литературе выделяются и другие признаки ОЭЗ, которые уточняют законодательную ее трактовку (табл. 2).

Таблица 2 – Систематизация признаков ОЭЗ в научной литературе [составлено авторами]

№ п/п	Признак	Автор
1.	Особая целевая направленность ОЭЗ, обусловленная экономическими, социальными, демографическими критериями и потребностями ее развития.	С.В. Дерюгина [4, с. 120]
2.	Обеспечение решения внешнеторговых, общеэкономических, социальных, научно-технических и научно-технологических задач.	В.Г. Игнатов [5, с. 29]
3.	Экстерриториальность, открытость зоны (контраст территории в экономическом плане с остальной частью территории страны).	Р.Ф. Кабиров [6, с. 6, 16]
4.	Расширенная самостоятельность ОЭЗ в решении хозяйственных вопросов.	Нгуен Чи Хиеу [7, с. 7]
5.	Наличие локальной, относительно обособленной системы управления зоной, наделенной правом принимать самостоятельные решения в широком экономическом спектре.	О.А.Ковалевская, [8, с. 11-12]

№ п/п	Признак	Автор
6.	Беспошлинный таможенный режим и другие льготные экономические и организационно-административные меры.	В.А. Моргачев [9, с. 46]
7.	Система льгот и стимулов, позволяющая на основе новейших технологий развивать приоритетные отрасли экономики, которые способны обеспечить производство высококачественной товарной продукции для мирового рынка и успешное развитие социально-экономической среды регионов своего базирования.	В.В. Ушаков [10, с. 11]
8.	Составная часть хозяйственного комплекса страны.	В.В. Кущенко [11, с. 23]

Анализ законодательных определений СЭЗ, а также признаков СЭЗ, которые выделяются в научной литературе, позволил авторам сформулировать следующее определение СЭЗ. В данной статье под СЭЗ будет пониматься географически ограниченный район, в котором государство содействует хозяйствующим субъектам в осуществлении ими тех или иных видов экономической деятельности с помощью налоговых и регулятивных льгот и инфраструктурной поддержки.

Таким образом, можно выделить три ключевых критерия, при одновременном наличии которых преференциальный режим можно отнести к осуществляемому в рамках СЭЗ:

- географически ограниченная территория с особым юридическим статусом;
- регулятивный режим, отличный от остальной экономики (особый таможенный и / или налоговый режимы);
- инфраструктурная поддержка.

Понятие СЭЗ базируется на двух аспектах: экономическом и юридическом. С экономической точки зрения необходимо иметь представление, является ли создание зоны частью активной промышленной политики и стимулирования процесса кластеризации либо создание зоны продиктовано планированием комфортной городской среды и соображениями экономической целесообразности. С юридической точки зрения необходимо обратить внимание на наличие или отсутствие четкого регулятивного механизма функционирования зоны (нормативно-правовая база, порядок предоставления таможенных и налоговых льгот).

В зависимости от сочетания параметров указанных аспектов можно выделить следующие подходы к изучению СЭЗ (рис. 1):

- традиционный подход – СЭЗ рассматривается как зона с преференциальным режимом в форме таможенных и налоговых льгот;
- промышленно ориентированный подход – СЭЗ как зона, направленная на создание полюсов промышленного роста.

В статье нами будет сделан фокус на понимании СЭЗ в единстве традиционного и промышленно ориентированного подходов. Такой комплексный подход позволяет включить в категорию СЭЗ широкий спектр территорий с особым статусом.

В законодательстве иностранных государств выделяются различные типы СЭЗ (табл. 3).

Таблица 3 – СЭЗ: классификация в законодательстве зарубежных государств [составлено авторами на основе 1]

Классификация СЭЗ	Классификационный признак	Страна
Зона свободной торговли или торговая СЭЗ; зона обработки экспорта; зона предпринимательства; свободный порт; свободное предприятие; специализированные зоны и другие.	Единый классификационный признак отсутствует. Широкий охват многих типов зон.	Ботсвана

Классификация СЭЗ	Классификационный признак	Страна
Зоны свободной торговли (сфокусированы на торговле); свободные производственные площадки (сфокусированы на развитии предпринимательства в приоритетных отраслях); свободные научно-технические зоны (сфокусированы на развитии научного и производственного потенциала).	Классификация основана на конкретных целях СЭЗ разного типа	Узбекистан
Свободные зоны пограничного характера (создаются на границе с Гаити); специальные свободные зоны (создаются вблизи обрабатываемых природных ресурсов), промышленные свободные зоны (могут создаваться в любом месте).	Классификация основана на географических соображениях	Доминиканская Республика

		Юридический аспект		
		Отсутствие собственной нормативной базы (только законы о зонировании)	Собственная нормативно-правовая база, таможенный режим, стимулы	
Экономический аспект	Вопросы территориального планирования и экономической эффективности с точки зрения факторных преимуществ	Промышленные комплексы (распространены в большинстве городских агломераций)	Свободные таможенные зоны (зоны складских и логистических услуг вблизи аэропортов, морских портов, пограничных коридоров)	Промышленно ориентированный подход
	Промышленная политика, планирование активного развития и кластеризация	Научные парки (часто связанные с университетами) Другие зоны (например, зоны территориального развития)	Зоны интегрированного промышленного развития / свободные зоны (например, зоны обработки экспорта, зоны развития технологий, зоны сервисного обслуживания)	
			Традиционный подход	

Рисунок 1 – Матрица подходов к определению СЭЗ [составлено авторами]

Единство в подходах к классификации СЭЗ отсутствует, поскольку каждая страна исходит из своих политических и экономических соображений при организации такого рода зон. СЭЗ могут быть классифицированы в соответствии с их конкретными целями или отраслевой направленностью (например, высокотехнологичные парки, сервисные парки), их местоположением (например, портовые зоны, пограничные зоны) или типом применяемого режима регулирования (например, зоны свободной торговли, коммерческие свободные зоны).

Степень и вид специализации СЭЗ тесно связаны с уровнем индустриализации стран (табл. 4).

Таблица 4 – Шкала типов СЭЗ по уровню развития страны [составлено авторами на основе 1]

Типы экономик по уровню развития	Политические цели, связанные с зоной	Наиболее распространенные типы зон
Страны с высоким уровнем доходов	<ul style="list-style-type: none"> - Создание эффективной платформы для сложных международных цепочек поставок. - Сосредоточение внимания на недопущении перекосов в экономике. 	<ul style="list-style-type: none"> - Свободные экономические зоны, действующие только как логистические узлы (несвободные промышленные зоны). - Достижение целей, связанных с инновациями и новой промышленной революцией, с помощью научных парков без отдельной нормативной базы или с помощью не связанных с зонами стимулов.
Страны с доходом выше среднего	<ul style="list-style-type: none"> - Поддержка перехода к экономике услуг. - Привлечение новых высокотехнологичных отраслей. - Упор на модернизацию инновационного потенциала. 	<ul style="list-style-type: none"> - Технологические зоны (например, НИОКР, высокие технологии, биотехнологии). - Специализированные зоны, ориентированные на отрасли или сегменты производственных цепочек, создающие высокую добавленную стоимость - Зоны услуг (напр. финансовых услуг).
Страны со средним уровнем доходов	<ul style="list-style-type: none"> - Поддержка модернизации промышленности. - Содействие интеграции в глобальные цепочки стоимости и улучшению положения в них. - Упор на распространении технологий и их побочном положительном эффекте. 	<ul style="list-style-type: none"> - Специализированные зоны, ориентированные на отрасли с большим удельным весом в глобальных цепочках стоимости (например, автомобилестроение, электроника). - Зоны услуг (например, аутсорсинг бизнес-процессов, телефонные центры поддержки).

Типы экономик по уровню развития	Политические цели, связанные с зоной	Наиболее распространенные типы зон
Страны с низким уровнем доходов	<ul style="list-style-type: none"> - Стимулирование промышленного развития и диверсификации. - Преодоление недостатков инвестиционного климата. - Осуществление или экспериментальное осуществление экономических реформ на ограниченной территории. - Концентрация инвестиций в инфраструктуру на ограниченной территории. - Упор на прямую занятость и экспортные льготы. 	<ul style="list-style-type: none"> - Зоны с различными видами деятельности. - Зоны, опирающиеся на освоение ресурсов и направленные на привлечение компаний перерабатывающей промышленности.

Большинство СЭЗ организованы в рамках концепции свободных зон (зон свободной торговли, или торговых свободных зон), определяющей характеристикой которых является отдельное таможенное пространство.

Свободные зоны, как правило, расположены рядом с морскими портами, аэропортами или пограничными коридорами, в которых размещаются в основном фирмы, предоставляющие логистические и складские услуги. В большинстве развитых экономик модель СЭЗ остается близкой к этой первоначальной концепции. Часто такие зоны имеют примыкающие индустриальные парки для предприятий, которые пользуются логистическим и складским сервисом и возможностью быстрого доступа к международным рынкам, но такие примыкающие территории, как правило, не подпадают под особый режим преференциального регулирования.

В развивающихся странах, напротив, большинство СЭЗ предназначены для привлечения инвестиций в развитие различных видов обрабатывающих производств. В связи с этим таможенные, налоговые и регулятивные льготы предоставляются предприятиям, расположенным в крупных промышленно-интегрированных районах. Существует множество примеров зон внутри зон. При этом даже небольшие СЭЗ, которые предоставляют резидентам налоговые или регулятивные стимулы, могут вводить режим свободной таможенной зоны в пределах своих границ.

Появляются многие новые типы СЭЗ и инновационные программы развития зон. В некоторых из них основное внимание уделяется новым отраслям, таким как высокие технологии, финансовые услуги и туризм, выходящим за рамки производственной деятельности традиционных СЭЗ, характеризующейся существенной торговой составляющей и высокой трудоемкостью. Другие зоны нацелены на улучшение экологических показателей, коммерциализацию науки, региональное развитие или возрождение городов.

Несмотря на появление новых типов зон, связанных с природными ресурсами, ориентированных на внутренние рынки или задуманных в качестве инкубаторов для стартапов и малых и средних предприятий, большинство СЭЗ, по сути, остаются частью предлагаемого странами конкурентного пакета мер по поощрению инвестиций наряду с другими формами их стимулирования.

Особого внимания заслуживает классификация СЭЗ в зависимости от этапов их развития (табл. 5).

Таблица 5 – Этапы развития и типология СЭЗ [составлено авторами]

Тип зоны	Цель	Особенности	Разновидности	Примеры
Торговые СЭЗ – этап I (до 1950-х гг.)	Развитие торговли	- вблизи крупных транспортных узлов - небольшие капитальные вложения - быстрая окупаемость	- свободные порты - свободные таможенные зоны - таможенные склады, прочее	- зона свободной торговли Мадейра, Испания - свободная таможенная зона «Вайгаоцяо», Китай - свободный порт Панама, Америка - внешнеторговая зона Майами, США
Промышленно-производственные СЭЗ – этап II (начало 1950-х гг.)	Развитие промышленности	- крупные территории - развитая инфраструктура и промышленная база	- экспортно-производственные зоны - зоны совместных предприятий - зона свободного предпринимательства	- мексиканские промышленные зоны макиладорас - экспортно-производственная зона Шеннон, Ирландия
Сервисные СЭЗ – этап II (начало 1950-х гг.)	Расширение объема оказываемых предпринимательских услуг	- особые условия для финансовых, банковских, страховых, туристско-рекреационных услуг	- зоны свободных банковских услуг - туристско-рекреационные зоны - офшорные зоны - игорные зоны - зона медицинских услуг	- туристские зоны Индонезии, Панамы, Шри-Ланки - игорные зоны Монако, Лас-Вегас

Тип зоны	Цель	Особенности	Разновидности	Примеры
Технико-внедренческие СЭЗ – этап III (1980-е гг.)	Научно-технологическое развитие	- инфраструктура и условия для размещения научно-исследовательских компаний вблизи университетов и научных центров	- исследовательский парк - парк высокий технологий - технополис - научно-промышленный парк	- Технополис Метутек, Турция - Шанхайская СЭЗ, Китай - София-Антиполис, Франция
Комплексные СЭЗ – этап III (1980-е гг.)	Привлечение инвестиций, развитие экспорта, развитие технологий, модернизация экономики	- все виды экономической деятельности и форм поддержки	- зона комплексного развития - комплексный свободный порт	- Комплексная экономическая зона - Шэньчжень, КНР - СЭЗ Пуэрто-Рико, США - Экозоны Филиппин
Трансграничные СЭЗ – этап IV (1990-е гг.)	Развитие трансграничного экономического сотрудничества	- территория, включающая приграничные районы двух и более государств	- трансграничный треугольник - зоны приграничной торговли	- зона Детройт-Виндзор (США-Канада) - «треугольник роста» ZMM - Замбия, Малави и Мозамбик

Опираясь на существующие типологии, авторы предлагают при классификации СЭЗ на современном этапе исходить из двух организационных оснований: специализации и характера организации и управления.

В зависимости от специализации выделяются следующие типы СЭЗ:

- Логистические центры (зоны свободной торговли). Ориентированы на оказание коммерческих, складских и логистических услуг, услуг по упрощению процедур торговли для транзитных перевозок и реэкспорта; могут быть расположены рядом или внутри крупных промышленных зон.

- Многопрофильные СЭЗ. Ориентированы на общее промышленное развитие; имеют диверсифицированный характер без четкой производственной специализации.

- Специализированные СЭЗ. Ориентированы на сектора добычи / переработки (первичный, вторичный и третичный), либо на отдельные отрасли (автомобилестроение, электроника, одежда), либо на виды деятельности в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости, аутсорсинг бизнес-процессов, колл-центры, R&D центры).

- Инновационные СЭЗ. Ориентированы на модернизацию промышленности и новые отрасли, например, высокотехнологичные зоны, биотехнологические зоны, экозоны.

В зависимости от характера организации и управления различают СЭЗ следующих типов.

1. «Широкие» зоны. Это, как правило, крупные интегрированные кластеры в границах внутренних административных районов, включающие жилую застройку и необходимую инфраструктуру. Изначально создавались с целью экспериментального проведения экономических реформ, впоследствии доказали свою жизнеспособность и закрепились.

2. Зоны, инициируемые привлечением целевых иностранных инвестиций или инструментами официальной помощи развитию. Создаются в рамках партнерств между странами-экспортерами капитала и странами с низким уровнем дохода.

3. Трансграничные зоны / зоны регионального развития. Создаются для содействия региональному экономическому сотрудничеству и реализуют эффект масштаба, связанный с освоением крупных региональных рынков.

В Российской Федерации к числу СЭЗ могут быть отнесены следующие инструменты государственной поддержки: особые экономические зоны (в наибольшей степени соответствуют концепции СЭЗ в традиционном их понимании); территории опережающего социально-экономического развития; инновационные научно-технологические центры и свободные порты. По состоянию на апрель 2020 года в Российской Федерации существует 34 особых экономических зоны, 112 территорий опережающего социально-экономического развития, 3 инновационных научно-технологических центра и 5 свободных портов.

Институциональная структура СЭЗ является достаточно сложной. В создании и функционировании СЭЗ участвует множество действующих лиц, как государственных, так и частных, с различными обязанностями. Кроме того, институциональная структура в значительной степени зависит от конкретной политической, экономической, нормативной и административной систем страны. Несмотря на то, что в отношении общей структуры и основных участвующих сторон (правительства, органы СЭЗ, разработчики зон, операторы и резиденты) СЭЗ большинства стран идентичны, существуют различия, в частности в отношении правового статуса и обязанностей разработчиков зон. Естественно, в мире не существует единой институциональной модели для СЭЗ. Тем не менее, существующие режимы СЭЗ имеют некоторые общие черты в отношении основных заинтересованных сторон (табл. 6).

Таблица 6 – Основные заинтересованные стороны в СЭЗ [составлено авторами на основе [1]]

Основные заинтересованные стороны	Функции
Правительство	- Принимает стратегию развития СЭЗ и контролирует ее реализацию. - Учреждает конкретные СЭЗ посредством указов и постановлений.
Орган управления СЭЗ	- Осуществляет стратегическое планирование и оценку в СЭЗ.
Разработчик СЭЗ	- Обеспечивает строительство необходимой инфраструктуры. - Обеспечивает достижение договоренностей по земле.
Оператор СЭЗ	- Управляет зоной и администрирует ее работу. - Продвигает зону и отбирает резидентов зоны.
Резидент СЭЗ	- Инвестирует средства и ведет производственную и иную деятельность на территории СЭЗ.

Таким образом, мировая практика показывает, что СЭЗ способны обеспечить более высокие доходы, снизить затраты, способствовать включению экономики в международные хозяйственные отношения. На фоне создания все большего числа зон в рамках международных партнерств ускорить переход к зонам, ориентированным на устойчивое развитие, может глобальная платформа, объединяющая партнеров по финансированию, создателей СЭЗ, принимающие страны, органы по

поощрению ввоза и вывоза инвестиций, а также инвесторов, вкладывающих капитал в проекты социальной и экологической значимости. Конференция ООН по торговле и развитию должна играть ведущую роль в создании такой платформы. Главная цель должна заключаться в том, чтобы СЭЗ работали на достижение целей устойчивого развития: из привилегированных анклавов они должны превратиться в источник масштабного положительного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. World Investment Report 2019 [Электронный ресурс] // UNCTAD. – 2019. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
2. Сергиевская Н.В. Экономическая природа свободных экономических зон (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Сергиевская Наталья Викентьевна. – М., 2004. – 32 с.
3. Об особых экономических зонах на территории Российской Федерации: [федер. закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.
4. Дерюгина С.В. Правовые аспекты понятия «свободная экономическая зона» / С.В.Дерюгина // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 115–121.
5. Игнатов, В.Г. Свободные экономические зоны / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. – М.: Ось-89, 1997. – 192 с.
6. Кабиров Р.Ф. Теоретические основы создания и функционирования свободных экономических зон: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Кабиров Рафит Фаритович. – Уфа, 2007. – 19 с.
7. Нгуен Чи Хиеу. Инвестиционные процессы в свободных экономических зонах Вьетнама: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Нгуен Чи Хиеу. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.
8. Чернявская Ю.А. Место и роль особых экономических зон в современных условиях: монография / Ю.А. Чернявская, Л.Н. Рубцова. – Липецк: ЛЭГИ, 2007. – 100 с.
9. Моргачев В.А. Зарубежный опыт СЭЗ / В.А. Моргачев // Закон. – 1992. – № 11. – С. 44–46.
10. Ушаков В.В. Государственное регулирование создания и функционирования особых экономических зон в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05, 08.00.14 / Ушаков Владимир Витальевич. – М., 2007. – 19 с.
11. Кущенко В.В. Особые режимы внешнеэкономической деятельности: право и практика / В.В. Кущенко. – М.: Кн. мир, 2004. – 127 с.

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА В ЕАЭС

Минчичова Валерия Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: valerypavlova@rambler.ru

Аннотация: статья нацелена на изучение и характеристику существующей системы поддержки экспорта в странах ЕАЭС и объединении в целом. На основе статистического анализа выделены тенденции динамики экспорта стран ЕАЭС во взаимной торговле и торговле с третьими странами. Создана обобщающая таблица существующих мер, проведен сравнительный анализ степени эффективности осуществляющих эти меры институтов. Выделены перспективные направления экспорта для каждой страны ЕАЭС. Изложены сценарии и оценены перспективы лидерства России в области развития инструментов поддержки экспорта в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, Евразийский экономический союз, поддержка экспорта, экспортные кредитные агентства, евразийская интеграция, внешняя торговля, региональная интеграция, внешняя торговля России.

JEL: F14, F53

THE ROLE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DEVELOPMENT OF EXPORT SUPPORT INSTRUMENTS IN EURASIAN ECONOMIC UNION

Valerija Sergeevna Minčičová,
Candidate of economic sciences, Docent,
Associated Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to careful study and characteristics of the existing export support system in the EAEU countries and in the union in general. The export of EAEU countries dynamics tendencies are given based on statistical analysis. The general table of the existing measures of export support in each country of the Union is created. The author proposes the most likely and perspective external trade directions for each of the EAEU countries. The author also proposes the scenarios and appreciates the perspectives of Russia becoming a leader in the export support instruments development in the Union.

Keywords: EAEU, Eurasian economic union, export support, export credit agencies, Eurasian integration, regional integration, external trade, regional trade, Russian external trade.

Бесспорно, создание Евразийского экономического союза в существующем виде в 2015 году – ключевое событие в интеграционных процессах на пространстве СНГ после распада СССР. Важно оно не только потому, что ведущие экономики евразийского пространства заявили об объединении усилий в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, но и потому, что такое принципиально новое объединение на основе принципов глобализованной мировой торговли, без преувеличения, дает начало новой эре взаимодействия стран постсоветского пространства. Государства уже заявили о себе на мировой арене не как наследники СССР, а как самостоятельные рыночные экономики с другими интересами, с изменившимися направлениями торговли, инвестиций, миграции и экономического интереса в целом. И они объединяются в ЕАЭС для достижения новых целей, решения новых задач, обеспечения новых свобод (движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы).

Также очевидна направленность геополитических и геоэкономических интересов стран постсоветского пространства. То есть, например, Грузия, Молдавия, Украина обозначили вектор

развития – евроинтеграцию, а среднеазиатские республики и Азербайджан могут стать резервом роста ЕАЭС. Пока же все перечисленные государства являются третьими странами для ЕАЭС. Это важно для целей нашего исследования, т.к. экспорт стран ЕАЭС является составной частью объекта нашего исследования. Без анализа его динамики и тенденций развития нельзя говорить об инструментах его стимулирования.

Соответственно объект представленного исследования – система поддержки экспорта в странах ЕАЭС, предмет – российская система поддержки экспорта как пример и платформа для развития системы поддержки экспорта в ЕАЭС.

Научная новизна исследования состоит в составлении наглядной системы представления существующей системы мер поддержки экспорта в ЕАЭС, предложении путей и потенциала совершенствования наднациональных мер поддержки экспорта в ЕАЭС, определении перспектив лидерства России в области стимулирования экспорта в условиях деглобализации и глобальных экзогенных шоков в виде переключения на политику протекционизма и пандемии коронавируса COVID-19.

Главная гипотеза, выдвинутая автором: Россия является центральным звеном и ориентиром для других стран объединения для совершенствования системы государственной и наднациональной поддержки экспорта. Сопутствующая гипотеза: существующие меры поддержки экспорта в ЕАЭС не являются достаточными для эффективного роста экспорта в третьи страны, однако оказывают положительное влияние на рост взаимной торговли.

Тенденции развития экспорта стран ЕАЭС: взаимная торговля и торговля с третьими странами

Внешняя торговля пяти стран ЕАЭС – России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии – представлена в таблице 1 в разрезе внутрирегиональной и внешней торговли с третьими странами.

Таблица 1 – Динамика экспорта стран ЕАЭС в 2014-2019 гг. [составлено автором по данным статистической базы ЕЭК [1]]

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем взаимного экспорта стран ЕАЭС, млрд. долл. США	61,2	45,6	43,0	54,7	60,3	61,0
Объем экспорта с третьими странами, млрд. долл. США	555,6	373,8	308,3	386,9	490,7	459,3

Внешняя торговля стран ЕАЭС с третьими странами составляет достаточно значимый объём. В 2018 году объем экспорта составил 491 млрд. долл. США [1] – 2,4% всего мирового экспорта, в 2019-м – 459 млрд. долл. Причем торговый баланс ЕАЭС сходится с положительным сальдо, объем экспорта превышает импорта в 1,7-2 раза. А доходы от экспорта – это источник пополнения бюджета, в том числе в иностранной валюте.

В 2019 году объем экспорта в третьи страны, а вместе с ним и сальдо внешней торговли упал. На 6,4% упал объем совокупного экспорта всех стран ЕАЭС, но произошло это в основном за счёт

падения объемов экспорта России (на 6,4%), Казахстана (на 6,6%), Белоруссии (на 7,9%). Экспорт же Армении и Киргизии значительно вырос – на 9% и 12,4% соответственно [1]. Падение объемов экспорта и внешнеторгового сальдо крупнейших экономик ЕАЭС в очередной раз говорит об актуальности вопроса совершенствования политики помощи экспортным компаниям.

Взаимная торговля государств-членов ЕАЭС устойчиво растет с 2017 года, но в ней есть устойчивая тенденция: с положительным сальдо во взаимной торговле сводится только баланс России (+18,6 млрд. долл. – здесь и далее данные 2019 г.). Сальдо взаимной торговли со странами ЕАЭС Армении (-0,9 млрд. долл.), Белоруссии (- 7,6 млрд. долл.), Казахстана (-8,7 млрд. долл.) и Киргизии (- 1,4 млрд. долл.) отрицательное. Это свойство союза должно стимулировать членов объединения развивать экспорт в третьи страны, чтобы стремиться к положительному балансу внешней торговли. Кстати, этой цели уже достиг Казахстан, внешнеторговый баланс этой страны со всеми странами мира сводится с положительным сальдо (+19,4 млрд. долл.), как и у России (+178,4 млрд. долл.) [1].

Исследование сотрудников Ярославского государственного технического университета, Шкиотова С.В., Маркина М.И., Майоровой М.А., Степановой Е.О. корреляции темпов роста экономик ЕАЭС и их внешней торговли свидетельствует о наличии корреляции между темпами роста ВВП стран ЕАЭС и темпами роста взаимной торговли в рамках ЕАЭС кроме Киргизии [2]. При этом корреляция темпов роста внешней торговли стран ЕАЭС с третьими странами и темпами роста мировой экономики отсутствует вовсе. Таким образом, выдвинутые (и переложенные на реалии ЕАЭС как регионального объединения) лауреатом Нобелевской премии Полом Кругманом [3] положения о том, что темпы роста товарооборота внутри ЕАЭС уступают темпам развития государств – членов объединения, в то время как темпы роста внешней торговли стран объединения с третьими странами опережают темпы развития мировой экономики, нельзя полностью подтвердить данными о внешней торговле стран ЕАЭС.

Однако совершенно однозначно даже при простом сравнении данных, описанных автором данной статьи в таблице 1, что основное положение статьи Пола Кругмана о мотивах и причинах внутрирегиональной и международной торговли о том, что внутрирегиональная торговля и международная торговля различаются по мотивам, полностью подтвержден. Ещё одно статистическое доказательство: темпы роста внешней торговли ЕАЭС как во взаимной, так и во внешней торговле с третьими странами составили в 2017 – году восстановления после кризиса – около 25%, темпы же роста мировой торговли достигли 10%, в 2018 г. темпы роста взаимной торговли внутри ЕАЭС и международной торговли сравнялись, темпы роста внешней торговли ЕАЭС остались значительно выше, а в 2019 году тенденции поменяли свою направленность, о чем мы скажем ниже.

Так, несмотря на драматическое падение объемов внешней торговли и внутри объединения, и с третьими странами в 2016 г. из-за последствий мирового экономического кризиса, циклических негативных процессов в экономике, падение цен на энергоносители, события на Украине и в Крыму и как довершение введение санкций по отношению к России со стороны западных стран и ответных мер на эти санкции, взаимная торговля стран ЕАЭС достаточно успешно восстанавливает свои объемы. Такое восстановление обуславливается и кратковременным положительным эффектом от интеграции – ЕАЭС начал функционировать в 2015 г., и эффективностью адаптационных механизмов стран к внешним шокам.

В то же самое время объемы торговли с третьими странами показали спад в 2019 г, который безусловно продолжится в 2020 г. из-за слишком сильных экзогенных шоков. Поэтому мы говорим о значительной ориентации экспорта стран ЕАЭС на внутрирегиональную торговлю и незначительной доле экспорта ЕАЭС в мировой торговле. Она составляет в 2018 г. 2,4% всего мирового экспорта [1,4]. Увеличение этой доли возможно при комплексе мер: создании конкурентных товаров и услуг в ЕАЭС, поддержке экспорта государством, формировании значительной устойчивости ко внешним событиям, быстром восстановлении стран ЕАЭС и сохранении экспортного производства в процессе кризиса

2020 г. В каждой из этих мер потребуется значительное участие государства. В данном исследовании мы сфокусировались на поддержке экспорта.

В силу вышеозначенных тенденций так важно анализировать существующие меры поддержки экспорта в странах ЕАЭС и выработать новые подходы к стимулированию продажи товаров и услуг за рубеж.

Характеристика существующих мер поддержки экспорта в странах ЕАЭС

Две трети экспортируемых товаров ЕАЭС – продукция топливно-энергетического сектора, ещё 10% – металлы и изделия из них. Таким образом, на продукцию высоких переделов остается не более четверти объёма. А ведь именно наращивание объемов продукции вторичного и третичного секторов, а также услуг является маркером развитости капиталистической экономики, её конкурентоспособности. ЕАЭС придётся пройти серьёзный путь модернизации и переориентации на экспорт технологичной продукции, дабы занять значимое место на геополитической карте если не мира, то хотя бы Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Большой Европы.

Для стимулирования внешней торговли уже подписаны договоры о зонах свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом (2015), Сингапуром (2019), Сербией (2019). Временное соглашение уже есть с Ираном. В стадии переговоров договоры о ЗСТ с Китаем, Кубой, Египтом, Таиландом, Монголией, Индией, Израилем. Однако соглашения о ЗСТ – это альтернативный путь либерализации торговли в противовес зашедшим в тупик многосторонним отношениям в рамках ВТО. И наличие таких договоров о бестарифной торговле товарами и услугами приводит к эффекту «тарелки спагетти» в региональной экономике. Экспортеры и импортеры путаются в нормативной базе, не зная, в какую из организаций обратиться. В такой ситуации производителям должны помогать экспортные центры, как консультативно, так и финансово. И для этого в ЕАЭС созданы программы поддержки экспорта. Существующие меры поддержки экспорта в странах ЕАЭС систематизированы в таблице 2.

Таблица 2 – Существующие меры поддержки экспорта в странах ЕАЭС [составлено автором на основе публикаций ЕЭК, профильных министерств внешней торговли стран ЕАЭС, официальных сайтов экспортных страховых агентств стран ЕАЭС 1, 7-12]

Страна	Инструмент (механизм)	Реализующая организация	Содержание инструмента
Россия	Кредитование экспорта	ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», Российский экспортно-импортный банк (РОСЭКСИМБАНК)	предоставление кредитных ресурсов иностранным покупателям российских экспортеров товаров, в том числе высокотехнологичной продукции
	Страхование экспорта	Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР)	страховая поддержка экспорта товаров и услуг российского производства, российских инвестиций за рубежом, экспортоориентированных субъектов МСП

Страна	Инструмент (механизм)	Реализующая организация	Содержание инструмента
	Банковские гарантии экспортных поставок и кредитов	Внешэкономбанк, РОСЭКСИМБАНК	Предоставление гарантий для кредитования экспорта российских производителей
	Консультационная поддержка региональных экспортеров	Сеть региональных центров поддержки экспорта	Консультации по ведению ВЭД, экспертиза контрактов, участие в выставках, конференциях, торговых миссиях
	Субсидирование экспортеров	Минпромторг России	Субсидирование экспорта важных в национальном масштабе отраслей
	Информационная поддержка российских компаний за рубежом	Торговые представительства России	Выставочная деятельность, поддержка бренда
	Консультационная и информационная поддержка	Сколково, РВК, Фонд патентования МГУ, РСПП, ТПП России	Экспертизы и услуги по изучению рынков
	Поддержка экспорта по принципу «единого окна»	АО «Российский экспортный центр»	Финансовые и нефинансовые меры поддержки
	Отраслевая поддержка экспорта	РЭЦ	специализированные отраслевые планы поддержки: Машиностроение (в том числе автопром), АПК, ИТ, микроэлектроника, ТИП, ТЭК и химическая промышленность, строительство и деревообра-батывающая промышленность
Беларусь	Дорожная карта Программы поддержки и развития экспорта в АПК	Министерство иностранных дел РБ, Совет министров РБ	Сертификация организаций и получение разрешительных документов на экспорт белорусской сельскохозяйственной продукции в ЕС (птица, молочная продукция), в Юго-Восточную Азию

Страна	Инструмент (механизм)	Реализующая организация	Содержание инструмента
	Экспортное кредитное страхование	Белорусское республиканское унитарное предприятие экспортно-импортного страхования «Белэксимгарант»	Страхование экспортных рисков (т.е. экспортных кредитов, выданных коммерческими банками и неисполнения экспортных контрактов) с поддержкой государства
	Перестрахование рисков партнеров	БРУПЭИС «Белэксимгарант»	перестрахование рисков, застрахованных в компаниях-партнерах
	Поддержка участия в международных выставках	Белорусская торгово-промышленная палата, советы делового сотрудничества, выставочное унитарное предприятие «БЕЛИНТЕРЭКСПО»	Возможность компенсации за счет средств республиканского бюджета до 50% расходов экспортеров по участию в международных специализированных выставках в иностранных государствах
	Компенсация расходов на сертификацию за рубежом	Белорусская торгово-промышленная палата, советы делового сотрудничества	Компенсация возможна из республиканского бюджета за оценку соответствия продукции иностранным стандартам, сертификацию
	Финансирование закупок с/х техники за рубежом	Банк развития – специализированный финансовый институт ОАО «Промагролизинг»	ОАО «Промагролизинг» предоставляет экспортный финансовый лизинг с/х техники от нерезидентов РБ для резидентов РБ на льготных условиях
	Консультирование и сопровождение внешнеторговых сделок	Информационное республиканское унитарное предприятие «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен»	Услуги по сопровождению и развитию внешнеэкономической деятельности РБ (маркетинговые исследования, выставки, конференции, образование, портал экономической информации export.by)

Страна	Инструмент (механизм)	Реализующая организация	Содержание инструмента
	Сервисное обслуживание белорусских товаров за рубежом	Товаропроводящая сеть (ТПС), координируется МИД РБ	совокупность иностранных юридических лиц и расположенных за рубежом обособленных подразделений белорусских производителей, осуществляющих реализацию и (или) сервисное обслуживание белорусских товаров
Казахстан	Создание единого окна «QazTrade» для экспортеров	Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан	Поддержка региональных и приграничных экспортеров путем оценки экспортного потенциала, анализа потенциального рынка, анализа торговых барьеров
	Информационный портал для экспортеров «QazTrade»	Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан	информационные материалы о товарах экспортного интереса Казахстана, наиболее привлекательные рынки сбыта, статистика, реклама и прочая информация относительно экспортной деятельности
	Страхование экспорта	АО «Экспортная страховая компания «KazakhExport»	страхование кредита экспортера, экспортное торговое финансирование и пред-экспортное финансирование
	Предоставление займов под экспорт	АО «Банк Развития Казахстана»	финансирование экспортных операций: предоставление займов как резиденту — поставщику казахстанской продукции, так и нерезиденту — покупателю казахстанской продукции
	Программа «Агроэкспорт»	АО «Аграрная кредитная корпорация»	кредитование проектов, имеющих экспортный потенциал, в том числе через банки второго уровня, кредитные товарищества и лизинговые компании

Страна	Инструмент (механизм)	Реализующая организация	Содержание инструмента
	Возмещение затрат на выставки, фестивали, рекламные каталоги	Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен», Внешнеторговая палата Казахстана	возмещение затрат субъектам индустриально-инновационной деятельности, выпускающим отечественные обработанные товары; помощь в организации участия в имиджевых мероприятиях за рубежом, обучение экспортеров
Армения	Страхование экспорта	СЗАО «Экспортное страховое агентство Армении»	страховка экспортирующих компаний-резидентов Республики Армения от понесенных финансовых убытков в случае неуплаты за поставленный товар иностранным покупателем или банком, который по договору имеет обязательство заплатить
	Помощь в участии в выставках за рубежом	Фонд «Business Armenia» (ребрендинг Фонда развития Армении)	Консультации и помощь в организации выставок, стендов и других бизнес-мероприятий для армянских производителей товаров и услуг; консультации по бухгалтерскому учету, налогообложению, юридическим вопросам.
Киргизия	Сервисная поддержка производителям и экспортерам Кыргызской Республики	Агентство по продвижению и защите инвестиций Кыргызской Республики	торговое информирование, развитие экспорта, продвижение экспорта (информирование и консультирование, содействие участию в выставках, форумах)
	Реализация принципа единого окна в экспорте	Государственное предприятие «Центр «единого окна» в сфере внешней торговли»	организация, развитие, предоставление услуг и обеспечение надлежащего функционирования системы «единого окна» при осуществлении предтаможенных процедур

Развитие системы поддержки экспорта в разных странах ЕАЭС идет неравномерно. В Белоруссии, Казахстане и России этому вопросу уделяется много внимания. В Армении и Киргизии инструментов поддержки экспорта ограниченное количество. Так, в Киргизии, к примеру, нет экспортного кредитного агентства.

Поддержка экспорта в странах ЕАЭС осуществляется согласно национальным стратегиям и программам.

В Армении она создана в 2011 году без срока и конкретных ориентиров-показателей. В Белоруссии нацпрограмма рассчитана на 2016-2020 годы и будет обновлена в 2020, в Казахстане экспортная стратегия утверждена на период 2018-2022 гг с конкретными целями роста несырьевого экспорта, в Киргизии – единая программа развития республики на 2018-2022 гг. В России существует специальный нацпроект «Международная кооперация и экспорт», рассчитанный на период 2018-2024 гг., включающий 5 федеральных проектов с целевыми показателями, а также стратегия развития РЭЦ также с конкретными целевыми показателями.

Поддержка экспорта на национальном уровне осуществляется достаточно широко, хоть и неравномерно. Большинство инициатив ожидаемо предлагаются Российским экспортным центром, БЕЛЭКСИМГАРАНТОМ, KazakhExport, торгово-промышленными палатами этих трёх стран. В Киргизии, к примеру, не оформлен механизм экспортного страхования и кредитования экспорта. В Армении существует экспортное страховое агентство, но его деятельность не является массовой.

В целом структура поддержки экспорта в странах ЕАЭС за исключением Киргизии схожая. В центре её экспортное кредитное агентство, фонд или организация поддержки ярмарочно-выставочной деятельности, центры информационно-аналитической поддержки. Отраслевые меры поддержки и компенсация некоторых затрат как правило находится в ведении муниципальных или общенациональных органов. Экспортные кредитные агентства действуют в качестве самостоятельных юридических лиц, однако функционал у них разнится от страны к стране. Это подтверждает в своей работе заместитель директора Фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» Александр Беляшов, отмечая что в государствах ЕАЭС финансовая (страховая, кредитная) поддержка и нефинансовые инструменты отнесены к деятельности различных институтов. И их система не унифицирована [13].

Общей стратегии поддержки экспорта в ЕАЭС нет, обсуждение наднациональных мер пока идёт на консультационном уровне, на форумах и конференциях. Однако во всех встречах такого рода опыт России и прежде всего Российского экспортного центра упоминается как эталонный для других стран.

Перспективы развития наднациональных мер поддержки экспорта в ЕАЭС

В ЕАЭС существуют точечные наднациональные инициативы, которые реализуются для достижения роста экспортного потенциала всего интеграционного объединения. Работа по развитию мер поддержки экспорта делится на три глобальных направления: финансовые меры поддержки, нефинансовые инструменты, обеспечение экспортеров качественной аналитической информацией.

Среди них есть следующие программы, инициативы, процессы:

- Унификация таможенного регулирования, введение электронного документооборота в единых границах ЕАЭС;

- В 2018 г. введена отсрочка по определению таможенной стоимости товаров, в отношении которых подлежат уплате лицензионные и иные подобные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности;

- Евразийский межправительственный совет в своем решении от 29 мая 2015 года N 2 «О мерах, направленных на развитие экспорта» перечисляет ряд намерений стран-членов ЕАЭС, среди которых планируется координация деятельности национальных экспортно-кредитных агентств,

развитие всевозможного сотрудничества в области финансовой поддержки экспорта, создание консультативного органа (совета) банков развития государств-членов ЕАЭС и другие, часть из них реализована и представлена ниже [6];

- Ежегодно проводится форум «Евразийская неделя» поочередно в странах-членах ЕАЭС, где в рамках выставочно-ярмарочной деятельности экспортеры членов ЕАЭС демонстрируют свои возможности, товары участникам, прежде всего из стран СНГ;

- Создана Рабочая группа по вопросам финансовой поддержки экспорта, в которую входят представители экспортно-кредитных агентств стран ЕАЭС;

- ЕЭК определила перечень конкурентоспособной сельхозтехники, обладающей экспортным потенциалом на рынках третьих стран (в т.ч. бороны дисковые, комбайны, пресс-подборщики и др.), эффективные меры поддержки сельского хозяйства, легкой промышленности

В статье 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года прописана основа проведения совместной политики поддержки экспорта государств ЕАЭС. В ней с одной стороны говорится о том, что промышленная политика стран-членов ЕАЭС осуществляется отдельно друг от друга, а с другой – что члены ЕАЭС могут «разрабатывать и реализовывать совместные программы развития приоритетных видов экономической деятельности для промышленного сотрудничества». [5]

Законодательно государства ЕАЭС не обязаны осуществлять совместную политику поддержки экспорта. Более того, даже при условии существования нескольких совместных инициатив поддержки экспорта и развития промышленного сотрудничества только в нацпрограмме Белоруссии предусмотрена разработка согласованных между государствами-членами ЕАЭС мер по развитию экспорта и услуг на рынки третьих стран (и позиционирования Белоруссии как экспортного хаба ЕАЭС). Факт необязательности ведения совместной скоординированной политики поддержки экспорта всех стран ЕАЭС значительно затрудняет рассматриваемый в исследовании процесс.

Одновременно с этим в статье 41 того же Договора о Евразийском экономическом союзе перечислены совместные меры поддержки экспорта: финансовые и нефинансовые. Информационно-аналитические функции уже взяла на себя Евразийская экономическая комиссия.

Потенциал развития наднациональных инструментов поддержки экспорта ЕАЭС состоит в ряде мероприятий. Например, создании юридических лиц не национальной, а наднациональной правосубъектности, например, «акционерное общество X отрасли Евразийского союза». А. Беляшов предлагает для них термин *societas eurasicaea* по аналогии с *societas europaea*. [13] Также в ЕАЭС можно создавать специальные экономические зоны как на территории ЕАЭС, так и за её пределами, но под эгидой всего союза. Наконец, тиражирование и распространение опыта эффективных практик поддержки экспорта национальными правительствами также может стать позитивным направлением развития поддержки экспорта в ЕАЭС в целом. На основе проведенного анализа мы говорим о практике России.

Для эффективного структурирования совместных усилий по поддержке экспорта государств ЕАЭС следует понимать экспортный потенциал стран. Автор проанализировала стратегии и программы развития экспорта, о которых говорилось ранее, и выделила векторы товарной и географической ориентации членов ЕАЭС.

Главными направлениями развития экспорта Армении являются: металлургия, ювелирная промышленность, производство продуктов питания, в географическом разрезе это страны ЕАЭС, ЕС, КНР, Туркмения, Ливан. Белоруссия в своей политике поддержки экспорта главным образом фокусируется на экспорте машиностроительной – в Азию и другие страны мира и сельскохозяйственной продукции – в ЕС и Юго-Восточную Азию. Политика Казахстана направлена на диверсификацию экспорта несырьевыми товарами, расширение экспортной корзины, ориентацию на страны ЕАЭС, СНГ, Китай, Иран, страны Средней Азии, Персидского залива и Европы. Фокус экспортной ориентации

Киргизии сосредоточен на продаже товаров в страны-члены ЕАЭС, Китай, Индию, страны Ближнего Востока, причем продажи прежде всего сельскохозяйственной продукции, в том числе экологически чистой и органической (главным образом молочная продукция, переработка овощей и фруктов). Для России важнейшими направлениями развития экспорта являются: диверсификация товарной номенклатуры в сторону промышленного экспорта и экспорта услуг, географический фокус по-прежнему – весь мир со смещением акцента на азиатских партнеров, включая соседей по ЕАЭС.

Таким образом, фокусирование на взаимной торговле присуще всем государствам объединения ЕАЭС, достаточно чётко прослеживается интерес к Китаю и Юго-Восточной Азии в качестве экспортных партнеров. Плюс к тому объединенная корзина перспективных экспортных товаров при упрощенной логистике внутри ЕАЭС может сильнее заинтересовать партнеров.

При этом не стоит упускать из виду, что корзина товаров этих – прежде всего сырьё, продукция сельского хозяйства, энергоносители. Вновь становится очевидной необходимость модернизации производства, диверсификации экспорта высокотехнологичными товарами. И в настоящих условиях, осложненных текущим кризисом мировой экономической и финансовой системы, пандемией коронавируса, скорая модернизация не представляется автору возможной. Играет определяющую роль фактор неопределенности, причем в глобальном масштабе.

Сценарии и перспективы российского лидерства в развитии инструментов поддержки экспорта в ЕАЭС

В условиях только начавшего своё развитие глубокого кризиса мировой экономики в 2020 г., очевидно усилившихся до его возникновения протекционистских тенденций во внешней торговле стран мира, прежде всего Китая и США, институциональная структура поддержки экспорта играет всё более важную роль. Международная торговля, очевидно, не остановится и после пика кризиса, однако для того, чтобы предприятия экспортной направленности остались на плаву, им нужна будет серьёзная помощь.

Разнообразие инструментов поддержки экспорта Белоруссии, зафиксированных в нацпрограмме этого государства, широкий спектр финансовых инструментов защиты экспортера «Белэксимгарантом» позволяет практике Белоруссии также претендовать на лидерство в тиражировании практики поддержки экспорта. Однако российская система, именно система, сформировавшаяся вокруг Российского экспортного центра, представляется автору более логичной.

Доказательством легитимной лидерской позиции России в качестве эталона, специалиста в поддержке экспорта является создание и функционирование двусторонних организаций в этой области. Например, Российско-Кыргызского фонда развития (12,5% экспорта Киргизии составляет экспорт получателей финансирования фонда [14]).

Российский экспортный центр, состоящий из ЭКСАР и Росэксимбанка, налаженно взаимодействует с другими институтами внешнеэкономической деятельности России. Он имеет собственную стратегию развития, а также целевые показатели нацпроекта «Международная кооперация и экспорт», на которые нужно ориентироваться. В этом нацпроекте зафиксирована, например, цифра роста объема торговли между странами ЕАЭС в 1,5 раза. Очевидно, что перед РЭЦ поставлена цель стимулировать взаимную торговлю стран ЕАЭС доступными методами.

Также РЭЦ поддерживает любых несырьевых экспортеров, что напрямую коррелирует с целями диверсификации товарной номенклатуры экспорта стран ЕАЭС.

Автору представляется, что в ближайшее десятилетие вероятен сценарий распространения некоторых функций РЭЦ на всю территорию ЕАЭС, например, предоставление кредитов на экспорт и страховых услуг экспортёрам Белоруссии и Казахстана. Позднее при благоприятном развитии событий в сфере интеграции ЕАЭС экспортные кредитные агентства всех стран-членов союза могут объединиться под эгидой РЭЦ, составив сеть и уже систему институтов поддержки экспорта

объединения. За такой сценарий развития говорит и опыт территориального масштабирования РЭЦ – в регионах России уже есть 6 территориальных управлений, центры поддержки экспорта существуют в 80 регионах России.

Однако для развития такого сценария есть и ряд препятствий. Несмотря на высокие показатели интегрированности ЕАЭС, сами направления интеграции ограничены. Союз изначально был объявлен экономическим. Фактически же интеграция не продвинулась дальше третьей стадии международной экономической интеграции линейно-стадиальной теории Белы Балассы – таможенного союза. Во многом интенсивность сотрудничества в рамках ЕАЭС определяется личностью руководителей государств-членов. После ухода с поста президента Казахстана Нур-Султана Назарбаева интерес этого государства к активному стимулированию развития союза может ослабнуть.

Более того, Армения и Киргизия будут иметь значительно большие негативные последствия кризиса 2020 из-за относительной слабости экономики. Интеграционные процессы в ЕАЭС в таком случае замедлятся.

РЭЦ имеет недолгую историю – с 2015 года, в то время как, например, в США экспортно-импортный банк функционирует с 1934 г., Африканский экспортно-импортный банк – с 1993 г., Арабская корпорация по гарантированию инвестиций и экспортных кредитов – с 1974 г. и т.д.

В заключение сделаем вывод относительно гипотез автора.

Главная гипотеза касалась места России в дальнейшем развитии инструментов экспорта стран ЕАЭС. Автор считает, что Россия действительно является центральным звеном и ориентиром для других стран объединения для совершенствования системы государственной и наднациональной поддержки экспорта. В ЕЭК неоднократно озвучено намерение кооперироваться для создания более совершенной структуры институтов поддержки экспорта и спектра применяемых инструментов поддержки экспорта ЕАЭС. Дальше консультаций работа в этом направлении пока не идет. Быстрый процесс создания наднациональных институтов поддержки экспорта не представляется автору возможным. Более вероятен сценарий превращения РЭЦ в общесоюзный институт поддержки экспорта, расширение его полномочий с или без присвоения статуса наднациональной организации.

Доказана и сопутствующая гипотеза о том, что существующие меры поддержки экспорта в ЕАЭС не являются достаточными для эффективного роста экспорта в третьи страны, однако оказывают положительное влияние на рост взаимной торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронная статистическая база Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. – режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx (Дата обращения: 18.02.2020)
2. Шкиотов С.В., Маркин М.И., Майорова М.А., Степанова Е.О. Исследование влияния межрегиональной интеграции на темпы роста экономик стран ЕАЭС // Теоретическая экономика. – 2019. – №9 (57). – С. 68-77.
3. Krugman P. Interregional and international trade: different causes, different trends? // Spatial Impact of Transportation Infrastructure: A Spatial Econometric CGE Approach. P.27-34, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/283483106_Interregional_and_International_Trade_Different_Causes_Different_Trends (Дата обращения: 22.03.2020)
4. Электронная статистическая база Всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. – Всемирная торговая организация, 2020. – режим доступа: <https://timeseries.wto.org/> (Дата обращения: 13.02.2020)
5. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_163855/ (Дата обращения: 24.02.2020)

6. Решение Евразийского межправительственного совета № 2 от 29 мая 2015 г. «О мерах, направленных на развитие экспорта» [Электронный ресурс] – Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420278270> (Дата обращения: 21.03.2020)

7. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (Дата обращения: 21.03.2020)

8. Официальный сайт СЗАО «Экспортное страховое агентство Армении» [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.eia.am/ru/home.html> (Дата обращения: 22.02.2020)

9. Официальный сайт Белорусского республиканского унитарного предприятия экспортно-импортногострахования «БЕЛЭКСИМГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://beg.by/> (Дата обращения: 22.02.2020)

10. Официальный сайт АО «Экспортная страховая компания «KazakhExport» [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://keg.kz> (Дата обращения: 22.02.2020)

11. Официальный сайт Агентства по продвижению и защите инвестиций Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://export.gov.kg/ru> (Дата обращения: 22.02.2020)

12. Официальный сайт АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.exportcenter.ru/> (Дата обращения: 22.02.2020)

13. Беляшов А. Развитие наднациональных инструментов поддержки экспорта в Евразийском экономическом союзе. [Электронный ресурс] – Евразийские исследования, 2020. – режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/14317> (Дата обращения: 15.03.2020)

14. Красавина Л.Н., Хомякова Л.И. Анализ роли институтов финансовой поддержки экспорта в реализации экспортно-ориентированной стратегии развития ЕАЭС в контексте мирового опыта. // Вопросы региональной экономики. – 2019. – № 4 (41). – С. 156-163.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА: ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Берберов Азамат Бурханович

аспирант,
ФГАОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: berberro@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу текущих подходов к определению понятия «технологическая безработица». В качестве основного объекта критики по отношению к существующим определениям автор выделяет узость взгляда, исключающую комплексное восприятие всех аспектов данной экономической категории. Отдельное внимание в статье уделяется научному осмыслению проблемы технологической безработицы сквозь призму конфликтов экономических интересов между субъектами экономической деятельности. В этом контексте предпринята попытка по формированию новой, авторской дефиниции для экономической категории «технологическая безработица», которая отражала бы как весь накопленный опыт её толкования, так и учитывала необходимость в решении конфликтов экономических интересов между субъектами экономической деятельности с целью преодоления проблемы технологической безработицы.

Ключевые слова: технологическая безработица, структурная безработица, экономические интересы, государственная стратегия, социально-экономические отношения.

JEL: J64, J68

TECHNOLOGICAL UNEMPLOYMENT: THE PROBLEM OF CONFLICT OF ECONOMIC INTERESTS

Berberov Azamat Burkhanovich
graduate student of the Department of Economic Theory,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of current approaches to the definition of «technological unemployment». As the main object of criticism in relation to the existing definitions, the author singles out narrowness, which excludes complex perception of all aspects of this economic category. Special attention in the article is paid to scientific understanding of the problem of technological unemployment through the prism of conflicts of economic interests between subjects of economic activity. In this context, an attempt is made to form a new author's definition for the economic category «technological unemployment», which would reflect both all the accumulated experience of its interpretation, and take into account the need to resolve conflicts of economic interests between the subjects of economic activity in order to overcome the problem of technological unemployment.

Keywords: technological unemployment; structural unemployment; economic interests; government strategy; socio-economic relations.

Понятие «технологическая безработица» является противоречивой и от этого чрезвычайно интересной категорией экономической науки. С одной стороны, проблемы, связанные с технологическим вытеснением рабочей силы, могут исчисляться веками. С другой стороны, парадоксальным образом еще не сложилось единого определения данного терминологического образования. С одной стороны, человечество наслышано о трагической судьбе «луддитов», однако, с другой стороны, до конца невыясненными остаются ее онтологическая сущность, предметное пространство, прогностические ориентиры. В этой связи, на наш взгляд, научно-привлекательным является анализ текущих подходов к определению технологической безработицы с целью выявления

ее существенных противоречий.

Подходы к определению технологической безработицы: от частного к общему.

Следует подчеркнуть, что первое определение данному понятию можно встретить в трудах английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. В нем отмечается, что такого рода безработица может возникнуть в силу более «стремительного открытия способов экономии в использовании труда, нежели нахождения нового применения для человеческого труда» [1, с. 63]. Исходя из данного определения, некоторыми экономистами ставится знак вопроса о правомерности данного понятия с учетом того, что данный вид безработицы может иметь теснейшую, практически идентичную связь с другим видом безработицы, а именно со структурной безработицей. Характерна в этом плане позиция российского экономиста Е.Ф. Борисова, который считает, что «структурная безработица – безработица, вызываемая изменениями в структуре спроса и технологии производства», которые «ведут к необходимости новых профессий, а работники, не обладающие этими профессиями, высвобождаются и вынуждены переучиваться» [2, с. 222]. Сходного мнения придерживается и другой ученый, Ю.В. Яковец, полагающий, что определяющей чертой для обоих видов безработицы являются «структурные сдвиги в экономике», обусловленные «как правило, результатом технологических и технических переворотов» [3, с. 46].

Тем не менее, мы склонны подвергнуть сомнению аутентичность данных интерпретаций с учетом того, что термин «структурная безработица» может иметь и более широкое толкование. Обратимся к определению российского экономиста Георгия Перова, утверждающего, что структурная безработица является результатом диспропорции (дисбаланса) спроса и предложения рабочей силы с точки зрения её «профессионально-квалификационных качеств, дискриминации по признакам пола, этнической принадлежности, сексуальной ориентации, возраста или инвалидности» или в силу «изменения территориального разделения труда» [4, с. 24]. Бросается в глаза отсутствие в этом определении прямых отсылок на технологическую первопричину структурной безработицы. На эту особенность, кстати, указывает и Р.Г. Мумладзе. Рассматривая особенности отечественной экономики, он отмечает, что костяк структурной безработицы в России составляют работники не с устаревшими профессиями, а с «устаревшими» методами работы и способом мышления [5, с. 91].

Тем не менее, трудно отрицать, что оба вида безработицы имеют теснейшую взаимосвязь между собой, особенно, если отталкиваться от того, что технологическое вытеснение рабочей силы первоначально зарождается на микроуровне, когда предприятие модернизируется и переоснащается [6, с. 181]. В этих условиях с целью сохранения своих позиций предприятия-конкуренты также могут приступить к техническому перевооружению, тем самым создавая основу для технологической безработицы, но в более широком масштабе, и увеличивая структурную безработицу на макроуровне за счет высвобождения рабочей силы и роста спроса на новые профессии.

Возникает следующий вопрос: каковы особенности проявления технологической безработицы во временном и географическом разрезах? На этот счет также отсутствует единогласие. Российским ученым-экономистом М.Д. Прокудиной технологическая безработица, определяемая как «безработица, связанная с технологическими особенностями производства в некоторых видах деятельности», включается в ряд краткосрочных видов, наряду с сезонной и фрикционной безработицей [7, с. 51]. Такая точка зрения поддерживается и Р.И. Капелюшниковым, признающим существование технологической безработицы, но только как краткосрочного явления [8]. На наш взгляд, такой подход отражает лишь одну «сторону медали». Действительно, в ситуации, когда рост производительности труда работников сопровождается соответствующим или более значительным расширением рынка, то проблема технологической безработицы может быть сведена до уровня незначительной. В частности, данный макроэкономический эффект, по мнению ученых-экономистов, наблюдался при становлении экономик «азиатских тигров» [9, с. 335].

Однако, как отмечает немецкий экономист Карл Каутский, производство не всегда может расширяться настолько быстро, насколько это необходимо для противодействия технологической безработице в силу различных факторов. К примеру, следует учесть то, что расширение производства прямо зависит от рыночного спроса на продукцию, который может расти очень медленно в силу слабого роста заработных плат рабочих и соответственно их потребительской способности [10, с. 76]. Аналогичного взгляда придерживается и современный корейский экономист Чхан Ка Джун. Подвергая критике теорию о том, что технологически высвобожденные работники смогут найти себе место работы в новых «восходящих» отраслях, он отмечает, что плавных переходов не бывает никогда в ситуации полного доверия рынку [11, с. 240].

Более гибкого подхода придерживается русский экономист И.И. Иванюков, который выделил следующую закономерность: когда машины входят в производство постепенно, то уменьшаются размеры и острый характер их воздействия для рабочих, но само действие становится продолжительным и хроническим. В случае, если переход к новым трудовым условиям совершается быстро, тогда действие машин может носить острейший характер. В качестве примера такой чрезвычайной ситуации автор приводит Индию, для которой экспансия британских ткацких станков привела к катастрофическим последствиям («равнины белели костями ткачей хлопчатой бумаги») [12, с. 276].

Мнение русского ученого поднимает отдельный вопрос о возможности прогнозирования технологической безработицы для отдельных стран. В частности, анализируя исследуемый объект, российский экономист Н.С. Блинова отмечает, что технологическая безработица характерна для развитых стран, когда в силу высоких темпов научно-технического прогресса на рынок труда выталкивается значительное число работников [13, с. 60]. Действительно, такая позиция может иметь место и во многом является классическим взглядом на исследуемую проблему. Примером тому служат факты из экономической истории британских луддитов, США эпохи мирового экономического кризиса периода 1929-1933 гг. [14, с. 29] и 60-х гг. XX века [15, с. 8-9], а также Австралии [16, с. 84] и других стран ОЭСР 70-х гг. [17, с. 311].

Однако такой подход отражает лишь половину картины, поскольку риск технологической безработицы, на наш взгляд, может коснуться и развивающихся стран в силу притока иностранных трудосберегающих технологий. Принимая во внимание эти факты, в середине XX века индийский экономист Джаг Парвеш Чандра отмечает, что «всякая попытка перенести технологию сильно развитой страны в страну отсталую, не учитывая при этом специфических потребностей и условий данной страны, может принести больше вреда, чем пользы» [18, с. 34]. История может быть экстраполирована и на сегодняшний мир, ведь результаты исследований, проведенных международными организациями, показывают, что именно развивающиеся страны находятся в наиболее существенной зоне риска [19, с.19]. На наш взгляд, это обусловлено двумя основными причинами:

- исчезло понятие о границах: если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии мгновенно охватывают пространство всей планеты [20, с. 14-15];

- в отличие от развитых стран, для развивающихся государств характерны меньшие бюджетные возможности для осуществления мероприятий по адаптации общества к новым сферам приложения для человеческого труда.

Меры борьбы с технологической безработицей: конфликты экономических интересов.

Анализ соответствующей экономической литературы показывает разброс мнений и оценок технологической безработицы в условиях капитализма. К примеру, известный экономист Джон Бейтс Кларк, утверждал, что «для роста благосостояния работников требуется технический прогресс, а прогресс невозможен без временного перемещения рабочей силы» [21, с. 45]. Безусловно, такой

безальтернативный взгляд может иметь вполне обоснованное место. Однако, продолжая линию швейцарского экономиста Жана Шарля де Сисмонди, следует обращать внимание не только на конечный результат научно-технической революции, но и на то, что ему предшествовало [22, с. 215]. Раскрыть приоритетные ценности такого периода позволяет текст резюме представителей Высшего совета по труду при Министерстве торговли Франции (1903). В нем отмечается, что переход от «старых орудий к новым [орудиям]» причиняет страдания рабочим, лишая их возможности в заработке на «несколько недель, а иногда на долгие месяцы» [23, с. 153], а также то, что «истинные интересы общества требуют не оставлять господствовать безработицу и нищету» [23, с.153].

В этой связи целесообразно вспомнить и позицию венгерского экономиста Яноша Корнаи, утверждающего, что причиной возникновения технологической безработицы является отсутствие баланса между постоянным созданием и одновременным уничтожением рабочих мест в силу «инновационного процесса и динамизма капиталистической экономики, шумпетеровского созидательного разрушения» [24, с. 171]. Однако далее автор, на наш взгляд, справедливо отмечает, что, потеряв работу в одном месте, человек необязательно найдет новое, только что созданное рабочее место, а может и не подойти для него [24, с. 171]. Следует признать, что историей накоплен богатый опыт предотвращения рисков, связанных с безработицей. Среди основных инструментов можно выделить:

- организацию и проведение общественных работ;
- предоставление помощи (в том числе в натуральной форме);
- предоставление безусловного дохода, безусловных услуг или активов;
- страхование работников от технологического вытеснения;
- ввод налога на роботов;
- запрет или осознанное торможение технологических нововведений;
- заключение международных соглашений;
- совершенствование доступа населения к образованию;
- развитие профсоюзного движения.

Несмотря на широкую палитру инструментов, выработка алгоритма борьбы с технологической безработицей характеризуется преодолением большого количества противоречий между интересами субъектов экономической деятельности. Нами среди основных фигурантов выделяются государство, рабочий класс, собственник капитала и профсоюз. В качестве внешне автономных, но по сути неотделимых составных элементов, логично назвать еще два экономических субъекта – транснациональный капитал, который входит в элемент «собственник капитала» и иных потребителей, представляющих, тем не менее, часть рабочего класса. В результате можно получить модель экономических противоречий при формировании стратегии, направленной на преодоление негативных последствий технологической безработицы. Ниже представлено схематическое изображение модели (рисунок 1).

Рассмотрим каждый из конфликтов экономических интересов. В первую очередь, обращает на себя внимание противоречие между интересами рабочего класса и собственниками капитала (2), как национальным, так и транснациональным капиталом. Связано это с тем, что собственник капитала заинтересован в снижении издержек на труд и отчуждении человека от трудовой деятельности в пользу новой технологии, если это ведет к максимизации прибыли. В свою очередь такая позиция противоречит интересам рабочего класса в сохранении рабочего места. Теоретически противоречие может быть снято путем переобучения вытесненного работника, однако следом сразу возникает проблема источника финансовых средств для новой профориентации, что особенно актуально для развивающихся стран.

В роли основного медиатора, сглаживающего как данный конфликт, так и сопутствующие, на наш взгляд, должно выступать государство. Однако его деятельность может войти в противоречие с

остальными участниками модели. Предположим, что при проведении своей экономической политики по борьбе с технологической безработицей государство следует принципам неизбежного рыночного равновесия, изложенным еще французским экономистом Жаном-Батистом Сэем [25]. В этой ситуации у него возникает конфликт экономических интересов с рабочим классом (1), заинтересованным в плавном регулировании перехода к новым технологиям. Частным примером такого противоречия является поиск ответа на поставленный выше вопрос о том, за чей счет должно осуществляться переобучение сотрудника: за счет государства или сотрудника?

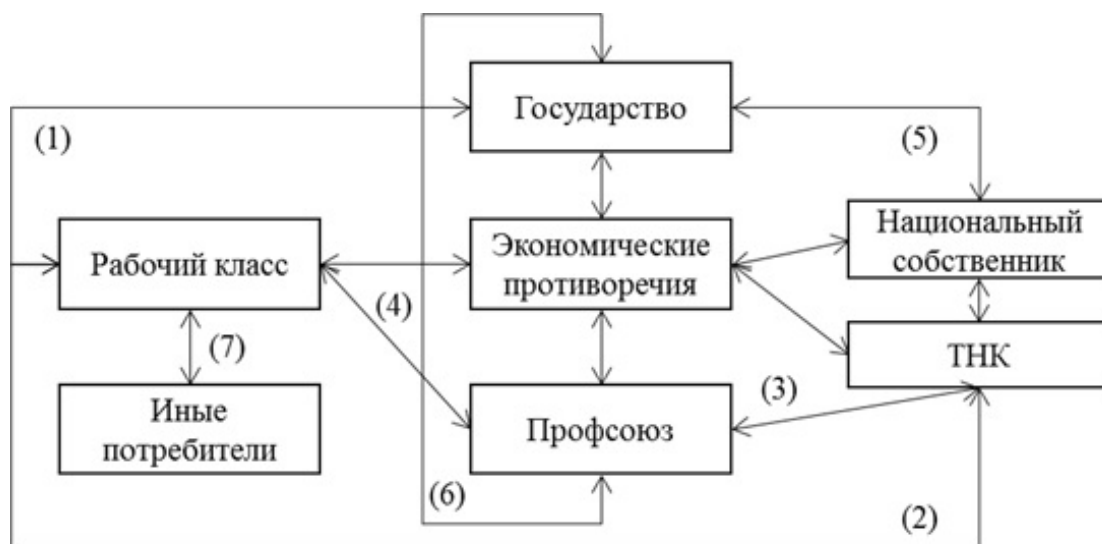

Рисунок 1 - Противоречия при формировании экономической стратегии «социально-ориентированного» государства в контексте преодоления последствий технологической безработицы [составлено автором]

Выделим еще один потенциальный детонатор в возникновении конфликта экономических интересов между государством и собственником капитала, включая транснациональный капитал (5). Безусловно, любое государство заинтересовано в поддержании инвестиционной активности, которая может сопровождаться и через технологическое отчуждение человека, с целью стимулирования экономического роста. Однако такой процесс одновременно входит в противоречие с фискальным интересом государства при перераспределении бюджетных средств (например, сбора подоходного налога, значение которого может снизиться в связи с вытеснением сотрудника из экономической деятельности). Вдобавок государство может быть заинтересовано в переобучении сотрудника за счет собственника капитала, но такая инициатива будет противоречить его интересам.

Выделение отдельного игрока, а именно транснационального капитала (5) связано со следующим противоречием. С одной стороны, аналогичные конфликты экономических интересов, характерные для национальных собственников капитала, могут быть переложены и на иностранных инвесторов. С другой стороны, для них может быть выделен отдельный узкий, но существенный конфликт экономических интересов. Речь идет о том, что в современных условиях иностранные инвесторы могут выводить прибыль из государства без налогообложения в стране-источнике, либо по крайне низкой эффективной ставке, тогда как национальные собственники капитала лишены такой возможности. Очевидно, что такая особенность противоречит интересам государства, заинтересованного в пополнении доходов бюджета с целью экономического сглаживания перехода работников к новым технологиям.

Помимо государства немаловажную роль при разрешении экономических конфликтов в условиях технологической безработицы могут сыграть и профсоюзы (3,6,4). Однако, здесь следует

сделать следующую ремарку: деятельность профсоюзов должна быть действительно направлена на защиту интересов рабочего класса при переходе к новым технологиям, в частности, при решении избитого вопроса об источнике затрат на переобучение сотрудника. В таком случае их деятельность может вызвать конфликт интересов как с государством, если оно не заинтересовано в защите интересов рабочего класса, так и с собственниками капитала, заинтересованными в снижении издержек на труд.

Наконец, конфликтогенным по сути является противоречие в интересах между рабочим классом, профсоюзом и иными потребителями товаров и услуг. Зачастую, введение новых технологий ведет к снижению цен на товары и услуги, а также появлению новых продуктов [26]. Неявно, но такая тенденция может приветствоваться иными потребителями, особенно, в ситуации, когда их деятельность как географически, так и экономически далека от активности технологически отчужденных работников. Однако такой интерес входит в противоречие с целеустановкой рабочего класса и профсоюзов, заинтересованных либо в сохранении рабочих мест, либо в плавном переходе к новым технологиям.

Таким образом, исходя из анализа подходов к определению понятий «технологическая безработица», «структурная безработица», а также научного осмысления компенсационных эффектов и раскрытия противоречий при формировании экономической стратегии, направленной на преодоление ее негативных последствий, можно сделать следующий вывод. На наш взгляд, экономическая категория «технологическая безработица», не поддаваясь одномерному определению, представляет собой сложный интегративный и парадигмальный термин, дефиниция которого охватывает следующие аспекты:

- технологическая безработица возникает вследствие сокращения занятых на производстве или в сфере оказания услуг в силу внедрения новых технологий, связанных с процессами механизации, автоматизации, роботизации, цифровизации, сопровождаясь возникновением спроса на другие профессии, что связывает её со структурной безработицей;

- она может быть характерной как для развитых, так и для развивающихся стран, носить как краткосрочный, так и долгосрочный характер; масштаб её негативного проявления зависит от текущего уровня социально-экономических отношений в государстве, а преодоление – от возможности оперативно и плодотворно разрешить конфликты в экономических интересах субъектов экономической деятельности.

Заключение.

Представляется важным отметить следующие два момента. Проведенный теоретический анализ показывает наличие узкого взгляда на проблему технологической безработицы. Большинство исследователей принимаются во внимание и рассматриваются лишь отдельные аспекты данной проблемы – имеет ли данная экономическая категория связь со структурной безработицей, носит ли она долгосрочный или краткосрочный характер, характерна ли она для развивающихся или только развитых стран. На наш взгляд, технологическая безработица - это многомерное и интегративное понятие, сущность которого должна отражаться сквозь призму социально-экономических отношений и учета возможности в оперативном разрешении конфликта экономических интересов при её преодолении. Очевидно, что для каждой из стран такое соотношение является уникальным, так как причинно-следственные связи технологической безработицы, отягощенные многочисленными обстоятельствами исторического, географического, цивилизационного характера требуют от общества персонального подхода к разрешению конфликта экономических интересов между субъектами экономической деятельности. В этой связи, мы считаем перспективным и актуальным проведение точечных российских исследований по указанной тематике, так как они позволят найти ответ на вопрос об угрозе России технологической безработицы в среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джон Мейнард Кейнс. Экономические возможности наших внуков (пер. с англ. яз.) // Вопросы экономики, № 6, 2009. – с. 60-69.
2. Экономика: учебник для бакалавров / Е.Ф. Борисов. - Москва: Проспект, 2014. - 263 с.
3. Голицова Наталия Николаевна. Развитие сферы услуг и рынка труда в шахтерских регионах: На примере Ростовской области: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.04. - Шахты, 1999. - 168 с.
4. Перов Георгий Олегович. Проблемы молодежной безработицы в среднем российском городе: монография. - Москва: Русайнс, 2017. - 113 с.
5. Мумладзе Р.Г. Экономика труда. – Москва: РУСАЙНС, 2016. – 189 с.
6. Осипова, Анна Анатольевна. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях : террорист. акты, катастрофы, стихийн. бедствия, войны, межнац. конфликты, сексуальн., физ. насилие, утрата близких, сиротство, развод родителей / А. А. Осипова. - Ростов н/Д: Феникс, 2005 (ЗАО Книга). - 315 с.
7. Прокудина Марина Дмитриевна. Статистический анализ, оценка и прогнозирование занятости населения Кемеровского региона: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.12. - Москва, 2006. - 260 с.
8. Ростислав Капелюшников. Технологическая безработица. Почему машины не вытеснят человека с рынка труда [Электронный ресурс] / IQ-HSE. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/211413387.html>
9. Социальный облик Востока / Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения; [Отв. ред. Р. Г. Ланда]. - М.: Вост. лит., 1999. - 405 с.
10. Каутский Карл (1854-1938). ... Нет больше социал-демократии! Ответ Центр. союзу нем. фабрикантов: Изд. в Германии по постановлению Центр. ком. Нем. социалдемократ. партии / Пер. с нем. М. Лапина и Дм. Лещенко, под ред. Дм. Лещенко; С предисл. Н. Ленина [псевд.]; К. Каутский. - Санкт-Петербург: Утро, 1906. - 96 с.
11. Чхан Ха Джун (1963-). Как устроена экономика [Текст] / Ха-Джун Чанг; перевод с английского Елены Ивченко. - 4-е изд. - Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. - 298 с.
12. Иванюков Иван Иванович (1844-1912). Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений / И. Иванюков, д-р полит. экономии, проф. Петр. акад. - 3-е изд. - Москва: Н.И. Мамонтов, 1891. - 473 с.
13. Блинова Надежда Сергеевна. Закономерности развития рыночных отношений по поводу потребления рабочей силы: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01. - Чебоксары, 2003. - 181 с.
14. Уткин Анатолий Иванович. Как пережить кризис: уроки Великой депрессии / Уткин А. И. // - Москва: Эксмо, 2009. - 316 с.
15. Бокарев Юрий Павлович. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-1980-е годы / Ю. П. Бокарев // Российская акад. наук, Ин-т российской истории. - Москва: Наука, 2007. – 380 с.
16. Ron Edwards. Computer Technology and Unemployment. The Australian Quarterly. Vol. 59, No. 1 (Autumn, 1987), pp. 84-90
17. Хабермас Юрген (1929-). Политические работы / Юрген Хабеас; [пер. с нем. Б. М. Скуратова]. - Москва: Праксис, 2005 (ОАО Тип. Новости). - 361 с.
18. Чандра Джаг Парвеш. Индийский образец социалистического общества: пер. с англ. : [в 2 вып.] / Джаг Парвеш Чандра. - М.: Изд-во Иностр. лит (ИЛ), 1956-1957. - 23 см. Вып. 1. - 1956. – 141 с
19. Technology at work v2.0. The future is not what it used to be [Электронный ресурс] / Oxford

Martin. Режим доступа: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/news/201601-Technology-at-Work-2>

20. Мануэль Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

21. John Bates Clark. Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problem of Industry and Public Policy – London: Macmillan, 1907. – 588 p.

22. Ядгаров Я.С. История экономических учений. – Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 480 с. – (Высшее образование).

23. Суви́ров, Н.И. Безработица и страхование от ее последствий в Западной Европе / Н.И. Суви́ров. - Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. - [4], 212 с.; 23. - (Библиотека «Общественной пользы»).

24. Януш Корнаи. Размышления о капитализме. – М.: Издательство Института Гайдара, 2012. – 352с.

25. Жан-Батист Сэй. Трактат по политической экономии [Электронный ресурс] / Экономическая литература. Режим доступа: <http://ek-lit.narod.ru/say004.htm>

26. Marco Vivarelli. Innovation and Employment: A Survey [Электронный ресурс] / Max Planck Institute of Economics Jena and IZA. Режим доступа: <http://ftp.iza.org/dp2621.pdf>

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артеменко Дмитрий Анатольевич

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Государственные, муниципальные финансы и финансовый инжиниринг»
Высшая школа бизнеса Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
E-mail: dartemen@mail.ru

Василенко Людмила Александровна

магистрант,
кафедры «Государственные, муниципальные финансы и финансовый инжиниринг»
Высшая школа бизнеса Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
E-mail: lulilka@bk.ru

Аннотация: В статье рассмотрено современное состояние сферы налогообложения малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Проведен анализ публикаций средств массовой информации, официальных сайтов органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, а также действующих нормативно-правовых актов и внесенных в них изменений. На основании проведенного исследования сделаны выводы о существующих проблемах в сфере налогообложения малого и среднего предпринимательства. Ключевой проблемой определено налоговое администрирование малого и среднего бизнеса в России в современных условиях, которое, в свою очередь, влияет на развитие экономики в целом. Рассмотрены основные условия и преимущества специального налогового режима для самозанятых граждан – налога на профессиональный доход.

Ключевые слова: малый бизнес; налоговое администрирование; субъекты малого и среднего предпринимательства; налоговый режим; государственная поддержка предпринимательства; налоговая нагрузка.

JEL: H21, H25;

Artemenko Dmitry Anatolyevich
doctor of Economics, Professor,
head of the Department «State, municipal Finance and financial engineering», Higher school of business of the southern Federal University,
Rostov-on-don, Russia

Vasilenko Liudmila Aleksandrovna,
graduate student of the Department of State, municipal Finance and financial engineering, Higher school of business Southern Federal University
Rostov-on-don, Russia,

Abstract: The article considers the current state of the sphere of taxation of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. The analysis of publications of mass media, official websites of legislative and Executive authorities of the Russian Federation, as well as current legal acts and changes made to them is carried out. Based on the conducted research, conclusions are made about existing problems in the sphere of taxation of small and medium-sized businesses. The key problem is defined as the tax administration of small and medium-sized businesses in Russia in modern conditions, which, in turn, affects the development of the economy as a whole. The main conditions and advantages of a special tax

regime for self – employed citizens-a tax on professional income-are considered.

Keywords: small business; tax administration; small and medium-sized businesses; tax regime; state support for entrepreneurship; tax burden.

На сегодняшний день одним из важнейших направлений устойчивого социально-экономического развития России является развитие малого бизнеса, который входит в число ключевых элементов рыночной экономики. В настоящее время в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации занято более 19 млн человек [1], что составляет порядка 15% от общей численности населения страны. При этом вклад малого бизнеса в ВВП России составляет около 21,9%, что значительно меньше аналогичного показателя в развитых странах (50-60%) [2].

Необходимо отметить, что использование специальных режимов наиболее привлекательно для субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП). Это объясняется сниженной, по сравнению с общим режимом налогообложения, налоговой нагрузкой предоставлением упрощенной отчетности. При этом в современном законодательстве существуют определенные ограничения, препятствующие повсеместному применению упрощенных режимов налогообложения (рис. 1).

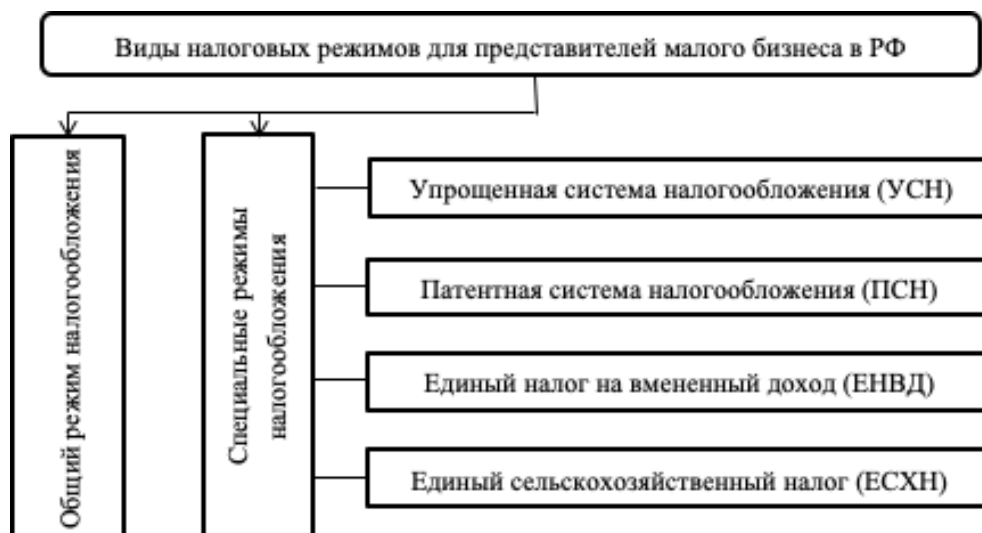

Рисунок 1 – Виды налоговых режимов для субъектов малого и среднего предпринимательства [3]

Применение специальных налоговых режимов позволяет учитывать специфику деятельности и размер организации, что в современных условиях рыночной экономики особенно актуально. Однако каждый специальный налоговый режим имеет не только преимущества, но и недостатки, которые также необходимо учитывать [4].

В то же время, существует объективная необходимость в увеличении доходных поступлений в государственный бюджет. При этом возникает ситуация, при которой государством внедряются меры по легализации предпринимательской деятельности за счет предоставления налоговых льгот и преференций субъектам МСП, введения специальных налоговых режимов с особыми условиями налогового учета доходных поступлений. Одним из основных инструментов повышения доходных поступлений в государственный бюджет от сферы малого и среднего предпринимательства является налоговое администрирование МСП. Здесь можно отметить ряд проблем, неоднократно озвучиваемых предпринимательским сообществом и различными общественными объединениями.

Прежде всего, одной из проблем является большой объем форм налоговой отчетности. Данная проблема в большей степени касается тех субъектов МСП, которые имеют наемных работников. То есть налоговая отчетность у индивидуального предпринимателя (ИП), не имеющего наемных

работников, значительно меньше, чем у тех предпринимателей, у кого есть в подчинении минимум 1 работник, поскольку в таком случае ИП расценивается как работодатель.

Кроме того, предоставление налоговой отчетности несвоевременно или не в полном объеме грозит представителям малого бизнеса не только штрафными санкциями, но и лишением права получать государственную поддержку. В настоящее время сведения в действующий в Российской Федерации Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства вносятся раз в год по результатам предоставленной ФНС России информации о налоговой отчетности субъектов МСП. Соответственно несвоевременное предоставление предпринимателем каких-либо отчетных форм приводит к исключению из данного реестра, что лишает его возможности пользоваться государственной поддержкой (финансовой, имущественной, образовательной, консультационной и т.д.).

Есть два решения данной проблемы: организовать процесс предоставления предпринимателем отчетности с большей периодичностью или обновлять сведения реестра чаще одного раза в год (ежеквартально).

Другая проблема, возникающая в процессе налогового администрирования малого и среднего бизнеса, это необходимость перехода субъектов МСП от системы налогообложения, связанной с уплатой единого налога на вмененный доход (ЕНВД), к другим специальным налоговым режимам, в связи с его отменой с 1 января 2021 года [5, ч. 8 ст. 5]. Наиболее вероятно, что после отмены данного специального налогового режима последует ликвидация многих ИП, что только осложнит деятельность в сфере налогового администрирования и одновременно увеличит риск разрастания «теневого сектора» экономики.

Естественно, значительная часть предпринимателей продолжит свою деятельность и будет переходить на новые налоговые режимы, что лишь добавит нагрузку органам налогового контроля, связанную с отслеживанием налоговых поступлений по новым для этих предпринимателей условиям.

Еще одна проблема, вызывающая резонанс среди представителей предпринимательского сообщества, - это требование применять контрольно-кассовую технику (ККТ) при производстве расчетов [6]. Безусловно, данная мера принята в целях упрощения процесса налогового администрирования и предотвращения образования теневых доходов у представителей бизнеса. В то же время вся ККТ подлежит обязательной регистрации в налоговом органе, соответственно, на ФНС России возложена обязанность ведения реестра ККТ. Однако необходимость применения ККТ воспринимается предпринимателями достаточно неоднозначно по ряду причин, как основные можно выделить: высокую стоимость контрольно-кассового аппарата и его годового обслуживания и низкий срок эксплуатации (до 10 лет). Применение ККТ не обязательно для некоторых категорий предпринимателей, в том числе для тех, кто применяет ЕНВД. Отсюда закономерно следует вывод, что с 1 июля 2021 года обязанность применять ККТ будет возложена еще на одну категорию предпринимателей, что, несомненно, окажет влияние на процесс администрирования и фиксирования нарушений.

Одним из важных направлений государственной поддержки малого и среднего бизнеса является налоговое регулирование. Для государства особенно важно активизировать процесс по так называемому «выводу из тени» лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации. Для реализации данных мер в России с 2019 года запущен пилотный проект, связанный с введением специального налогового режима – налога на профессиональный доход для самозанятых граждан [7]. Самозанятыми могут быть граждане, работающие сами на себя (не имеющие работодателя и наемных работников). Вместо НДФЛ они будут уплачивать налог на профдоход по ставкам:

4% – при расчетах с физическими лицами;

6% – при расчетах с ИП и организациями.

Требовать с этого дохода взносы государство не будет.

К облагаемым в рамках нового режима доходам будут в том числе относиться доходы:

– от продажи товаров (исключение — продажа имущества, которое использовалось для личных, домашних и иных подобных нужд);

– выполнения работ, оказания услуг, если только договор ГПХ не заключен с работодателем или лицом, которое было работодателем самозанятого менее двух лет назад;

– сдачи в аренду жилья.

Режим будет доступен тем, чьи доходы не превышают 2,4 млн руб. в год (то есть в среднем 200 тыс. руб. в месяц).

Возможно уменьшение ставки по налогу на профессиональный доход (налоговый вычет), до момента пока общая сумма уменьшения не достигнет 10,0 тысяч рублей. Срок использования налогового вычета не ограничен. Уменьшение суммы налога возобновится в случае повторного перехода на налог на профессиональный доход, если не исчерпан лимит в 10,0 тысяч рублей.

Соответственно, данные действия направлены на недопущение разрастания теневого сектора экономики и легализации доходов физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также позволяет снизить, что особенно важно, и административное давление на граждан России.

По итогу 2019 года эксперимент был признан успешным, о чем свидетельствует постоянный рост числа зарегистрированных самозанятых налогоплательщиков. Зарегистрировалось уже более 240 тыс. человек.

Стоит отметить, что термин «самозанятые» используется с 2017 года. Ранее его применяли только по отношению к гражданам, которые оказывают услуги физическим лицам для личных нужд. Это - репетиторы, няни, помощники по хозяйству. Таким лицам при условии уведомления налоговых органов о том, что они занимаются оказанием соответствующих услуг, предоставляются налоговые каникулы в виде невзимания НДФЛ за период с начала 2017 по конец 2019 года. Начиная с 2018 годом, программа набирает популярность, в июне 2018г. число зарегистрированных как «самозанятые» граждан было всего 1529 человек. (рис. 2).

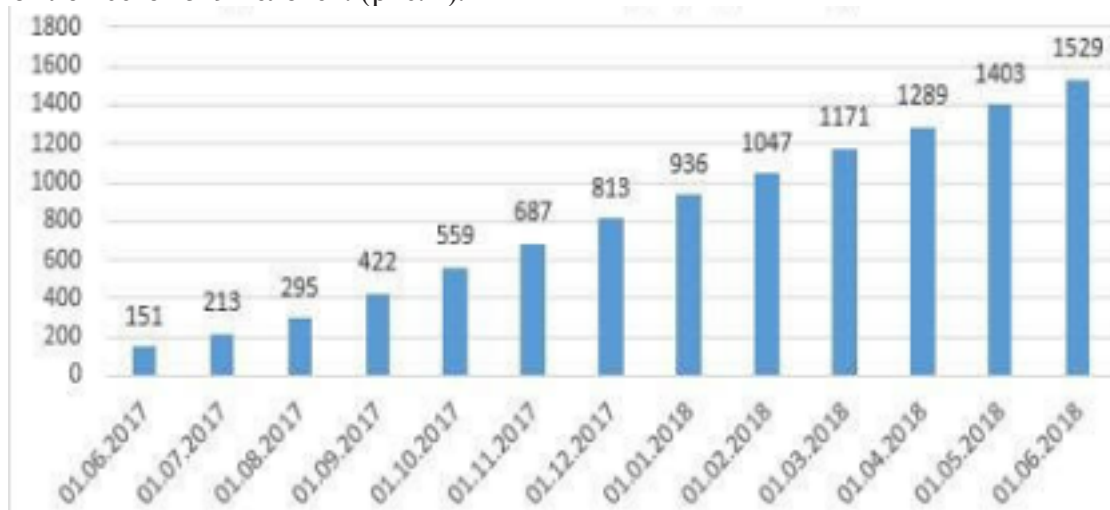

Рисунок 2 – Количество самозанятых граждан, осуществляющих деятельность по оказанию услуг физическим лицам, чел. [8]

В целом, стоит заметить, что проблемы налогового администрирования малого и среднего бизнеса так или иначе связаны с новшествами, внедряемыми в системе налогообложения для субъектов МСП. Безусловно, все меры, принимаемые государством в данной сфере, направлены на создание оптимальных и привлекательных условий для ведения предпринимательской деятельности.

Однако зачастую, данные изменения имеют обратный эффект.

Именно поэтому, по нашему мнению, возникает необходимость в более тщательной проработке указанных вопросов с целью снятия социальной напряженности в предпринимательской среде, вызванной происходящими изменениями в налоговой сфере, а также с целью упрощения процесса налогового администрирования малого и среднего бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] URL:<https://ofd.nalog.ru> (дата обращения: 12.04.2019);
2. Информационное агентство «РБК» [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 31.10.2019);
3. Составлено автором на основании информации представленной на официальном сайте Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс] URL: <https://www.nalog.ru/> (дата обращения: 01.02.2020);
4. Курбанов С. А. Анализ специальных налоговых режимов для малого бизнеса на современном этапе и перспективы их развития. / С.А. Курбанов, М.Э. Байсултанов // Journal of Economy and Business, vol. 11-2 (57). 2019. С. 53-57;
5. Федеральный закон от 29.06.2012 N 97-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.04.2019);
6. Федеральный закон от 22.05.2003 N 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.04.2019);
7. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.04.2019);
8. Что означает статус самозанятого гражданина? Законодательное регулирование вопроса. Текст: электронный // Журнал для самозанятых. – 2019 - [Электронный ресурс] – URL: <https://samoinfo.ru/dokumenty-i-registratsiya/status-samozanyatyj-chto-eto#i> (дата обращения: 09.04.2019);
9. Официальный портала Минфина России [Электронный ресурс] URL: <https://m.minfin.ru/ru/> (Дата обращения: 01.11.2019).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДОКТОРУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ КАФЕДРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА АЛЛЕ БОРИСОВНЕ БЕРЕНДЕЕВОЙ

Субетто Александр Иванович

доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ,
вице-президент Петровской академии наук и искусств,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: subal1937@yandex.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: Работа является откликом А.И. Субетто на отзыв А.Б. Берендеевой по поводу его ранее опубликованной статьи. Автор благодарит рецензента и показывает, в чем разделяет её суждения и оценки. В то же время по ряду аспектов вступает в полемику. При этом отстаивает и развивает положения своей концепции ноосферного развития.

Ключевые слова: ноосферная парадигма истории в 21-м веке; стратегия выхода человечества из экологического тупика; экологический конец капиталистической системе хозяйствования; эпоха великого эволюционного перелома.

JEL: A13

Уважаемая Алла Борисовна!

Приношу Вам свою признательность за такой великолепный отзыв [1] на мою статью «Императив возрождения сильной государственности в России в контексте императива перехода человечества к ноосферной парадигме истории в XXI веке».

Сразу же отмечу, что я в принципе полностью согласен с содержанием Вашей рецензии, в том числе с критическими замечаниями, которые я больше воспринимаю как важные дополнения, более того – дополнительную аргументацию, к тем теоретическим положениям, которые были мною сформулированы в этой статье.

В целом, замечу, для меня большая радость получить такой «отзыв», который Вы представили в журнале, поскольку я не избалован такими отзывами, и Ноосферизм пока остаётся вне внимания ведущих ученых и политиков страны.

Я давно разрабатываю теоретическую систему Ноосферизма (уже почти 30 лет). И из более чем 400 книг, опубликованных мною или единолично, или в форме коллективных монографий, в большинстве случаев под моей научной редакцией, более половины напрямую посвящены Ноосферизму как сложному научно-мировоззренческому комплексу (и его разным «модулям» или «блокам»), и одновременно как стратегии выхода человечества из Экологического Тупика Истории в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, процессы которой к сожалению, развиваются. И вполне возможно, что явление «коронавируса» миру в форме пандемии, «природа» и происхождение которого продолжает для мировой науки оставаться загадочными, является одной из «реакций» гомеостатических механизмов Биосферы на антропогенное, через стихийно

развивающееся рыночное хозяйство, давление на неё.

И это мое открытое письмо к Вам, надеюсь, что журнал «Теоретическая экономика» его опубликует, преследует одну цель – расширить поле рефлексии по поводу ряда теоретических положений в статье, на которые Вы так или иначе обратили внимание в Вашем отзыве.

Первое – это ответ на вопрос «Как связаны судьбы рынка и капитализма и стратегия экологического выживания человечества в XXI веке, и вполне возможно в вероятном, более жестком, развитии событий – даже до середины этого века?».

Ответ на этот вопрос в форме утверждения – «Рынку как механизму развития всей мировой экономики в целом, и российской экономики – в частности, наступил Экологический Конец (или Финал), а это означает – и Экологический Конец (или Финал) всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования она Земле», – особенно неприемлем для тех ученых-экономистов, которые стали авторами «рыночных реформ» в СССР – России и полного отрицания плановой советской экономики, которую нарекли «административно-командной системой» и которую рассматривали как основу советского тоталитаризма. Именно это послужило основой ликвидации в 1993 году системы советской власти и соответственно – системы государственного управления на базе Советов, Госплана, а также сложившейся колхозно-совхозной системы ведения сельского хозяйства, самой эффективной для наших суровых природных условий.

Интересен сам по себе факт, что именно в 1991 году, к концу которого произошло разрушения СССР в результате «сговора» в Беловежской пуще лидеров Украины, Беларуси и России, на «белый свет» появился документ в форме научного Доклада, написанного по заказу Мирового Банка, под руководством известных мировых ученых Роберта Гудленда, Германа Дейли и Салеха Эль-Серафи, в котором был вынесен своеобразный вердикт (цитирую по книге В.А.Зубакова [2, с. 9] со ссылкой на [3]): «в условиях уже заполненной земной экологической ниши, рыночный механизм развития экономики исчерпал себя». Иными словами, Экологический Приговор Рынку этими известными учеными был «озвучен» именно тогда, когда в СССР- России был взят курс на рыночные реформы и рыночную экономику, как, по мнению ученых – Абалкина, Петракова, Явлинского, Лившица, Шаталина, Г.Х.Попова, Е.Т.Гайдара, Ясина, Кудрина и других, более эффективную, чем советская плановая экономика, которая через приватизацию была подвергнута полному демонтажу, что привело отечественную экономику к мощным процессам деиндустриализации и деинтеллектуализации, к резкому сокращению интеллектоёмких, наукоёмких и образованиеёмких отраслей промышленности.

Генеральной секретарь Международной конфедерации профсоюзов и один из председателей Давосского Форума в январе 2018 Шаран Барроу, скорее всего, не ведая об этом Докладе Гудленда, Дейли и Эль-Серафи., заявила, что процесс разделения мира не остановить, пока будут действовать «законы рыночной алчности», и что в то же время 85% населения мира жаждет перемен, и поэтому «нужно новое видение будущего, новая модель мира». К близкому выводу пришел и известный американский философ Иммануил Валлерстайн, к сожалению покинувший наш мир в конце августа 2019 года. Он в своей книге «Конец (известного нам) Света» пришел к выводу, что «известный нам мир», который характеризуется «специфическим феноменом, так называемым «капитализмом» или «рыночной экономикой», «приходит к концу». И далее жестко указал: «... капитализм (моё замечание: и значит – «рыночная экономика», С.А.) – это болезнь, и её надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества» (цитирую по книге И.Шамира «Каббала власти» [4, с. 163 – 165]).

А поскольку «рынок» и «капитализм» действуют и определяют хозяйственную форму взаимодействий человечества с Биосферой и планетой Земля, как суперорганизмами, имеющими собственные гомеостатические механизмы, то процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы развиваются, по сути выражая собой рыночный экоцид всего человечества. Подтверждением этого вывода может рассматриваться Доклад «Предупреждение человечеству. Второе уведомление», написанный международной группой ученых во главе с профессором Уильямом

Рипплом из Университета Штата Орегон (США) и опубликованный в 2017 году, и который подписали более 15 тысяч ученых из 184 стран мира (см. [5]). В этом «Предупреждении человечеству» ученые бьют тревогу по поводу того, что за последние 25 лет (за период с 1992 года по 2017 год) произошло резкое ухудшение экологической ситуации в мире: (1) сокращение пресной воды на душу населения на 26%; (2) снижение улова «дикой рыбы» в мировом океане; (3) увеличение плана «мертвых зон» в океане на 75%; (4) истребление лесных угодий объемом в 1,2 миллиона квадратных километров; (5) значительный рост выбросов в атмосферу углерода и средних температур; (6) рост численности населения планеты на 35% при одновременном сокращении численности млекопитающих, рептилий, амфибий, птиц и рыб на 29%; и другие. Это и есть наглядная форма рыночного экоцида в планетарном масштабе.

Думаю, что эти данные только подтверждают вывод, который был сделан мною, начиная еще с конца 90-х годов (я посвятил аргументации этого вывода целую серию работ, в том числе, кроме «Ноосферизма» (2001), такие работы как «Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива» (2004), «Эпоха Великого Эволюционного Перелома» (2008), «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма» (2009), «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика» (2013), «Капиталократическая эсхатология (причины возможного экологического самоуничтожения строя капиталократии)» (2016), «Экологический колониализм и крах рыночных реформ в России. Наступление эпохи великих ноосферно-социалистических преобразований» (2019) и др.). Этот вывод состоит в том, что наступившая на рубеже 80-х – 90-х годов XX века первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы обозначила собой наступление Эпохи Великого Эволюционного Перелома (которая может продлиться до конца XXI века), и частью которой является Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма, и которая есть переход к Ноосферизму, как новому пути развития человечества. Базисом этого нового пути развития являются: Ноосферный Экологический Духовный Социализм, научно-образовательное общество (в котором образование выступает «базисом базиса» духовного и материального воспроизводства, а наука – производительной силой и «силой» управления) и управляемая ноосферная экономика.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть эпоха Экологического Отрицания Рынка и Капитализма. И коль скоро – целая эпоха такого отрицания, то, уважаемая Алла Борисовна, в этой эпохе будет и промежуточный этап существования плано-рыночной экономики, в котором с помощью механизма планирования и мощного планового сектора экономики стихийные силы рынка будут направляться в направлении в соответствии с целями стратегического социально-экономического развития общества. Поэтому ссылки на аргумент, что «сейчас рыночный хозяйственный механизм, как основой прописан в программных документах всех партий и движений в нашей стране», даже в Программе КПРФ прописаны плановые и рыночные механизмы развития, таким образом, не есть доказательство, что «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма» не наступила.

Но в самом феномене «Экологического Отрицания Рынка и Капитализма», «вестником» начала которого стали процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, есть одна необычная новизна, неотрафлексированная не только мировой экономической наукой, но и в целом всем блоком социально-гуманитарных наук, т.е. обществоведением.

Эта новизна в моей теоретической рефлексии, ставшей частью разработанной мною научно-мировоззренческой системы Ноосферизма, состоит в том, что вместе с глобальным экологическим кризисом, с появлением «пределов» экономического роста по концепции Д.К. и Д.Л.Медоузов и Й.Рандерса [6], и тем более, по мере перехода этого кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, вышла на «арену истории» Большая Логика Социоприродной Эволюции.

Все гуманитарные науки, и экономическая наука в том числе, обществоведение изучали Внутреннюю Логика Социального Развития (ВЛСР), к которой я отношу:

– и «формационную логику» истории К.Маркса (логику смены общественно-экономических

формаций, составлявших суть исторического материализма – «истмата», который мы изучаем в советской системе образования),

– и «цивилизационную логику», т.е. логику объяснения исторического процесса, включающую подходы Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, П.А.Сорокина, А.Дж.Тойнби, Ю.В.Яковца,

– и «хозяйственно-технологическую логику», которая делает ставку на ведущую роль в движении истории на технологический детерминизм (к этой «логике» я отношу и теорию смены хозяйственно-технологических укладов С.Ю.Глазьева, и близкие к этой теории построения Ю.В.Яковца, и концепции Нэсбитта, Тоффлера и др., включая футурологические построения на базе представлений о «цифровом обществе» и «цифровой экономики», якобы снимающих негативы классического капиталистического общества.

Большая Логика Социоприродной Эволюции, которая открыта мною, - это «логика» Социо-Биосферной Эволюции, «основанием» которой является энергетический базис хозяйственно-природопользовательского «давления» человечества на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы.

До XX-го века по этому «основанию» история человечества состоялась как Малоэнергетическая Стихийная История, и которая могла развиваться благодаря действию Закона квантитативно-компенсаторной функции Биосферы, открытого А.Л.Чижевским. «Малая энергетика» энтропийного воздействия на природу (по Марксу: культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя пустыню) компенсировалась значительно превышающей мощностью производства негэнтропии (организованности живого вещества) Биосферой.

В XX-ом веке произошел скачок в энергетике миро-хозяйственного воздействия человечества на Биосферу приблизительно в 10-ть в 7-й степени раз в среднем, что позволяет охарактеризовать «историю XX века», как «Высокоэнергетическую Стихийную Историю», или как «Большой Энергетический Взрыв» в социальной эволюции человечества. Именно сочетание мощного скачка в энергетике хозяйственного воздействия на природу и рыночно-стихийных регуляторов развития экономики и общества и привело уже в середине XX-го века к глобальному экологическому кризису, а к концу этого века – к первой фазе Глобальной Экологической Катастрофы. За этой несовместимостью мощного энергетического базиса мирового хозяйства и стихийных форм развития, т.е. рынка и капитализма, стоит открытый мною Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса, в соответствии с которым: чем больше по энергетической мощи воздействие хозяйства (экономики) социальной системы на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы, тем с большим лагом упреждения должен обеспечиваться прогноз возможных негативных экологических последствий, и тем более долгосрочным должно быть научное управление социоприродной эволюцией, и тем более наукоёмкими интеллектоёмкими и образованиеёмкими должны быть общественный интеллект, олицетворяющий такое управление, и соответственно – государственная власть.

Этот мой «Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса» (я впервые его в явном виде сформулировал в работе «Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении» в 2015 году [7]) служит основой теоретического понимания того факта, что возникший императив экологического выживания имеет единственную форму своей реализации – форму управляемой социоприродной эволюции, которая только и возможна, кстати – как единственная модель устойчивого развития в будущем, на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма, научно-образовательного общества и, конечно, управляемой ноосферной экономики. И в этом контексте «чудо» сталинской экономики, которая была управляемой экономикой, раскрытое теоретически выдающимся ученым-экономистом нашего времени В.Ю.Катасоновым, является важным социально-историческим опытом, который будет востребован в ближайшем грядущем Ноосферно-Социалистическом Прорыве России.

Второе. Это мои необходимые пояснения по поводу инфраструктурного закона, как закона развития российской цивилизации, обладающей большим пространством-временем (хронотопом)

бытия. Этот закон в моей трактовке (а фундаментальное раскрытие специфических законов российской цивилизации я выполнил в ряде работ, и в первую очередь в монографиях «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке (в логике противостояния глобальному империализму и ноосферно-социалистического прорыва)», изданной в 2005 году, и «Законы социально-экономического развития России (в контексте закона гетерогенности мировой экономики)», изданной в 2014 году [8, 9]), Вы правы, призван обеспечить единство экономического пространства России. И это единство экономического пространства, с учетом больших масштабов территории России, да еще при большой энергетической стоимости воспроизводства жизни общества из-за холодности климата и низкой продуктивности биоценозов, обеспечивается не только плотностью связей в инфраструктуре России, но и низкими тарифами (ценами) на транспортные перевозки и потребляемые энергоресурсы, что может быть достигнуто (и это было достигнуто в СССР) только при плановом ведении хозяйства.

Вы сетуете на пространственную неравномерность в развитии экономики России, которая якобы противостоит действию инфраструктурного закона. Но оно так и должно быть. Если в плановой советской экономике выравнивание экономического развития по территории страны входило в плановые критерии развития, то стихийные регуляторы рыночно экономики, да ещё при дифференциации территории России по энергостойкости воспроизводства жизни и в целом экономик регионов (теория закона энергетической стоимости мною разработана), усиливают эту неравномерность, формирует процесс гипер- и мега- урбанизации, стягивания капитала, а затем и наемного труда, в несколько агломераций, при сопровождающем этот процесс процессом «обезлюживания» огромных просторов России, в первую очередь в азиатской части ее, в Сибири и на Севере, де-факто провоцирующем «алчные аппетиты» по их колонизации со стороны Китая и «Западной цивилизации», а вернее империализма США (стоит вспомнить работу Збигнева Бжезинского – ярого врага СССР и России – «Великая шахматная доска» [10], в которой планы американского империализма по расчленению России и дележке Сибири между собой и Китаем явно просматриваются).

Но к этому следует добавить: специфические законы развития российской цивилизации на то и законы, что если не соблюдаются их требования, то они порождают системную, цивилизационную катастрофу. И неравномерность пространственного социально-экономического развития России, чрезмерная концентрация её населения в нескольких агломерациях (если в СССР в Москве было 8 млн. человек, то теперь, под воздействием «рыночного геноцида», в ней сконцентрировалось 22 млн. человек, почти 16% общей численности населения России).

И этот процесс, и демографический кризис, о котором Вы пишете, и фактически почти «убитые» станкостроение, тракторная промышленность, турбостроение, электронная и текстильная промышленность, гражданское авиастроение, зависимость промышленного производства от поступления комплектующих изделий из Китая и из Западной Европы и США, – на мой взгляд, и есть итог процесса рыночного геноцида России [11]. Собственно говоря, приводимые Вами цифры по росту бедности населения, большой скрытый безработицы – только подтверждают этот мой вывод.

Третье. Да, Россия переживает рыночногенный цивилизационный кризис. Да, в России не всё благополучно с экономикой, а переживаемая нами коронавирусная пандемия только еще больше актуализировала императив перехода на стратегию развития на базе опоры на собственные силы и ресурсы, что требует национализации доминирующих инфраструктурных отраслей, центрального банка, и системообразующих промышленных предприятий.

По моим взглядам, Россия, начиная с самого начала перехода на рыночно-капиталистический путь развития в 1991/ 1992 году, превратилась в экономическую колонию [12] с вымирающим населением (ведь М.Тэтчер предрекла еще в конце 80-х годов, что в России, как поставщике ресурсов и энергии для Запада рентабельным является проживание всего 15 млн. человек, что совпадает с «ферментской моделью 20% : 80%», разработанной мировыми олигархами в Отеле «Фермонт»

в Сан-Франциско в сентябре 1995 года, по которой, с позиции эффективного воспроизводства мирового капитала, 80% населения Земли были объявлены «лишними» [13, с. 20]), при своеобразной государственной самостоятельности и самостоятельной геополитике (но при наличии «элиты», зависящей от Запада, имеющей недвижимость в Британии, Франции, Италии, Греции, Черногории, в США, Канаде, Австралии и т.д. про которую З.Бжезинский сказал в Ярославле, кажется в 2011 годы, что эта «элита» не «ваша», а «наша»; и при постоянном «бегстве» капитала через «офшоры» за границу; а также при нахождении под «офшорной юрисдикцией», за которой скрывается юрисдикция Запада [14], более 80% активов частного бизнеса).

Но Россия – действительно центр устойчивости-неустойчивости мира. Россия действительно есть целый цивилизационный континент, в пространстве которого уже совершен евразийский синтез. Поэтому Россия действительно и не Азия, и не Европа, а есть Россия.

Если произойдет распад России (по я эту возможность считаю исключительно маловероятной), то здесь найдет себе «могилу» всё человечество, вследствие военного коллапса, причем глобального по масштабу, «Востока» и «Запада», которая на фоне ускоряющихся процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, превратится в планетарную коллективную гибель всех народов, рас и цивилизаций.

Россия первой свершила Социалистический Прорыв Человечества в 1917 году под руководством В.И.Ленина и возглавляемой им партией большевиков-коммунистов, и он продолжается и развивается.

Россия в лице СССР и советского социализма первой совершила Космический Прорыв человечества в 1961 году в форме первого полета летчика-космонавта Ю.А.Гагарина на советском аппарате в ближнем Космосе вокруг Земли. И это был триумф Русской – Советской – Школы Космонавтики, у истоков которой стоит космический русский гений К.Э.Циолковский.

В России – СССР в первой половине XX-го века русским и советским ученым-энциклопедистом В.И.Вернадским было создано учение о переходе Биосферы в Ноосферу, и затем на базе его развития появилась Русская Ноосферная Научная Школа космопланетарного масштаба, на базе которой и происходит становление Ноосферизма.

Россия всей Историей своей призвана осуществить Ноосферный Социалистический Прорыв до середины XXI века и возглавить выход всего человечества из Экологического Тупика Рыночно-капиталистической истории, и тем самым спасти человечество от экологической гибели через его переход к Ноосферной парадигме будущей истории.

В целом благодарю Вас, уважаемая Алла Борисовна, за этот «Отзыв», он, по-моему, дополняет хорошо мою рецензируемую Вами статью.

Будущее человечества связано с Законом Кооперации!

Ваш

Александр Иванович Субетто

2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И.Субетто «Императив возрождения сильной государственности в России в контексте императива перехода человечества к ноосферной парадигме истории в XXI веке» // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - №3. – с. 110 – 116 [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Зубаков В.А. Эндозэкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10». – СПб.: 2002. – 86с.
3. Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Ends.) Environmental Sustainable Economic Development.

Building on Brundtland. Washington DC: World Bank, 1991.

4. Шамир И. Каббала власти. – М.: Алгоритм, 2008. – 544с.
5. Субетто А.И. Открытое письмо Уильяму Рипплу – Subetto A.I. Open Letter To William Ripple/ А.И.Субетто – СПб.: Астерион, 2019. – 32с.
6. Медоуз Д.К., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. – М.: Пангея, 1994. – 304с.
7. Субетто А.И. Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте ноосферного императива XXI века)/ А.И.Субетто/ Под науч. ред. В.В.Лукоянова. – СПб.: Астерион, 2015. – 52с.
8. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке (в логике противостояния глобальному империализму и ноосферно-социалистического прорыва). – СПб. – Кострома: Смольный университет РАО, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2005. – 324с.
9. Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России (в контексте закона гетерогенности мировой экономики). – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2014. – 112с.
10. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и её геостратегические императивы. – Л.: Международные отношения, 2002. – 256с.
11. Субетто А.И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2013. – 128с.
12. Субетто А.И. Экономический колониализм и крах рыночных реформ в России. Наступление эпохи великих ноосферно-социалистических преобразований: научно-философский очерк/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2019. – 52с.
13. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание. – М.: Альпина, 2001. – 335с.
14. Катасонов В.Ю. Закат эпохи либерализма Хроника финансового Апокалипсиса (Серия «Финансовая хроника профессора Катасонова») (Выпуск VIII). – М.: Книжный мир, 2019. – 512с.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ЮРЬЕВИЧА АРХИПОВА

Ушел из жизни Алексей Юрьевич Архипов. Он был видным ученым и замечательным человеком, большим другом нашего журнала.

Доктор экономических наук, профессор, до недавнего времени директор Высшей школы бизнеса и и.о. заведующего кафедрой международного бизнеса экономического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), Алексей Юрьевич был Почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, вице-президентом Академии философии хозяйства и членом редколлегии альманаха «Философия хозяйства» экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

А.Ю. Архипов окончил экономический факультет Ростовского государственного университета в 1976 году и стал работать преподавателем этого университета, которому отдал 44 года научно-педагогической деятельности. В 1994 году он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук в Российской академии управления при правительстве Российской Федерации в Москве, а в 1999 году докторскую диссертацию в Ростовском госуниверситете. С 2000 по 2013 гг. был заведующим кафедрой мировой экономики и международных отношений. В 2001 году создал и возглавил Институт экономики и внешнеэкономических связей Ростовского государственного (позднее – Южного федерального) университета. В 2010-2012 гг. работал проректором по экономике Южного федерального университета. В 2013 институт был преобразован в Высшую школу бизнеса этого университета. С октября 2016 года Алексей Юрьевич стал и.о. заведующего кафедрой международного бизнеса.

Алексей Юрьевич основал и возглавлял научную школу «Глобализация и многополярность мировой экономики, место России в ней, пути развития внешнеэкономической деятельности, субъективное в экономике, роль экономического мышления, образования». В 2014-2018 гг. А.Ю. Архипов был членом экспертного совета ВАК при Минобрнауки РФ по экономической теории, финансам и мировой экономике. Он является автором более двух с половиной сотен научных и научно-методических работ, в том числе 11-ти монографий. Под руководством Алексея Юрьевича защищены 32 кандидатские диссертации, в том числе аспирантов и соискателей из Германии, Китайской народной республики и других стран. Он являлся научным консультантом по пяти защищенным докторским диссертациям. Алексей Юрьевич был заместителем председателя диссертационного совета по экономическим наукам Д 212 208 02 при Южном федеральном университете, действительным членом Российской академии естественных наук, Академии гуманитарных наук, Международной академии организационных наук.

Наше знакомство с Алексеем Юрьевичем возникло на научных конференциях Академии философии хозяйства в стенах экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и переросло в длительные товарищеские и научные связи. Это был замечательный, внимательный и отзывчивый человек. Я благодарен ему за то, что он выступил с отзывом на автореферат моей докторской диссертацией перед её защитой. И, конечно, безмерно благодарен ему за постоянную поддержку нашего журнала с его первых шагов: Алексей Юрьевич внимательно изучал материалы каждого номера, всегда находил время для обсуждения их со мною и даже письменно обратился к председателю ВАК от имени возглавляемого им тогда Института экономики и внешнеэкономических связей, где дал высокую оценку нашему изданию.

От имени редколлегии и многочисленных авторов и читателей нашего журнала выражаю глубокое соболезнование родным и близким Алексея Юрьевича. Светлая память об этом видном ученом и замечательном человеке всегда будет в наших сердцах.

Гордеев В.А.